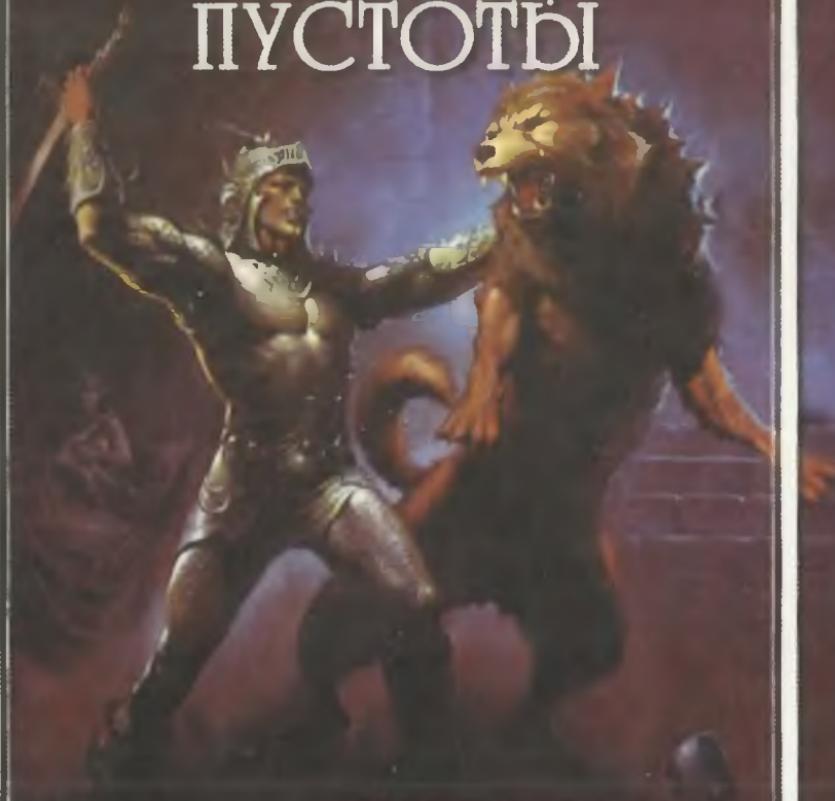

КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН и Боги Тьмы 2	КОНАН и меч КОЛДУНА 3	КОНАН БРОКАЕТ ПЛЕВОВ 4	КОНАН и ПОВАЛЯЕТ ПЕЩЕР 5	КОНАН и Песня СНЕГОВ 6	КОНАН и НЕВСКАЯ СЕКИРА 7
КОНАН на Море КОРОЛЯ 8	КОНАН ПЕЧАТАЕТ ВОН 9	КОНАН и КИРЛАН БОГОВ 10	КОНАН и ДАР МИТРИ 11	КОНАН и ИСКРЫ КАИНСКИ 12	КОНАН и ГРЮТ ДАРОМЫ 13	КОНАН и ЦВЕТЫ ГЛАУЧЕГО 14
КОНАН и ВЕЧНО ЗЕЛЕНЫХ СТИХИИ 15	КОНАН и ПЕСНЯ ПОВИНОВ 16	КОНАН и ТАЛЛЮНН ЗМ НЕ НАКАНО 17	КОНАН и БИН НЕГАЛА 18	КОНАН и ПОКРЫ ПЛЕНЕНЫХ ДУШ 19	КОНАН и ИСТОЧНИК СУДЕЙ 20	КОНАН и СЕРДЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН и БАТРОВС СИИ 22	КОНАН и ПЕЧАТАЕТ ПРОВАЛОГИ 23	КОНАН и ВОЛОСТНО МРАКА 24	КОНАН БАРЫМН И КИРЛАН 25	КОНАН и РЫКИЙ ЛСТРЕБ 26	КОНАН и ПЛЕННИЛ ДОХНИ 27	КОНАН и ЗАГОВОР ТЕНИ 28
КОНАН и КОЛКИ КРОМА 29	КОНАН и ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН и АЛЛАЯНИН ЛАВРИМНТ 31	КОНАН и ПОКОЛОНН ИАСИ 32	КОНАН и ЧАЩА БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН и ЛЕДЯНОЙ СТИХИИ 34	КОНАН и ТОЧЕЛНИ ПРЕЗИМ 35
КОНАН и АЛАРД ПОБЕДЫ 36	КОНАН и БИТВА БЕССМОРТИЯ 37	КОНАН и ПОВАЛЯЕТ ПЛОТИ 38	КОНАН и БЕРЕГ ПРОКАТИК 39	КОНАН и ОКОНЫ ВЕЗМОЛЯНИЯ 40	КОНАН и ВЛАМНИН НЕВЕС 41	КОНАН и ДРЕВО МИРОВ 42

УДК 820 (73)
ББК 84.7 (США)
Л73

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Локнит О.Б.

Л73 Конан и танец пустоты: Романы / О.Б. Локнит. — М.:
ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс»,
2001. — 430, [2] с.

ISBN 5-17-009335-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-019-7 («Северо-Запад Пресс»)

В новом томе «Саги о Конане» читателя ждет увлекательное продолжение тетралогии Олафа «Трон Дракона», повествующей о событиях, потрясших всю Хайборию во времена правления короля Конана; а также роман «Танец пустоты», посвященный юношеским похождениям великого киммерийца в Городе Воров — Шадизаре.

УДК 820 (73)
ББК 84.7 (США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс»,
составление и подготовка текста, 2001

Сопроводительное слово к рукописям

ыне, предлагая благосклонному исследователю событий дней давно минувших вторую часть книги воспоминаний непосредственных участников и очевидцев мы, составители этих мемуарий — Хальк, барон Юсдалль из Гандерланда, и Хэлкарс, барон Целлиг из Бельверуса, хотели бы напомнить почтенному читателю, что, с сожалению, мы не включаем в общий трактат все имеющиеся у нас на руках рукописи и дневники, ибо в противном случае наш труд разросся бы до пределов необозримых.

Во второй части книги, условно обозначенной нами общим титулом «О Троне Дракона и пришествии Пламени Вечности», мы решили использовать лишь воспоминания наилучших действующих лиц истории, связанной с таинственным государственным переворотом в Немедийском королевстве, а именно — юной баронессы Долианы Эрде, графа Монброна Тана-

сульского, волшебника Тотланта из Пограничья и непосредственно одного из составителей сего труда — Халька Юсдаля.

Однако мы сочли необходимым обратиться за разъяснениями некоторые не совсем ясных моментов этой длинной повести к брату госпожи Ринги Эрде, Рейениру Морадо да Кадена из Рабиров — сам он предпочел не записывать свои воспоминания, а лишь поведал авторам об эпизодах, которым был свидетелем, и некоторых личностях, сыгравших изрядную роль в битве за немедийскую корону. Поскольку месьор Рейенир — суть пристрастный свидетель, он сам заявил, чтобы к его доле повествования относились с некоторой осторожностью, ибо Рейенир, как натура увлекающаяся, склонен к преувеличениям, недомолвкам и даже приукрашиванию действительности.

Можно бесконечно долго рассуждать о причинах и истоках той запутанной цепи событий, битв, несдержанных обещаний и исполненных клятв, которые в летописях именуются «Часом Дракона», но большинство ученых мужей Материка сходятся в одном: старение мира, близость нашего универсума к неминуемому закату и влечет столь тяжкие, влияющие на судьбы человеческого рода бедствия. Почти две тысячи лет человеческой цивилизации привели людей к пику развития разума, однако мы с величайшим сожалением можем отметить, что цивилизация наша постарела, застыла на одном из витков спирали и, возможно, идет к неминуемой гибели, когда нас сменят другие, более молодые и активные народы, спо-

собные продвинуться гораздо дальше хайборийцев во всех сферах бытия, начиная от вечных ценностей культуры до магии.

Сим грустным пассажем мы и завершим вступительное слово ко второй части книги мемуаров и надеемся ча то, что всякий читатель благосклонно примет изложенные нами сведения и запомнит: нет беды, которую нельзя обороть, но время необходимо.

Аквилония, Тарантия.
Подписано на Праздник
Середины лета 1296 года
собственной рукой Халька
Юсдаля из Гандерланда,
а с ним и удостоверяется
росчерком Хэлкарса,
барона Целлига из Бельверуса.

Глава первая

Из воспоминаний графа Монброна — I.
«На пепелище»

Бельверус, Немедия.
17 день Первой Весенней луны.

сегда полагал себя человеком спокойным, даже флегматичным. Да и предания нашей семьи недвусмысленно подтверждали: чтобы по-настоящему вывести из себя представителя рода Монбронов и ввергнуть оного в священную ярость, требуется, самое меньшее, приземлившись во дворе фамильного замка огнедышащий дракон.

До этой ночи у меня никогда прежде руки не дрожали — ни во времена веселых пиратских приключений на Полуденном Побережье, ни в Кофе или Туроне, когда за мной ретиво охотились тайные службы этих государств, ни после случайной стычки с громадным лесным манти-

кором, решившим победить моей лошадью и засунуть хозяином... Всякие переделки бывали, во многих приключениях пришлось поучаствовать, на кораблях тонул и горел, на суще полтора десятка раз едва не лишился головы вследствие опасного рода занятий, а уж какие сюрпризы может преподнести одинокому путнику дальняя дорога, полагаю, объяснять не нужно.

А вот сейчас руки у меня дрожат. Может, позвать месьюра Венса и продиктовать ему письмо, дабы не оскорблять пергамент невообразимыми каракулями и кляксами? Нет-нет, я обязан составить эту депешу самостоятельно, без чужой помощи. Как говорил барон Гленнор, мой обожаемый начальник? Верно: «Пиши коротко, излагай четко, ухватывай суть, не трать зря чернил». Любое донесение должно быть написано максимально удобочитаемо для адресата, которому неинтересны твои лирические переживания и который жаждет лишь достоверных сведений, дабы на их основе сделать надлежащие выводы.

Таким образом, я создал самый короткий в своей жизни отчет. Взял новый чистый листок и старательно вывел на нем большими прописными буквами: «*Все пропало. Немедия для нас потеряна. Маэль.*

Нускай думают, что сие значит. В конце концов, официальную депешу в Тарантию отправит аквилонский посол, его светлость граф Клай. Если говорить совсем откровенно, Немедия и без моего скромного участия находится под любя-

щими взглядами нашей драгоценной Латераны, сиречь тайной службы королевства Аквилония — в Бельверусе предостаточно соглядатаев Трона Льва вкупе с нашими дворянами-путешественниками, полагающими своим долгом отправлять на родину скромные донесения о состоянии дел у дорогих соседей, несомненно, являющихся душевными друзьями Аквилонской монархии. Так что и Конан, и барон Гленнор вскоре получат целый мешок почты с подробнейшим описанием события, которое уже окрестили в народе «Ночью Бешеного Огня». Боюсь, указанная ночь войдет во все летописи и останется в истории именно под этим названием. Которое, сами понимаете, не несет в себе положительного смысла.

В дверную щель просунулась унылая физиономия моего домохозяина, досточтимого Реймена Венса, гильдейского менялы и попутно — аквилонского конфидента с многолетним опытом тайных игр. Впрочем, слово «конфидент» применительно к Реймену звучит более насмешкой, чем отражает истинное положение. Вертрауэн и Королевский Кабинет отлично знают, что Реймен Венс на самом деле никакой не меняла и занимается своим презренным ремеслом лишь для отвода глаз.

Впрочем, Реймена никто не трогает. Неписанные правила вежливости и обхождения между тайными службами ясно гласят, что столь уважаемые шпионы задержанию и допросу не подлежат. Достаточно приглядывать за ними вполглаза и не более.

— Граф? — промямлил Венс. — Новые донесения из города...

— Какие? — простонал я, чувствуя, что запас плохих новостей доселе не исчерпан, и таковые будут поступать в течение всего дня, пока власти (боги лучезарные, какие еще власти?) не наведут в городе порядок.

— Стало точно известно, что наследник трона Нимед и второй сын бывшего короля, принц Зинген, мертвы. Вместе с семьями. Местонахождение принцев Халлена и Ольтена не установлено, однако дом Халлена сторел полностью и разгости завалы пока не представляется возможным из-за жара и углей.

— Дальше? — уныло спросил я.

— В столице введено осадное положение, протектором Бельверуса назначен принц Таракс...

— Еще что-нибудь? — новости, прямо скажем, захватывающие, не будь они такими грустными.

— Начали разбирать пепелище в усадьбе герцогов Эрде. Ноедеш?

— Поеду, — вздохнул я, поднялся, набросил плащ с гербами Монбронов и львами Аквилонии (пусть все видят, что я подданный другого государства и нахожусь под защитой Трона Льва!), подтянул ремешки перевязи, проверил, насколько легко меч выходит из ножен и взглянул на Реймена.

— Вот что, месьор Венс, — сказал я, — боюсь, сегодня нам придется весьма усердно потрудиться. Используй все свои связи, но разыщи полдесятка людей, верных Аквилонии, а самое глав-

ное — сообразительных. Кроме того, мне необходимо встретиться с человеком, возглавляющим нашу тайную службу в Бельверусе. Понимаешь? Я хочу увидеть самого главного. Личного конфидента барона Гленнора, который занимается делами Латераны в немедийской столице.

— Встречу я постараюсь устроить, — кивнул Венс. — Наверняка ближе к вечеру. И, разумеется, не здесь. Но посуди сам: в столице происходит незнамо что. Таких невероятных событий история стран заката пока не знала, если не считать переворота в Офире во времена короля Рагриssa. Слишком уж непохоже случившееся на обычный бунт черни... Чересчур непохоже.

Реймен грустно пожал плечами, развернулся и ушел. Я покинул дом через боковую лестницу, взял за узду оседланную лошадь — Бебита, моя зингарская кобыла, глянула на хозяина с недоумением. Куда, мол, собрался в такую рану? Едва рассвело, а он уже отправляется по делам!

Прав был Реймен, утверждая, что события минувшей ночи мало напоминают банальное восстание недовольных властью горожан. Когда происходит мятеж черни, правители обычно дают толпе некоторое время для буйства, выпускают пар народного гнева, а затем быстро и жестоко наводят порядок. Сейчас было по другому. Мгновенная вспышка ярости жителей Бельверуса угасла с первыми лучами утреннего солнца. Город мгновенно наводнила армия — гвардейские кавалерийские отряды взяли под охрану все важнейшие государственные здания, конные

разъезды числом до пяти всадников патрулировали улицы, городская стража, усиленная пешими щитниками из числа «Орлиного легиона», заняла перекрестки, перегородила главные улицы рогатками и пропускала лишь жителей близлежащих домов или людей, спешащих по особой надобности — водовозов, золотарей, торговцев хлебом... Меня спасали от строгих вояк аквионские гербы и надменная, заранее заготовленная фраза:

— По надобности посольства Трона Льва и короля Конана Канах!

Ничего удивительного. Я предусмотрительно вытребовал у графа Кляя охранную грамоту, дававшую мне право посольской неприкосновенности. В данной ситуации этот пышный пергамент, изукрашенный печатями, эмблемами и громкими подписями, помог несказанно. Гвардейцы хмурились, но беспрепятственно пропускали меня по городу — этикет обязывает.

Я нарочно избрал длинный обходной маршрут. Хотел самолично убедиться, что дела в действительности обстоят на редкость плохо.

Убедился.

Вот здесь, на улице Серебряного Венца, стоял дом принца Зингена. Я видел этот особняк раньше — очень милое трехэтажное строение в офирском стиле с ажурными башенками, небольшим садом и прилегающими конюшнями. Ныне улица оцеплена тройным рядом королевской стражи, не пропускают никого (гвардейцев не впечатлил даже мой грозный документ), но я

успел рассмотреть, что здание выгорело полностью. Остался лишь закопченный каменный фасад. Внутренние перекрытия, балки, стропила — все рухнуло. Над огромной грудой углей поднимается черный дымок. Неподалеку стоит закрытая повозка с гербами Дознавательной управы. Ясно, господа дознаватели примчались расследовать причины пожара... Много же они на расследуют! И ведь наверняка отыщутся виновные, которых торжественно казнят на площади у Башни Висельников под восторженные народные клики. Покатятся головы убийц, покусившихся на священные персоны королевской семьи, которую тот же самый народ совсем недавно так искренне ненавидел.

Строго охраняется и огромный дом темного кирпича на улице Алебарды. Вот она, мрачная резиденция Вертрауэна, знаменитого Пятого департамента личной Его величества канцелярии! Вокруг подозрительно тихо. Редкие прохожие, как мне показалось, боятся даже покоситься в сторону оплата немедийских тайн и закулисных интриг.

Резиденция уцелела — двери не выломаны, окна не побиты. Присматривают за Вертрауэном полсотни пеших стражников в черных плащах «Легиона Пантеры» и десяток офицеров дворцовой гвардии в высоких чинах. Здесь же, у входа, высятся два фургона, какие-то непримечательные личности торопливо грусят в повозки пергаментные кипы, выносимые из здания, дело происходит в абсолютной тишине и под присталь-

ным взором чиновника из ведомства канцлера. Любопытно...

Между прочим, я не отмечаю присутствия знакомых персон из зловещего Королевского Кабинета. Если подходить к происходящему логически, то Хостин Клеос со своими цепными пасми прямотаки обязаны суетиться в первых рядах. Как же так, их главнейшие конкуренты растоптаны и раздавлены, в Вертрауэне можно поживиться огромным количеством преинтереснейших документов, касающихся любых сфер в политической жизни Немедии и близлежащих стран, а месьор Хостин бездействует? Или действует негласно, не подавая виду? Бывший булочник слишком умен и слишком хитер, об этом в один голос твердили все мои немедийские знакомые. Потом разберемся!

Я заставил лошадь свернуть в переулок, миновал сеть узеньких старинных улочек и выехал к аристократическому кварталу столицы. Новая интересность: здесь попадается куда больше стражи и военных, хотя, на мой взгляд, наличие дополнительной охраны вполне оправдано, особенно если учитывать безумныеочные погромы. Кто знает, вдруг пресловутый народный гнев перекинется на богатые дворянские особняки и выльется в непринужденный грабеж?

А-а, понятно, отчего здесь собралось столько вооруженных людей. Явилось высокое начальство, если, конечно, это слово подходит к его светлости, новоназначеному протектору Бельверуса и принцу короны Тараску Эльсдорфу. Свита не-

большая, всего-то два телохранителя в кофийских одеяниях, и непременная Дженна-Зенобия, не отстававшая от господина ни на шаг. Сегодня девица пренебрегла всеми правилами приличия и соизволила облачиться в темно-синюю форму коронной гвардии, разве что без знаков различия. Интересно, что они здесь делают? Решили самолично убедиться в смерти герцога Мораддина и его семейства?

— Куда? — рявкнул на меня один из вояк, едва я попытался проехать ближе к дому.— Не видишь, ихняя светлость прибыли!

— По надобностям посольства Аквилонии и короля Конана Каах! — прогремел я в ответ, и для пущей убедительности непринужденно соврал: — Мне нужно передать принцу Тараксу важное известие.

На меня взглянули с недоумением, однако пропустили. Кто их знает, этих благородных? Вдруг действительно нечто важное?

* * *

Зрелище, ничего не сказать, было жутковатое. Если раньше дом герцога Мораддина представлял из себя аккуратный двухэтажный особняк, стоящий в глубине яблоневого сада с беседками и фонтанами, то теперь небольшая усадьба, расположенная в конце проезда Черного Леопарда, превратилась в настоящее поле битвы. Ворота снесены, по тающему весеннему снегу разбросан мусор, ветерок носит обгорелые папи-

русые и пергаментные листы, кое-где под покрывалами из меяковини лежат трупы... От строения почти ничего не осталось, только закопченные развалины цокольного этажа, флигеля полностью уничтожены огнем, торчит черный скелет оранжереи. Почему-то огонь пощадил одну из боковых пристроек — из разбитого окна парусом выбивается золотистая штора.

Заметно, что прибывшие на место погрома власти приняли самые серьезные меры для разбора завалов и отыскания погибших. На развалинах, щедро залитых водой из близлежащего пруда, суетилось не менее тридцати человек, растаскивавших потрескавшийся камень и обгорелое дерево. Разумеется, к саду и дому не могла проколзнуть даже мышь, если бы не предъявила соответствующего документа.

Сейчас, когда груда обломков была почти что разобрана, на площадку для фехтования, расположенную справа от ворот усадьбы, складывали обнаруженные тела. Я поморщился — странно видеть черные обгорелые головешки, явившиеся когда-то людьми. Форма тел сохранилась, но сами трупы обезображенны до полной неузнаваемости — от жара руки и ноги согнуты, сгоревшая кожа на голове обнажает черепа, скалящиеся черными зубами, запах несносен...

Привязав лопадь к ограде и сопровождаемый слегка недоуменными взглядами охраны (что здесь делает подданный короны Аквилонии?), я пошел вслед за Таракском и его присными, направившимися к фехтовальной площадке.

— Сударь,— дорогу мне застунил гвардеец в чине капитана,— сюда нельзя. Расследование проводит Дознавательная управа и Королевский Кабинет.

Ага, значит, наш знаменитый Кабинет все-таки проявил себя!

— Если месьор Хостин Клеос здесь, передайте ему — прибыл граф Монброн из Аквилонии,— небрежно бросил я офицеру, на что тот лишь поклонил голову в притворном удивлении и отчеканил:

— Господин граф, хочу вас уведомить: сего-днешним утром Хостин Клеос отстранен от руководства Королевским Кабинетом приказом протектора столицы. Его здесь нет, да и быть не может.

— А где он? — глупо спросил я.

— Это касается только протектора и самого Королевского Кабинета,— бесстрастно ответил гвардеец.— Я бы просил тебя удалиться.

— Постойте-ка! — Я обернулся на голос. Оказывается, наш разговор слушали. Принц Таракс остановился неподалеку и теперь мерил меня оценивающим взглядом.— Капитан, пропустите этого месьора. А вы, сударь, подойдите.

Я и подопел. Таракс скользнул взглядом по моему плащу и гербовому колету, оценил древний символ Монбронов — крылатый меч на алом геральдическом щите, каковой поддерживают дракон и единорог — остановился на графской короне, украшавшей намет, и запросто вопросил:

— Чем обязан, граф? Не ждал, что столь печальное событие заинтересует аквилонского дворянина. Или просто решили посмотреть на пожар? Вот уж действительно, подобное зрелище никогда не приедается.

Это был первый раз в моей жизни, когда я видел принца Таракса настолько близко, буквально на расстоянии вытянутой руки. Молва не лгала: молод, высок, красив, взгляд умный и чуток, хитрый, почти как у Конана. И в глазах Таракса есть нечто такое, что заставляет быть осторожным — взгляд кобры тоже безопасен, но вот сама кобра... Одним словом, он сразу показался мне весьма интересным человеком, а вовсе не бездельным повесой, каким обычно казался высшему свету Немедии.

За спиной его светлости немедля возникла высокая, поджарая девица. Гладкие черные волосы, ровная челка, из-под нее смотрят настороженные серые глаза. С мужской точки зрения я оценил бы ее такими словами: диковатая привлекательность. Не знаю, как сказать лучше. Именно такие решительные дамы обычно ходят в охране купеческих караванов или верховодят в разбойных шайках на полуночи Немедии и Бритунии — красивые, уверенные в своей силе и почти недоступные. Зена, Дженна, Зенобия. Телохранительница и фаворитка господина протектора. Но, как утверждают, отнюдь не любовница, а просто подруга. Добавим к облику торчащую из-за левого плеча рукоять добротного клинка (судя по навершию — нордхеймского,

предназначенного лишь для рубящих ударов) и тем завершим картину.

— Приветствую вашу светлость,— я поклонился, как того требуют правила куртуазии.— Позволю себе представиться. Маэль, сорок второй граф Монброн Танасульский.

— Весьма рад,— сухо бросил Таракс.— Может быть, соизволишь объяснить причины своего появления здесь?

Врать не хотелось. Так или иначе, ложь раскроют, если Таракс мною заинтересуется. Как учил хитромудрый барон Гленнор? Правильно: правда — сильнейшее оружие. Но полуправда еще сильнее.

А ну, рискнем прибегнуть к поддержке громких имен. Может, получится ввести Таракса в смущение?

— Прошу взглянуть,— я вытащил из складок колета посольскую бумагу.— Я представляю в Бельверусе Его величество Конана Аквилонского.

— И что? — вздернул бровь Таракс.

— Его светлость герцог Мораддин много лет являлся личным другом моего короля,— тяжелый взгляд принца явно заставлял меня отвести глаза в сторону, но я придал себе наивозможнно независимый вид, стараясь не стушеваться. Кто такой, в конце концов, этот Таракс? Военный управитель города, не больше! Да, безусловно, он принц, но следует вспомнить, что в Монбронах тоже течет королевская кровь, а наша династия постарше семьи Эльсдорфов лет эдак на двести! — Я приехал в Бельверус с личным по-

сланием от короля к месьюру Мораддину. И я уверен, что Конан Канах, наш государь, будет обеспокоен произошедшим. Надеюсь, вашей светлости известно, каковы последствия... э-э... беспокойства нашего короля.

— Да уж наслышаны,— странно, но Зенобия заговорила без разрешения. Голос у нее оказался мелодичный и низкий, слова она произносила чуть нараспев, с легким акцентом. Такое впечатление, что дочь презренного торговца из захолустного Пограничья чувствовала себя на равных с принцем короны и иностранным графом.— Насколько знаю, последний раз беспокойство Конана Канах обернулось для короля Страбонуса Кофийского потерей венца и головы.

Кофийские телохранители Таракса изобразили на лицах каменное выражение, сам Таракс скривился, а Зенобия послала ему ядовитенькую ухмылку. Чувство юмора у девочки прямо-таки варварское. Мне подумалось, что она слишком много себе позволяет, хотя Таракс пытается не замечать вольностей своей волчицы.

Принц пожевал губами, вежливо улыбнулся и широким жестом пригласил меня следовать за собой, сказав:

— Что ж, если угодно взглянуть на плачевые последствия мятежа — прошу. Зрелище, скажу откровенно, препротивнейшее.

Да, здесь Таракс прав непогрешимо.

Семь жутко обгоревших трупов. Еще два мертвца, которых огонь не задел — у обоих множество ран от холодного оружия. Тело боль-

шой серой собаки, зачем-то уложенное рядом с людьми — я узнал принадлежавшего герцогу Мораддину горского волкодава. Кажется, его звали Бриан?

Один из гвардейцев подбежал к Тараксу, приветствовал по-немедийски (сжатая в кулак правая ладонь брошена к сердцу) и отрапортовал:

— Ваша светлость, нашелся свидетель! Домоправительница герцога Эрде по имени Хейд, дочь Ланы. Привести?

— Да, — коротко ответил принц. — Она наверняка способна опознать своих хозяев.

Я сомневался, что можно узнать хоть одно пострадавшее от огня тело, однако...

В Латеране новых конфидентов всегда учили прежде всего смотреть на свидетеля — именно смотреть, не слушать. Подмечать малейшие изменения в его интонациях, выражении лица, жестах. В соответствии с требованиями ремесла я пристально уставился на мельком виденную несколько дней назад пожилую толстуху, приведенную гвардейцами. Не сказать, что Хейд сотрясается от горя — конечно, она печальна, но держится отлично. Видать, герцог замечательно вымуштровал свою прислугу.

— Госпожа, — Таракс тихо обратился к домоправительнице, чье платье не носило даже малейших следов огня. Видимо, успела выскочить из дома раньше, чем обрушился второй этаж. — Я, как протектор столицы, занимающийся расследованием случившегося здесь поджога и на-

падения на усадьбу герцога Мораддина, прошу осмотреть эти мертвые тела и ответить, есть ли среди них люди, тебе известные.

Дородная Хейд первым делом взглянула на два необожженных трупа и, как мне показалось, вздрогнула.

— Это — Вестри, сын его светлости, — обронила домоправительница, указывая на молодого человека, убитого несколькими ударами в грудь и шею.

— Подтверждаю, — кивнул один из гвардейских стражей. — Вестри Эрде служил во дворце, только не в моем платунге, а в Четвертом.

— Запишите, — бросил Таракс через плечо секретарю в коричневой мантии. — Одно тело опознано. Можешь продолжать, почтенная Хейд.

— Узнаю господина Дорнода, — Хейд справилась с чувствами и кивнула на второй труп. — Помощник хозяина. С остальными будет посложнее, слишком уж трачены огнем.

В течение ближайшего времени госпожа домоправительница старательно нагибалась над почерневшими мертвецами, качала головой, цокала языком, бормотала что-то под нос и шепотом сквернословила. Наконец она распрямилась, посмотрела на Таракса без всякого страха (и, как мне почудилось, безо всякого сожаления во взгляде), убежденно заявив:

— Женщина — герцогиня Эрде. Она небольшого роста и худощавая. Вдобавок перстень на пальце — оплавленный, конечно, но... Этот перстень герцогиня никогда не снимала.

Мы, прижав к носам надушенные платочки, присели возле трупа.

Точно, на среднем пальце левой руки заметна почерневшая от огня оплывшая металлическая печатка. Восстановить ее прежнюю форму невозможно, однако; если домоправительница уверена...

— Кеаран, граф Майль,— бесстрастно продолжала Хейд.— Золотой браслет, два кольца с камешками на правой руке... У Кеарана не было двух зубов слева — выбили давным-давно. Череп обгорел, поэтому заметно. Вот этот здоровенный — телохранитель госпожи герцогини, Клейн. Тупой ублюдок, не сумел вытащить хозяйку! Впрочем, он всегда был недалек умом... Бывший каторжник, что с него взять!

— А это чьи кости? — напряженно спросил Таракс, указывая на самый обезображеный остов.— Герцог был невысок ростом, по размеру вроде бы подходит...

— Он самый, хозяин,— не меняя выражения лица, ответила Хейд. У меня вызвало тревогу ее безразличие. Странно, вроде бы эта женщина прожила в доме Эрде долгие годы, стала настоящим членом семьи... И ни одной слезинки. Только на Вестри она посмотрела с непонятной поместью разочарования и страдания.— Очень похож. Остальных не знаю. Наверное, разбойники, напавшие на дом.

— Ты уверена, что перед нами именно герцог Мораддин? — продолжал наседать Таракс.— Как ты его отличила?

— Сами видите, ваша светлость, роста короткого, да вон еще медальон на груди — там он портрет супруги носил... Да уверена, вот и все! Я ж герцога двадцать лет знаю!

Хейд наконец-то залилась слезами, а я спросил вслух сам у себя:

— Простите, но где молодая хозяйка?

— Верно, где она? — поддержал меня Таракс.— Госпожа Долиана погибла или успела выбежать из дома?

Хейд, по-бабы завывая, выкрикнула что-то неразборчивое, из чего я сообразил, что домоправительнице ничего не известно о судьбе юной баронессы. Толстуху увели.

— Значит, погибли все,— медленно сказал Таракс.— И кому-то придется очень дорого расплачиваться. Граф, ты увидел все, что хотел увидеть?

— Да-да,— заикнулся я, с легким ужасом косясь на мертвцевов. Боги, ведь всего два дня назад они были живыми людьми, с которыми я разговаривал, пил вино, строил планы на будущее, наконец!

— Надеюсь, ты упомянешь в письме королю Конану, что власти Немедии принимают все меры к разысканию и строжайшему наказанию преступников. И еще одно. Месьор граф, столица находится на осадном положении. Никто не вправе покинуть Бельверус без моего приказа. Разумеется, если ты намерен уехать, я дам разрешение, ибо мы не можем задерживать людей с документами посланников, но... Я просил бы те-

бя задержаться. Может быть, ты окажешь Трону Аракона... скажем так, определенную помошь. Дженна, проводи господина Монброна!

Я на мягких, будто ватных ногах, отправился к воротам в сопровождении наряженной в гвардейскую синюю форму девицы. Зенобия по-кошачьи ступала позади, сразу за правым плечом, поддержала мне стремя, пока я забирался в седло, но вдруг перехватила поводья Бебиты, зыркнула на меня холодными серыми глазами и тихо сказала:

— Вот что, аквилоиц... Мой тебе совет: оставайся в городе. Быстро разыщи маленькую герцогиню...

— Как? — изумился я.— Как я найду госпожу Дану?

— Придумай! — отрезала Дженна.— У тебя своя голова на плечах, не дитя неразумное. Найди и спрячь понадежнее. Лучше всего — увези из города. Завтра с утра, коли сможешь, загляни-ка во дворец. Зайдешь с Полуденного входа, покажешь караульным эту штучку,— Зенобия перебросила мне простенький деревянный амулет на шнурке в виде нордехмской руны «Райда».— Поговорим.

— Ну... Хорошо, я попытаюсь... А в чем дело?

— Поезжай! — Зенобия отвернулась и сказала, будто в никуда: — Не нравится мне все это... Очень не нравится. Езжай, граф. Здесь тебе делать, нечего. Без тебя разберутся.

18 день Первой весенней луны.

Подведем неутешительные итоги. За минувшие сутки во втором по значению и первом по огромности территорий (Немедия с учетом протекторатов Коринфии и Заморы несколько больше Аквилонии) королевстве Заката произошли столь поразительные и невероятные изменения, что я до сих пор не могу осмыслять их значения и возможных последствий для всей Хаборийской цивилизации.

Во-первых, от власти отстранен правящий дом Эльсдорфов Немедийских, причем отстранен насильно.

Во-вторых, наследников трона в самом прямом смысле данных слов не осталось в живых — новым канцлером Эрдриком и протектором столицы Тараксом объявлено, что «в результате вспыхнувшего мятежа и измены некоторых государственных чиновников, а также волнений в городе все четыре сына почившего короля Нимеда погибли.

Бушующей толпой также умерщвлены благородные супруги Их высочеств, наследники и люди из числа слуг».

В-третьих, введенное в Бельверусе осадное положение препятствует созыву высокого дворянского собрания, каковое должно избрать нового короля, в результате чего Немедией сейчас правит странный триумвират, составленный из господина канцлера, одновременно являющегося правящим регентом, принца Таракса, который

вдобавок в должности протектора взял на себя командование многочисленными гвардейскими тысячами, и королевского казначея Сагаро, ныне отвечающего за всю торговлю и снабжение крупнейших городов, а также войска продовольствием.

Как долго продлится столь неопределенное положение, никому не известно, однако старинные уложения государственного права недвусмысленно гласят: скончавшийся монарх должен быть погребен спустя десять дней, считая от дня кончины, и за это время необходимо называть имя преемника. Если этого не происходит, королем становится ближайший родственник короля по мужской линии, а если таковой отсутствует, то по женской.

Против закона не пойдешь — вышеописанная традиция насчитывает многие столетия, освящена митрианским культом и, если Тараск сотоварищи пренебрегут древним уложением, страна окажется на грани междоусобной войны: восстанут дворяне, от власти отвратятся жрецы, да и простой народ начнет роштать. И в то же время триумвират пока не предпринимает никаких действий для созыва благородного собрания и выборов короля.

Странно. На что они надеются?

Поразмыслив, я пришел к выводу, что Тараск отнюдь не глуп и не зря тянет время. Если в течение десяти дней короля так и не изберут, то у кафийского принца есть все шансы заполучить корону.

Он родной племянник Нимеда, в народе популярен (правда, популярность эта несколько дутая...) и, если подходить реалистически, Тараск на сегодняшний день единственный отпрыск династии, сосредоточивший в руках реальную власть. Безусловно, у Нимеда-старшего остались дяди, да и других племянников предостаточно, но их либо нет в столице, либо они не ощущают за собой силы, способной привести к трону.

Меня не покидало ощущение неправильности происходящего. Вроде бы смена власти происходит законным путем, а гибель королевской семьи очень просто объясняется так называемым «мятежом».

Только мятеж этот, как бы выразиться получше... Случился очень кстати и был исключительно узконаправленным. Я был свидетелем волнений в Тарантии, происходивших в последний год царствования Нумедидеса, и знаю, что может натворить вышедшая из подчинения толпа.

Поджоги, грабежи, бесчинства на улицах и стычки с пытающимися навести порядок военными — пьяные плебеи забрасывают гвардию камнями, первейшим объектом разграбления становятся винные погреба, а когда военные начинают применять оружие, все постепенно затихает. Обычный бунт длится, самое большее, седмицу-половину.

В Бельверусе все происходило по-другому. За одну ночь «мятежа» (так утверждает нынешняя

власть) бунтовщики, почему-то пренебрегая богатыми запасами виноделен, аккуратно вырезали семейство короля, сожгли дома принцев, а Нимеда-наследника с супругой и детьми убили не где-нибудь, а прямиком в отлично охраняемом замке короны.

Как они туда ворвались — до сих пор остается загадкой, которую никто не желает объяснять. Заметим, что у принцев была неплохая личная охрана, их оберегали гвардейцы и телохранители...

Какой вывод? Верно! В городе под прикрытием мятежа действовали отлично вооруженные и обученные отряды убийц или наемников, которым кто-то поручил низвергнуть правящую династию.

И не надо мне рассказывать сказки, что орда обезумевших от ярости горожан могла противостоять гвардии и свитским дворянам принцев. Такого просто не бывает!

Все эти соображения я изложил на рассвете восемнадцатого дня Первой весенней луны в одной из гостевых комнат неприметного постоялого двора с непрятательным наименованием «Петух и котел».

Меня внимательно слушали шестеро людей весьма разного облика и занятий — лучшие аквилонские конфиденты, работающие в Бельверусе под началом мессьора барона Амори из дома Данвилов Коринфских. Сам барон, крупный пронзительно-черноволосый мужчина средних лет, присутствовал здесь же.

— ...Это все, о чем я хотел вам рассказать, — я закончил с изложением своих мыслей. — И намереваюсь попросить у вас помощи.

Мессьор Амори отнюдь не производил впечатления личного представителя барона Гленнора. Он показался мне чересчур угрюмым, чересчур хмурым и чересчур нелюдимым — эдакий туповатый вояка, разбирающийся досконально лишь в оружии, лошадях, искусстве мечного боя и охоте.

Однако еще один неписаный закон сыска гласит: «Внепиность обманчива». Реймен Венс отреkomендовал Амори как самого благородного и осторожного конфидента, трудящегося ныне на поприще душевного согласия в нашей маленькой компании служителей Алатераны. Отчего вдруг коринфский барон превратился в верную индейку, принадлежащую Аквилонскому королевству, я не знал да и не стремился узнать. У каждого есть свои причины.

— Помощь? — пробасил барон Данвил. — Отчего ж не помочь хорошему человеку? Гленнор сообщал о тебе. Предупреждал, что рано или поздно ты объявишься. А когда объявишься, велел передать вот это.

Мне сунули в руки медный тубус для хранения свитков, я извлек на свет пергаментный лист, пробежался глазами по строчкам и отвесил челюсть. Ничего себе! Вот так подарочек от барона Гленнора! Ну, спасибо, ваша милость! Только этого мне не хватало при всех имеющихся заботах!

Слабым жестом я протянул рескрипт Амори, тот прочитал и усмехнулся углом рта. Более никаких эмоций на его лице не отразилось.

— Значит, барон Гленнор наделяет тебя чрезвычайными полномочиями и передает в твоё распоряжение всех конфидентов Латераны,— протянул коринфский дворянин.— Нам остается лишь подчиниться. Теперь ты имеешь право приказывать, а не просить.

Сейчас я точно не помню, в каких именно формулах Гленнор поставил меня главой Немедийского отделения Латераны, но в депеше действительно говорилось, что Маэль, граф Монброн, действует от имени и именем короля, все его приказы следует считать приказом короля, а любые распоряжения исполнять незамедлительно и в точности.

Такая бумага дает реальную власть, правда, в ограниченных пределах...

Пятеро помощников барона Амори посмотрели на меня с любопытством. Сам коринфиец представил их не по именам, а по прозвищам, но, если смотреть на одежду, то становился ясен род занятий наших сподвижников.

Один похож на владельца процветающей лавки, двое смахивают на ремесленников, четвертый является очень живописным гильдейским нищим (о, это немедийская страсть к порядку! Даже попрошайки организовали в Бельверусе собственную гильдию!) — кошмарные впивые лохмотья, шерстяной колпак, прикрывающий спутанные грязные волосы, шрамы на физионо-

мии и болотная язва на щеке. В качестве дополнения к костюму нищий водил с собой омерзительную облысевшую обезьяну с красным задом и желтыми сточенными клыками. Последний из гостей носил темно-красную форму с потемневшим серебряным шитьем — городская стража, Управа Дознания.

Полезный человек, надо полагать. Амори заявил, что лучших конфидентов свет доселе не видывал.

— Итак,— я, заложив руки за спину, прошёлся по комнате,— мы только что обсудили сведения общеизвестные. Кто-нибудь может добавить нечто новое? Собственные наблюдения, слухи, кажущиеся достоверными?

— Можно мне? — проницал нищеброд. Кажется, у него еще и кличка смешная — Тролленок. Лысая макака, заслышив голос хозяина, разинула пасть и заверещала.— Наверное, месьору графу будет интересен такой слушок... В Гильдии поговаривают, будто кое-кто из семейства короля уцелел. Никто точно не знает, но якобы Рихтер Вонючка, который побирается на улице Алии, вроде бы узрел призрака. Якобы живой покойник, какой-то из сыновей Нимеда, в сопровождении некоей девицы прошел мимо него и даже швырнул медную монетку. Может, и врет наш Вонючка, себе цену набивая. Что, потрясти благородного месьора Рихтера на предмет истинности сией сказочки?

— Потряси,— ответил за меня барон Данвилл.— Может, и вытрясешь хоть одну жемчужи-

ну из мешка с навозом. Еще что-нибудь, господа?

Никаких особых откровений не последовало. Я еще раз убедился, что подозрения об орудовавших в городе вооруженных шайках, изображавших «бунтовщиков», подтверждаются. Никакие «мятежные горожане», способные лишь прыгать в окна богатых домов, не станут носить под одеждой оружие, а уж тем более — умело пускать его в ход во время штурма здания.

Значит, и на самом деле таинственные отряды убийц существовали и их бойцы лишь прикидывались добропорядочными обывателями. До времени.

Об этом в один голос твердили все пятеро конфидентов барона Амори, большинство их которых самолично наблюдало за волнениями в Бельверусе позапрошлой ночью.

— Хорошо, — кивнул я. — Приму к сведению. Исходя из всего сказанного... Могу лишь добавить вам еще одно задание.

— Ты и о первом-то не упоминал пока, — напомнил нищий с обезьяной.

Вся компания воззрилась на меня в ожидании.

— Первое: приложите все силы, поднимите всех своих осведомителей, пустите по следу всех собак, но отыщите для меня одного исчезнувшего человека, — провозгласила я. — Это женщина, точнее, девушка. Выглядит лет на шестнадцать, волосы темные, глаза светло-карие, сложения ху-

дошавого. Ее имя — Долиана, баронесса Эрде, дочь покойного герцога Мораддина. Об этом пока не сообщалось, но я знаю точно — в ночь мятежа госпожа баронесса весьма таинственным образом исчезла из поместья герцогов Эрде. Более никто ее не видел. Она требуется мне немедленно. Будьте осторожны, возможно, за баронесской охотятся и другие... люди. Второе. Разнюхайте, откуда могли появиться таинственные личности, штурмовавшие дома принцев. Кто они, кому служат... Ясно?

— Отнюдь не ясно, — покачал головой барон Амори. — Почтенный граф, давайте-ка начнем с начала. Перво-наперво вы расскажете мне и моим друзьям все подробности об исчезновении баронессы Эрде.

* * *

Из постоянного двора «Петух и котел» я отправился к другому дому, если, конечно, можно теперь поименовать «двором» резиденцию военного правительства Немедии, в обычную время именующуюся замком короны.

Какие мысли у вас вызывают слова «королевский двор»?

Благородные господа и не менее благородные дамы-фрейлины, гвардия в блестящих доспехах, деловитая суета прислуги, истощенные вопли церемониймейстера «Ужин его королевского величества! Салфетка его королевского величества!», а для того, чтобы взять соусницу, нужно

седлать коня, ибо торжественный стол приравнивается длиной к главной улице столицы.

Теперь все не так.

Если уж в Бельверусе осадное положение, а стража, сбиваясь с ног, «разыскивает» злодеев-бунтовщиков, то дворец является собой настоящую крепость.

На площадки башен замка короны взгромоздили катапульты и баллисты, проезды загорожены острейшими деревянными рогатками, наконечники которых окованы железом, внутрь пропускаются лишь те, у кого наличествуют разрешения, подписанные одним из триумвиров — Тараком, Эрдриком или Сагаро — а любые подозрительные личности заворачиваются обратно.

Специально ради визита к фаворитке принца Тарака я оделся особенно. Никакого бархата, никакой парчи, никаких лишних перстней или браслетов, одежда скромна до полной невозможности — черная туника, поверх одевается кожаный нагрудник-панцирь с тиснением в виде фамильного герба, круглая черная шапка с черным же шарфом, перевязь меча самая простая, из тех, что носят наемники.

Посмотревшись утром в серебряное зеркало, я решил, что в таком наряде смахиваю на преуспевающего гробовщика во дворянстве и спросил сам себя, по кому же это я, скажите на милость, ношу траур.

Ответ не замедлил последовать — траур находит по почившим в бозе благополучию и ста-

бильности стран Заката. Случавшаяся в Немедии заваруха наверняка вызовет лавину...

Может быть, конечно, я паникую, но паника имеет основание. Смена династии влечет за собой не только перестановки в высочайших сферах управления государством, но и нарушение торговых, военных и прочих союзов. У нового правителя всегда новые интересы.

Я не знаю, кто будет данным правителем, однако осмеливаюсь предполагать. Если Тарак добьется трона, за сим наверняка последует резкое усиление Кофа, страны, всегда относившейся к Аквилонии содержанной недоброжелательностью.

Не будем загадывать, как обернется дело. Глядишь, обойдется. Пошумят, покричат, а когда пыль уляжется, снова продолжится привычная жизнь...

Оказавшись возле Полуденных ворот дворца, я из гордости не спешился перед вылетевшим, будто на пожар, командиром караула — таковой не оказал должного почтения. Мне довольно невежливо посоветовали отправляться своей дорогой на все восемь сторон света — надлежавшего пропуска во дворец у меня не оказалось.

Не оказалось? Как бы не так!

С самым надменным видом я снял с шеи деревянную руну «Райда», предъявил ее охране, после чего отношение к визитеру разительно изменилось.

Бебиту немедленно взяли под узду, сдержанно залебезили и даже выделили проводника.

Прочим караулам, расставленным буквально на каждом углу коридоров замка, было достаточно показать вырезанный из темной древесины амулет. Я мгновенно становился «своим». Неужели безродная девка из Пограничья забрала себе столь высокую власть?

— Сюда,— кивнул проводник, указывая на тяжелую дубовую дверь, ведущую в комнаты.— Если ты друг госпожи Зенобии, она тебя примет.

— А если не друг? — фыркнула я.— Тогда что?

— Тогда вылетиши отсюда через окно,— с чарующей непринужденностью сообщил гвардеец, отсалютовал брошенным к груди кулаком и отправился вовсюся.

Памятуя о традициях варваров, с которыми я достаточно успел ознакомиться за время дружбы с Конаном, я открыл дверь без стука.

Ничего не скажу, здесь очень мило. До сих пор не могу понять, отчего самых утонченных дворян (к каковым, впрочем, я себя не отношу) всегда очаровывала дикарская простота. Очень большая комната, почти зала. Громадный камин, в котором пылают сосновые полешки. Широченная низкая постель — на ней можно разместить не меньше десятка гвардейцев и еще место останется. Лавки вдоль стен, никаких кресел или табуретов. Здоровенный грубоштампованный стол. Единственной приметой цивилизации являлся выстилавший пол иранистанский ковер с ворсом, достигавшим пинцолотки.

Именно на этом темно-красном ковре рядом с очагом возлежала госпожа Зенобия. Самое по-

трясающее было в том, что полуночна дикарка (на сей раз наряженная в простенькое сипее плащ с вышивкой в народном стиле) весьма старательно штудиронала большую книгу в темно-коричневом с золотом переплете.

— Сочинение Тот-Амона, сына Мин-Кау из Птейона,— даже не повернувшись в мою сторону, проговорила Зенобия, постучав пальцами по страницам фолианта.— Граф, ты случайно не знаешь, что такое «нумерология»? Никак не могу понять толком!

— Э-э... Нумерология — это наука о магических и пророческих свойствах чисел,— ошеломленно сказал я. Ничего себе! Оказывается Дженнна интересуется трактатами небезызвестного стигийца, прославленного не только в качестве первого колдуна Черного Круга, но и составителя весьма привлекательных рукописных трудов по истории и магии. Мало того, Дженнна умеет читать! Хотя не стоит удивляться: она все-таки дочь купца, а образование в семействах торговцев ставится на второе место после врожденной деловой хватки. Без знания надлежащих наук ты никогда не обойдешь соперников и не заработаешь свое золото! — Однако если ты хочешь узнать побольше о нумерологии, стоило бы почитать не сочинения Тот-Амона, а книги кхитайских мудрецов, наиболее искушенных в тайнах чисел. Возьми хотя бы Ди Жэнь-Цзе из Пайкина...

— Благодарю за совет,— Зенобия быстро захлопнула книгу, встала с ковра, подошла ко мне

и совершенно не девичьим жестом подала руку для пожатия.— Присаживайся, Маэль. Вина? Аргосского, коринфского, шаутенского?

— Мне больше нравится «Лоза Либнума»,— поддел я Дженну, упомянув самое дорогое и редкое на Закате вино со знаменитых Либнумских холмов Шема.

Даже во дворце Конана, беззаветно приверженного лучшим образцам винодельческого искусства Полуденного Побережья, «Лоза Либнума» полагалась неслыханно щедрым угощением иnectаром, достойным богов.

— Возьми на столе,— Дженна непринужденно кивнула в сторону огромного четырехугольного сооружения из сосновых досок.

Я подошел, обнаружил на столешнице кувшин с печатью в виде шестиугольной звезды, в центре которой находился силуэт верблюда, и понял, что колкость не удалась. Зато можно на славу угоститься.

— Здесь можно говорить свободно,— как бы невзначай сообщила Дженна.— Никто не подслушает. Во-первых, на страже стоят мои люди... Точнее, нелюди. Во-вторых, это самое удаленное крыло дворца. Я всегда очень любила независимость.

— Нелюди? — я плеснул вина в серебряный кубок и продегустировал. Ничего не скажешь, подлинный «Либнум»! С ума сойти! Быть фавориткой принца Тараска не так уж плохо...— Эта такая особая шутка обитателей Пограничья, которую аквилонцы не понимают?

— Еще как понимают,— отмахнулась Зенобия.— Между прочим, Конан Канах, твой король — большой приятель нашего короля. Эрхарда Оборотня. Понятно?

— А ты сама не оборотень? — поинтересовалася я, наблюдая, как Зенобия наливает в свой кубок какую-то жуткую настойку. Судя по запаху, ежевичную.

— Не повезло,— совершенно серьезно ответила госпожа фаворитка.— Я, к сожалению, самый настоящий донодийский человек. Ладно, оставим споры о преимуществах двух противоположных рас. Надеюсь, ты сообразил, что я позвала тебя не случайно?

— Конечно, сообразил. И что?

— А вот что,— Зенобия указала мне на длинную лавку, застеленную медвежьей шкурой.— Насколько мне известно, тебя прислал в Бельверус король Аквилонии? Да? И пожалуйста, не делай такие невинные глаза! Я, как ты мог заметить, отнюдь не круглая дура. Кроме того, детство и юность я провела в Пограничье и отлично знаю, в каких отношениях находились Конан и герцог Мораддин.

— Не понимаю, как увязать вместе твою молодость, короля Аквилонии и покойного герцога,— брякнул я.— При чем здесь тогда Пограничье?

— Человеческие судьбы, долгие тонкие нити, свитые Норнами, переплетаются очень причудливо,— с задумчивым видом изрекла Зенобия и села рядом со мной.— В моей полуночной стране

слова «богатый купец» почти равнозначны слову «герцог». Ты слышал о моем отце? Он ведает торговой управой Пограничья, близок к королю Эрхарду и наслышан о некоторых страничках прошлого аквилонского государя. Я же внимала рассказам отца со всем тщанием... Я знаю, что Конан и глава Вертрауэна познакомились давным-давно, лет двадцать назад или даже больше того. И, конечно же, такой человек, как Конан, никоим образом не мог оставить в беде старинного друга.

— Какие же из всего этого выводы? — поинтересовался я.

— Никаких, — Зенобия развела руками. — Здесь настолько тесно сплелись высокая политика, в которой я ничего не понимаю, чьи-то интриги и колдовство, что распутать этот клубок не сумел даже хитроумный Мораддин. За что и поплатился жизнью.

— Колдовство? — ахнул я. — Какое колдовство?

— Обычное. Никогда не сталкивался с магией?

— А ты, видимо, сталкивалась настолько часто, что хорошо разбираешься в волшебном искусстве?

— Да не сказала бы... Мои телохранители-оборотни заставили меня насторожиться. Племя Ка-рающей Длани чувствует магию гораздо острее людей. Так вот, парни утверждают, что в Бельверусе появилось нечто... нечто чужое. И это чужое — действует.

— И в чем это выражается? — спросил я. — Каково действие?

— Отец приставил ко мне четверых охранников, — глядя на огонь камина, сказала Зенобия. — Тарк, дальний родственник Эрхарда, уехал еще зимой. Обратно в Пограничье. Отговорился тем, что в Немедии ему плохо. Хотя за последние четыре года я не слышала от него никаких жалоб. Остальные начали болеть, примерно с начала зимы. Чем дальше, тем хуже. А нозапрошлой ночью умер Гупта — мой самый верный страж. Я достаточно хорошо знакома с Племенем Ка-рающей Длани — оборотни гораздо крепче людей. Так просто они не умирают. В Бельверусе, как мне кажется, на них начала действовать та самая чужая магия, появившаяся в городе, едва выпал снег... И я сама начинаю бояться.

— Мне, конечно, интересно слушать рассказ о твоих страхах, — довольно жестко заметил я, — но почему бы не перейти к делу? Что ты хочешь мне сказать? И почему? Почему не пожаловаться принцу Тараксу или канцлеру? При чем здесь дворянин из Аквилонии?

— Вот ты, значит, как... — сощурила глаза Дженна. — На все эти вопросы я не отвечу. Отчасти потому, что не хочу, отчасти потому, что не могу. А Таракс... Молодой принц рвется к власти. Он привел в город много верных людей и я почти уверена, что гибель семьи старого Нимеда — на его совести. Мне на это плевать. Немедия для меня чужая страна. Однако я не могу спокойно наблюдать, как в политику вмешивается чуждая людям сила, равно опасная и для того, кто ее использует, и для его противников.

— Я подозревал, что за недавним фальшивым мятежом стоит Таракс,— Зенобия, собственно говоря, ничего нового не поведала. И в то же время я в очередной раз слышу о некоем чужеродном колдовстве.— Скажи, в свите Таракса есть маг?

— Аж целых двое,— мигом ответила Дженна.— Ораст и еще один... Этого второго я вижу очень редко. Станный человек. Кажется, Таракс познакомился с ним в Кофе.

— Имя знаешь?

— В этом-то вся и загвоздка! Имя необычное. Не стигийское, не кофское и не немедийское. Его зовут или называют Ксальтотуном. Точно такое же имя я встретила вот в той книге,— Дженна указала рукой на валяющийся том сочинений Тот-Амона.— Ксальтотун — кхарийское слово. Перевести его трудно — оно означает одновременно и человека, который постоянно возвращается, и нечто, существующее вечно, но где-то на самом рубеже миров Зримого и Незримого, и течение времени, а если уж быть совсем точной, то это понятие вышло из употребления еще полторы тысячи лет назад, когда рухнула Кхарийская империя. Мне кажется, что «Ксальтотун» — это не столько имя, сколько название какого-то ремесла. Человек может быть скорняком, наемником, лекарем. А может быть ксальтотуном.

— Говоря проще, колдуном?

— Нет, именно ксальтотуном. Не могу объяснить эту догадку. Я спросила об этом слове у королевского мага, Арраса, он только пожал плеча-

ми и настоятельно посоветовал держаться по дальше от людей, пользующихся кхарийским языком. Зато сам Аррас теперь вовсю крутится возле Таракса. А сейчас подумай и увязи воедино кое-какие события: в конце осени приезжает Таракс и тогда же мои оборотни начинают чувствовать постороннюю волшебную силу. Зимой разгорается неспокойствие в городе, народ недоволен властями, потом эпидемия, потом перебои с доставкой продуктов в столицу, с середины зимы в Бельверусе появляется сумасшедший, убивающий людей, король Нимед заболевает... Если взглянуть на все события зимы в целом, можно увидеть единую цепочку бедствий.

— И ты полагаешь, что на конце этой цепочки болтается Таракс?

— А на другом — немедийская корона,— подтвердила Зенобия.— Можешь идти, граф. И повторяю — как можно быстрее найди молодую баронессу Эрде. Таракс ее тоже ищет.

Меня выпроваживали и ясно дали понять, что дальнейшие вопросы неуместны. Кажется, Зенобия и так сказала больше, чем хотела...

Похоже, я ввязался в крайне запутанную и очень темную историю. Мало мне всех предыдущих неприятностей! Теперь же на горизонте замаячила фигура какого-то Ксальтотуна!

Пусть моего проклятущего родственничка, Райана Танасульского, заберут самые клыкастые и вонючие демоны! Почему Райана никогда нет на месте в то время, когда он нужен?

Глава вторая

Записки Долианы, баронессы Эрде — I.
«Беглецы в огромном городе»

Немедия, Бельверус.
17 день Первой весенней луны.

Разбудили меня робившиеся сквозь щелестущую деревянную стену солнечные лучи, деловитая перекличка голосов и головокружительный для голодного человека запах свежеиспеченного хлеба. Вообще-то я не спала — дремала вполглаза, как хищные звери. Четверть колокола настороженного полусна-полуяви, мгновенное пробуждение и внимательное изучение окрестностей. Опасности нет? Значит, можно снова положить голову на лапы и прикрыть глаза.

Есть хотелось до громкого и неприличного урчания в животе. Я осторожно попшевелилась, стараясь не разбудить моего спутника, и загля-

нула в выпавший из доски сучок. Наше убежище — пустующий сарай для мешков с мукой — приткнулось на задворках большой пекарни, и сейчас там дым стоял коромыслом в прямом и переносном смыслах. По обширному двору носились мальчишки-подмастерья, тащившие подносы с готовыми булками. Кто-то громко и визгливо требовал немедля добыть ему свежих дрожжей, угрожая нерадивым помощникам страшными караами и лишением жалования. Крикуна заглушал трубыный ослиный рев и сердитый женский голос, отдававший распоряжения. Всюду летала белая мучная пыль, от которой я едва не расчихалась, но вовремя зажала рот ладонью и опасливо покосилась на свернувшегося рядом человека. Он слабо попшевелился и что-то пробормотал.

Я знала, чье имя он повторяет. Словно подтверждая мою догадку, из-под опущенного века беззвучно выкатилась слеза. Одна, вторая, третья... Только этого не хватало. За что нам такие мучения? Я сама с удовольствием бы разревелась, но слезы почему-то иссякли. Осталась только сухая горечь и мертвенная тоска.

Будь я одна, я, возможно, опустила бы руки и сдалась. В конце концов, я только девчонка пятнадцати лет от роду, ничего не знающая и не умеющая. Но теперь нас двое. Я отвечаю за того, кто по воле случая стал этой безумной и долгой ночью моим компаньоном и напарником. Сгисни зубы, Дана Эрде, забудь о прошлом, о сгоревшем доме и погибшей семье. Думай о сегодняш-

нем дне. Нам нужна еда, нужно золото и хорошее укрытие. Нам нужно узнать, что происходит в городе, и сообразить, как поступать дальше. Я также с удовольствием обзавелась парой выносивых лошадей и подорожной с разрешением выехать из столицы.

Но в первую очередь я не отказалась бы от только что вытащенной из печи булки. Можно даже без изюма и корицы. Интересно, сколько у нас монет на двоих? У моего приятеля, подозреваю, в карманах вообще ни единого медяка. Деньги ему никогда не требовались. У меня есть пригоршня золотых ауреев и драгоценности, которые в случае настоятельной необходимости можно рискнуть обратить в наличность. Сунемся к какому-нибудь ростовщику или меняле, продадим жемчужный кулон или колечко с изумрудом...

Снавший на ложе из пыльных мешков молодой человек внезапно рывком поднял голову, ошелошло глядя по сторонам. Попытался вскочить, зацепился за отошедшую половицу и снова плюхнулся.

— Дана?! — приглушенный вопль отчаяния.

— Здесь, здесь, — проворчала я. — Не кричи.

— Где мы? — он послушно опустился обратно, пригладил ладонью встрепанные светлые волосы и вопросительно уставился на меня. Глаза у него были серо-синеватого цвета, взгляд отчаявшийся и вместе с тем упрямо-вызывающий. Некогда искусно сшитый наряд темно-зеленого и красного бархата всего за одну ночь превра-

тился в живописные обноски, в которых уважающий себя нищий на улицу не выйдет. Вчера нам пришлось изрядно побегать, а также несколько раз сигануть с крыши, провалиться в кучу отбросов и подраться с загадочными личностями, непременно желавшими нас прикончить. Однако ночь миновала, а мы по-прежнему живы, вопреки всему.

— Склад при какой-то пекарне, — я снова заглянула в круглое отверстие от сучка. — Работа кипит, так что у нас есть возможность улизнуть незамеченными.

— Поесть бы... — жалобно сказал мой неожиданный спутник. — Как думаешь, сколько стоят две больших булки с медом и специями?

— Четыре серебряных кроны, сиречь двенадцать талеров, — не задумалась я.

— Я заплачу, — самоуверенно предложил мой компаньон.

— Чем? — хмыкнула я. — Долговой распиской? Нет, дражайший месьор, мы ни за что платить не будем, ибо пока пребываем в бедности и вне закона. Я собираюсь пойти на преступление и украсть для нас что-нибудь съедобное.

— Ты не можешь! — искренне возмутился он.

— Могу, — я встала. — Могу и сделаю, как подобает верной подданной. Вставайте, мой господин. Ступай через двор, ни на кого не обращай внимания. Все так заняты, что тебя, скорее всего, тоже не заметят. На улице свернешь направо, спрячешься где-нибудь под аркой и подождешь меня.

— Это ужасно,— обескуражено пробормотал светловолосый.— До чего мы докатились — до грабежа!

— Иди,— я легонько подтолкнула его к покосившейся двери сарая.

Я оказалась права — занятые своими хлопотами подмастерья булочника едва глянули в сторону выбравшегося из пристройки человека в потрепанном дворянском костюме. Он благополучно дошел до калитки, открыл ее и исчез из виду.

Мне пришлось обождать, пока не появится намеченная жертва. Волочивший огромный железный противень мальчишка выглядел слегка туповатым, и, когда внезапно появившаяся рядом с ним девица бесцеремонно схватила с подноса не две, а целых четыре булки, только рот раскрыл от удивления.

— Хозяин разрешил,— быстро проговорила я. Подмастерье растерянно моргнул, а я поспешно выскочила прочь со двора.

Добычу мы сжевали, сидя на ограждении испускавшего тонкую струйку фонтана, и запили холодной водой из бесплатного уличного источника. Я оглядывалась, пытаясь сообразить, в какую часть города нас занесло, и пришла к выводу — мы в Даокостре, полуденном квартале мелких лавочников и торговцев. Местечко тихое, не-богатое, считающееся приличным и законопослушным. Если не наткнемся на гвардейский патруль или особо бдительного горожанина, мы пока в безопасности.

— Теперь, ваша милость,— по возможности бодро начала я,— настало время всерьез задуматься. Мы — никто. Возможно, официально нас больше не существует. Мы умерли прошлой ночью. Чем заняться двум покойникам в Бельверу-се?

— Поражаюсь, как у тебя хватает силы духа смеяться,— с откровенным удивлением заявил мой спутник.

— Это потому, что мне страшно,— честно призналась я.— Но моя матушка всегда повторяла: не давай страху завладеть собой. Лучше смеяться над собственными бедами, чем рыдать и твердить, что все пропало. Итак, ваше высочество, умолкаю и внимаю вашим предложениям.

Обращение «ваше высочество» было совершенно истинным и справедливым. Ведь сидевшего рядом со мной на известняковом парапете молодого человека звали Ольтеном Эльсдорфом, младшим отпрыском покойного Нимеда Первого. Меня грызло сильнейшее подозрение, что принц Ольтен теперь не только младший, но и единственный уцелевший сын короля.

— Какие у меня предложения...— Ольтен дернулся плечом и устало сгорбился, сцепив руки между колен.— Ты права: во мнении общества мы наверняка считаемся погибшими, хотя кое-кто может клятвенно засвидетельствовать, что мы уцелели. Рискнуть вернуться во дворец? Боюсь, я исчезну прежде, чем успею встретиться с кем-либо, кто мог бы мне помочь. Я слишком много видел и слишком много знаю. Обратиться

к друзьям? В городе найдется десяток-другой людей, согласных предоставить нам убежище, скажем, мои знакомые по временам жизни в Заморе...

Не стоило ему вспоминать Замору. Принц два года пробыл там протектором (говоря по правде, почти некоронованным королем), умудрившись добиться уважения к своей особе и достигнуть немалых высот в деле управления этой беспокойной полуденной страной.

Вдобавок Ольтен нашел там подлинное сокровище — свою супругу, юную графиню Кариолу. Представления не имею, как она раздобыла право на графский титул и был ли он хоть немного законным, но твердо знаю иное: принц дорожил ею больше всего на свете, а теперь веселая и бесстрашная Кариола лежит где-то на мостовых Бельверуса и весенний снежок не тает подней.

Ибо она мертва. Мертва, подобно моим родителям и моему брату.

* * *

Выбравшись из переулка, тянувшегося вдоль ограды нашей усадьбы, я, прихрамывая и поскучливая, устремилась по пустынной ночной улице, стараясь держаться в тени домов. Предвещавший тревогу колокольчик не умолкал, назойливо твердя о необходимости быть настороже и том, что убийцы очень скоро признают о бегстве добычи. У них наверняка хватит людей, чтобы

рассыпаться и прочесать окрестные кварталы. Может, спрятаться?

Быстро обдумав эту идею, я признала ее неподходящей. Не зная здешних укромных уголков, я вполне могу по неосторожности поднять изрядный шум. Он привлечет внимание горожан и меня быстро обнаружат. Вряд ли стоит уповать на людское милосердие. Похоже, Майль оказался прав: в городе вспыхнул настоящий бунт. Узнать бы, против кого он направлен? Против королевской семьи и их сторонников? Против Вертрауэна? Или недовольство плебса обращается на любого, оказавшегося в ненужное время в плохом месте?

При всем незнании жизни я уверенно поделила навестивших особняк в проезде Черного Леонарда людей на две группы. Первая, числом в сотню-полторы, сломала ворота и пыталась разбить парадные двери, а потом шумно и бесполково металась по саду в поисках уцелевших домочадцев герцога Морадина. Эта орава состояла из горожан низкого сословия и примкнувших к ним отребьев общества, скорее всего, надеявшихся под шумок поживиться добром из разоренного дома. Их клич сводился к незамысловатому «Бей прихвостней Коротышки!», и, как подозреваю, решительность подогревалась уничтоженным незадолго до того содержимым бочонков с каким-нибудь дешевым пойлом. Сами по себе эти люди вряд ли решились бы на такой поступок, как разгром жилища главы зловещего Пятого департамента. Может, их просто науська-

ли на дом Эрде, как собак натравливают на лежбище кабана? Но тогда мне очень хотелось бы знать, кто и зачем это сделал?

Второй отряд явился именно за жизнями членов семьи Эрде. Они прекрасно знали свое дело и, надо отдать им должное, выполнили его почти безукоризненно, если не считать досадной промашки с некоей Долианой Эрде. В книгах я не раз читала: самое опасное — недооценивать противника. Лучше заранее считать врага более опасным, чем на самом деле, чем потом винить себя в непредусмотрительности.

Не это ли сгубило моего отца? За долгие годы он привык считать себя никогда не ошибающимся и умеющим предвидеть все возможные повороты событий. А вот такого, какой происходит сейчас — не предусмотрел. И теперь Дане Эрде предстоит выкручиваться самостоятельно.

Кто бы знал, как я боюсь... Стиснутый в ладони кинжал не помогает. Сомневаюсь, что в случае опасности у меня хватит решительности пустить его в ход.

«Однако я сумела прикончить того жуткого типа, что напал на меня у ограды усадьбы!» — напомнила я себе и озадаченно задумалась: как я вообще сумела это проделать, не коснувшись нападавшего даже пальцем? Я не пыталась достать его своей дагой, не сделала ни единого выпада! Зато перед моим «внутренним взглядом» (если считать мимолетное странное видение именно тем «взглядом», коий красочно описывают в своих трудах многоученые философы) предстали

какие-то развеивающиеся красные нити, и я их с легкостью перерезала. Вроде бы тем самым клинком, что наяву держала в руке. Нити распались — человек умер.

Ладно, с загадками разберусь потом. Если «потом» когда-нибудь наступит. Вопрос, тревожащий меня в настоящий миг — куда бежать? Бесцельно мотаться по городу, наверно, опасно. Можно наткнуться как на толпу мятежников, так и на шайку обычных уличных грабителей. К тому же я не в состоянии определить, есть за мной погоня или нет.

Будем следовать наставлениям отца, то есть искать постоянный двор «Путеводная звезда».

Быстрое изучение фасада дома, мимо которого я пробегала, подсказало, что я нахожусь на улице Скачущего Коня — к каменному выступу крепилась плоская бронзовая фигурка, позеленевшая от времени. Эта улица выведет меня к Площади Побед Нумы и закрытому на ночь зеленому рынку. На площадь лучше не соваться, большое открытое пространство в такую ночь наверняка служит местом сбора бунтовщиков. Обойду рынок по близлежащим переулкам. Затем предстоит одолеть еще три квартала, двигаясь в полуночном направлении и стараясь постоянно держать в уме чертеж столицы. Где-то там лежит небольшая улица Медников, названная так из-за расположенного на ней здания гильдии ремесленников этого цеха...

В путь. Внимательно смотрим по сторонам, прячемся от любых прохожих, военных патрулей

и подозрительных личностей, но ищуще всего — от скопления мятежников.

Из болезненного любопытства я на всякий случай посмотрела вверх, однако хмурые облака так плотно затянули небо, что малейшие просветы исчезли, скрыв от меня алое мерцание и кружившую в небесах огромную небывалую птицу. Начался снегопад — мелкий и мокрый, большие напоминающий дождь.

Новичкам везет. Я благополучно миновала темные, притихшие кварталы, всей шкурой ощущая настороженные взгляды притаившихся за накрепко закрытыми ставнями горожан. Пару раз мне пришлось юркать в подворотни, терпеливо дожидаясь, пока мимо пройдет очередная крикливая группка бунтующих плебеев. Один раз мимо меня быстро проскочил некто в темных лохмотьях, и, к моему удивлению, на бегу бросил через плечо: «Не ходи к улице Алебард, там заварушка». Очевидно, загадочный субъект являлся воришкой или домушником, и принял меня за собрата по ремеслу.

Вняв предостережению, я обошла указанную улицу стороной, краем уха расслышав крики, треск горящего дерева и звонкие щелчки разбивающихся о мостовую черепиц. На улице Алебард стоял особняк, принадлежавший кому-то из младших королевских сыновей — не то Зингену, не то Ольтену. Мне оставалось только мысленно посочувствовать обитателям дворца и понадеяться, что тамошняя охрана сумеет разогнать взбесившуюся толпу.

Улица Медников, больше смахивавшая на тесный переулок, встретила меня тревожным молчанием. Постоялый двор я увидела издалека — над входом качался зажженный слюдяной фонарь ярко-голубого цвета, освещая крупную вывеску, написанную стилизованными туранскими завитушками: «Путеводная звезда». Кажется, я у цели.

В иное время я бы кинулась к спасительному крыльцу, не разбирая дороги и повизгивая от облегчения, но сейчас не могла решиться сделать шаг. Вместо этого я попятилась и спряталась за выступом каменной колонны. Подождала, внимательно изучая фасад таверны. Внизу все огни потушены, зато на втором этаже сквозь трещину в ставнях просачивается бледный желтоватый от света. Войти через дверь для посетителей или попытаться найти другой вход? Скажем, предназначенный для слуг и поставщиков?

Поколебавшись, я решила воспользоваться черным ходом. Метнулась через улицу, спряталась в густой тени и рысцой побежала вдоль каменной стены. В кухне постоянного двора наверняка никого нет, так что я не стану причиной паники и волей. Главное, чтобы на заднем дворе не оказалось сторожевого пса, который не делает различий между рыщущим в поисках добычи представителем «ночного братства» и скрывающейся дочкой опального вельможи, с равным прилежанием облавляющей тех и других.

Собаки, к счастью, тут не держали. С величайшей осторожностью я миновала крайне за-

хламленный дворик, только раз споткнувшись о жестяное ведро и успев его вовремя подхватить, заметила очертания покосившейся двери и устремилась к ней. Легонько постучала.

Дом оставался тихим. Как я не настораживала уши, не услышала ни шлепанья приближающихся ног, ни раздраженного оклика: «Кого там принесло среди ночи?»

Я постучала снова, теперь погромче и сильнее. От моих толчков дверь скрипнула и отошла внутрь. Она вообще стояла незапертой, что слегка противоречило моим представлениям о городских нравах. Мне казалось, что содержатели постоянных дворов должны весьма заботиться о сохранении своего имущества.

Войти? Не торчать же на пороге в ожидании неизвестно чего?

За дверью тянулся узкий коридор, пропахший острыми специями, сгоревшим бараным жиром и топленым салом. «Путеводная звезда», как я вспомнила, принадлежала туранцу, значит, иосетителей кормят соответственно традициям стран Восхода.

Эта приоткрытая дверь ведет на кухню — я проверки я заглянула, увидев большой открытый очаг, набор вертелов и развешанные по стенам разнообразные кастрюли-сковороды-половники. Следующая дверь выходит в общий зал, занимающий весь первый этаж — там темно и пусто. Крутая лестница наверх, освещенная слабыми колеблющимися отблесками. Изогнув шею, я попыталась разглядеть, что расположено вы-

ше, и тут мне на плечо увесисто шлепнулась густая капля какой-то жидкости.

— Ой,— пискнула я и отступила. Следующая капля пролетела мимо и смаочно хлюпнулась в небольшую лужицу, натекшую у основания лестницы. Я принюхалась — неприятный запах этой лужицы напомнил мне о готовящемся мясе и шипящей на сковороде крови.

По лестнице я поднималась на цыпочках, опасаясь малейшего скрипа. Одолела полтора десятка ступенек и медленно оглянулась, догадываясь, с чем предстоит столкнуться.

За сегодняшний день я повидала больше мертвецов, чем за все пятнадцать прожитых лет, но впервые смерть была такой близкой и, если так можно выразиться, откровенной. Человек (судя по одежде, трактирный слуга) лежал на спине, неуклюже разбросав руки-ноги и далеко запрокинув голову.

Его шею перечеркивал широкий багровый разрез с ровными краями, отчего зрелище болезненно напоминало вид надрубленной кровяной колбасы. Кровь стекала вниз, неторопливо пропачиваясь сквозь половицы. Мне с трудом удалось подавить тошноту и убедить себя в том, что покойник не способен причинить никакого вреда. Что здесь произошло? Случайная скора? Или?..

— Есть тут кто? — громким шепотом позвала я. Ответа не последовало.

Второй труп застрял в дверях комнаты, рассеянный свет из которой я заметила с улицы. Вот

и свеча, горящая в плоской тарелке на низком столе.

«Может, это и есть тот самый Яхмак, владелец таверны? — я с легким испугом разглядывала скрючившегося на боку грузного мужчину средних лет, с бритой головой и в засаленном желтом халате. Его прикончили несколькими ударами тонкого и очень острого лезвия, нанесенными в область сердца. Застывшее на его переколенном лице выражение я бы определила как «раздраженное». — Кто с ним расправился? Почему?»

Пламя свечи чуть качнулось. По стене прокочила размытая тень, что-то жесткое скользнуло по моим волосам и рывком охватило горло, впившись острыми краями в кожу.

«Попалась! — истерически заверещала трусливая часть моей без того изрядно напуганной за сегодняшнюю ночь души. — Тут была засада и ты угодила в нее! Попалась! Тебе конец!»

Я беспорядочно замолотила руками в попытке сорвать душившую меня петлю и, разумеется, выронила кинжал.

Стоявший сзади человек натянул ремень потуже, вынуждая меня выгнуться дугой, перед моими глазами поплыли зеленоватые и красные круги, воздух стал почему-то твердым и шершавым. Последним усилием я вспомнила про спрятанный за отворотом сапога стилет, кончиками пальцев дотянулась до него, ухватилась и всадила по самую гарду в что-то мягкое и податливое.

Противник взывал, но удавку не выпустил, только слегка ослабил. Я жадно схватила глоток драгоценного воздуха и ударила снова. Потом опять и опять, пока неизвестный не осел на пол, хрипя и захлебываясь собственной кровью. Я плюхнулась рядом, занятая только одним — дышать, дышать!

Когда голова перестала кружиться, а горло — сжиматься в приступах спазмов, я отползла в сторону и первым делом подобрала улетевшую дагу. Затем боязливо глянула, кого я прикончила, увеличив число своих невольных жертв до двух человек. Лицо этого типа было мне совершенно незнакомо, а скромные одеяния наводили на мысль о небогатом торговце. И никаких предположений, зачем ему понадобилось нападать на меня.

«У него вполне могут быть сообщники, — мелькнуло в голове. — Тебе повезло, но везение — штука непостоянная. Исчезай.»

Я скатилась вниз по лестнице, замерла (посыпалось или нет? Вроде бы из общей залы доносятся шаги?), вихрем пробежала по коридору, вылетела на задний двор, пометалась туда-сюда, не зная, куда кинуться, и прыжками понеслась вверх по улице Медников. Теперь я окончательно запуталась и поняла, что могу рассчитывать только на себя. У отца наверняка имелись в городе иные доверенные люди, подобные Яхмаку, но, к сожалению, они мне неизвестны. Я знаю, где проживают знакомые Вестри и семейство моей лучшей приятельницы Цинтии Целлиг, но

имею ли я право заявляться к ним посреди ночи и просить о помощи? Общаться со мной теперь опаснее, чем с прокаженным нищим. Значит, нужно дождаться рассвета. Утром власти начнут наводить порядок. Может, я могу рассчитывать на защиту закона?

Хотя, если подумать...

События в особняке Эрде наводят на мысль, что нас невзлюбил не столько плебс, сколько кто-то из числа сильных мира сего. Кому еще могли служить отлично выдрессированные убийцы? Они все предусмотрели и, упустив меня возле усадьбы, немедля отослали сообщников туда, где я непременно должна была появиться — в «Путеводную звезду». Откуда-то им стало известно о таверне и ее хозяине. Неужели теперь всюду, куда бы я ни сунулась, меня будет подкарауливать неприметная личность с удавкой или ножом в рукаве?

Что же делать? Куда бежать?

* * *

В полнейшей растерянности я кружила по городу, не решаясь остановиться и поискать укрытие. Я давно потеряла малейшее представление о том, где нахожусь. Смутно припоминаю, как миновала широкий каменный мост через Бельверу — в просветах между досками равнодушно поблескивала темная вода. Кажется, я побывала поблизости от замка короны. В памяти отпечатались высокие башни, факелы, и смутные фигуры

людей, суетившихся подле распахнутых ворот. Потом меня по неосторожности занесло прямо в топавшую посреди улицы и выкрикивавшую какие-то неразборчивые призывы толпу. Я шла вместе с ними, пока не заметила неосвещенный переулок и не улизнула туда. Вроде бы я сидела на спине изъеденного временем каменного дракона, украшавшего перекресток, бессвязно грохаясь отомстить всем моим обидчикам, и убежала, заслыпав цокот копыт приближающейся лошади.

Прояснение сознания застало меня на широком проезде, имевшим даже такую роскошь, как ряд высаженных посередине лип. Блестящий медный силуэт длиннорылого и оптетинившегося кабана сообщил мне, что я забрела в самый центр столицы, на улицу Вепря.

Затем я поняла, что слышу возникающий где-то неподалеку тревожный гул, перемежаемый ставшими уже привычными криками, сущившими лютую гибель семейству Эльсдорфов и звоном разбивающихся стекол. Я огляделась, соображая, куда бы спрятаться, не собираясь приближаться к месту очередного погрома... и внезапно ослепла. Дома вокруг окрасились багровым заревом, высветившим камни мостовой и отчетливые тени раскинувших облетевшие ветви лип. Затем над улицей Вепря пролетел ощущимый поток горячего воздуха, и я поняла: горит собственность кого-то из верных сторонников короны. Я даже увидела этот пожар и собравшуюся возле особняка толпу — это происходило

за три или четыре дома от меня. Соваться туда опасно и бессмысленно. Помохи от меня никакой и вдобавок меня саму могут заметить. Однокая девчонка наверняка вызовет подозрение и меня постараются поймать.

Я решительно свернула с проезда Вепря в тесную улочку между домами. Достаточно бесцельных странствий! Сейчас отыщу место, где меня не найдут, и пробуду там до утра. При солнечном свете и думается лучше, и не так страшно.

Благие намерения никогда не осуществляются.

Уличка петляла по задворкам высоких, напыщенных строений, ведя меня причудливым зигзагом непонятно куда. Рыжие всплески пламени сначала оставались по правую руку, затем внезапно переметнулись влево, став опасно близкими, а я оказалась в самом настоящем тупике, огражденном с двух сторон глухими стенами домов, а с третьей — какой-то одноэтажной пристройкой с высоким чердаком. Я растерянно пялилась на маленькое, аккуратное здание, когда в нем стремительно распахнулось окно и оттуда выпрыгнул человек. Постоял, быстро озираясь и прислушиваясь (я вовремя сделала шаг в сторону, став одной из теней). Удовлетворенно кивнул и еле слышно произнес: «Все в порядке».

Из окна появились еще двое, помогли выбраться третьему, в коем я по движениям безошибочно признала женщину, наряженную, подобно мне, в мужской костюм. Подозрительная

четверка перевела дух, кто-то из них зажег припасенный фонарь, и маленький отряд быстрым шагом направился вниз по переулку.

«Вряд ли это мятежники, — быстро рассудила я. — Скорее всего, законные обитатели только что подожженного дома. Раз так, нужно присоединиться к ним, кто бы они не были!»

Когда беглецы поравнялись со мной, я тихонько свистнула. Люди замерли, как вкопанные, женщина растерянно ахнула, тот, кого я увидела первым, угрожающе шагнул вперед, вытягивая из ножен меч.

— Я не опасна! — с этими совершенно неподходящими словами я торопливо выбралась в круг тусклого фонарного света и на всякий случай подняла руки, показывая, что в них ничего нет. — Я спасаюсь от бунтовщиков! Вернее, пытаюсь спастись...

Настороженная пауза, пока меня разглядывали. Потом фонарь поднялся выше, осветив лица. Точно, трое мужчин и тщательно скрывающая испуг девушка, едва ли старше меня годами. В должности предводителя у них явно выступает светловолосый молодой человек благородного вида, двое других смахивают на лощеных красавчиков военного сословия, подрастерявших изрядную долю своей былой самоуверенности.

— Ты кто? — нарушил затянувшееся молчание блондин.

— Долиана Эрде, — я решила, что ни к чему скрывать свое имя. Все мы в одной тонущей лодке. — Дочь герцога Мораддина Эрде.

— Но...— растерянно произнес молодой человек. Нет сомнения, имя моего отца ему знакомо, как знакомо почти всякому жителю столицы слово «Вертрауэн».— Почему вы здесь? Разве дом Эрде тоже?..

— Какая разница? — вмешалась девушка.— Полагаю, баронесса Эрде не стала бы бегать по ночных улицам ради собственного удовольствия!

— Верно,— подтвердил доблестный носитель фонаря и тревожно покосился назад, на флигель и взлетающие над черепичной крышей языки огня.

— Тогда вы идете с нами,— принял решение молодой человек и коротко хмыкнул: — Не самое лучшее время и место для знакомства. Я Ольтен Эльсдорф, а это моя супруга Кариола.

— Очень приятно,— растерянно пробормотала я. Вот так встреча, нарочно не придумаешь! Значит, жертвой разъяренной толпы стал особняк младшего из четырех сыновей покойного Нимеда, предпримчивого и неугомонного принца Ольтена?

— Виллет Клеве, Дайси Борген,— вразнобой представились гвардейцы, так что я даже не успела понять, кто из них кто. Церемонию взаимных расшаркиваний на этом сочли законченной, и компания из пяти человек заторопилась прочь от подожженного дома.

— Прощу прощения, но куда, собственно, вы направляетесь? — я пристроилась справа от принца. Слева шла Кариола, постоянно запинав-

шаяся, о ножны болтавшегося у нее на бедре длинного эстока.

— К замку короны,— кратко отозвался Ольтен.

— Туда нельзя! — встревожилась я.— Я недавно пробегала мимо, там полно мятежников! Мне казалось, они пытаются штурмовать ворота. Мы просто не сможем подойти близко и дать знать о себе!

— Да? — его милость сбился с шага и окликнул одного из своих сопровождающих: — Дайси, похоже, к дворцу не сунуться. Госпожа Долиана, ты не знаешь, как вообще обстоят дела в городе?

— Погром на улице Алебард,— сообщила я.— Очень большая толпа бесцельно шатается по Золотому кварталу и швыряет камни в окна. Стражи нигде не видно. По моему скромному разумению, стоило бы поискать укрытия где-нибудь на окраинах, там, где никому не придет в голову нас искать.

— Например, в борделе,— неожиданно предложила супруга принца.— Или на захудалом постоялом дворе.

Я вспомнила, что Кариола родилась и выросла в Заморийском протекторате, в печально известном Городе Воров, Шадизаре.

Законность ее графского титула в Немедии подвергалась большому сомнению, а юность графини, надо полагать, отличалась изрядным своеобразием, давшим ей неплохое знание обычаев городского дна. Хотя ее идея, надо признать, не лишина здравого смысла.

Гвардейцы дружно хмыкнули и с уважением покосились на принцессу.

— Не пустят, — сказал тот, кого я сочла представителем семейства Клеве. — Разве что выбьем двери и ворвемся с боем.

— Идем к Риверам, — заявил Ольтен. — У них есть маленькая усадьба в полуденной части города. Долиана, ты сумеешь провести нас на... забыл, как же этот переулок... то ли Кинжала, то ли Ножа...

Про Эвмера Ривера и его дочь, Десмеру Несравненную, я слышала от брата. Двадцать лет назад Десмера стала очередной любовницей покойного короля Нимеда. Когда у нее родился сын, правитель Немедии сделал совершенно неожиданную вещь — сочетался с фавориткой браком по митрианскому обряду. Ровно два дня бедная Десмера, умиравшая после тяжелых родов, пробыла некоронованной королевой страны, а ее отпрыск получил законное право числиться среди принцев короны.

Отец Десмеры, Эвмер, с тех пор сильно невзлюбил Трон Дракона, даже пытался состряпать заговор против Нимеда. Будучи разоблаченным, Ривер покаялся и отошел от политических дел, безвылазно засев в своем старинном особняке в обществе сестры, аряхлеющей старой девы, и нескольких преданных слуг. Поговаривали, что он занимается там алхимией, привечает колдунов и собирает книги по магии. Понятия не имею, как он относится к своему внуку, обитающему в замке короны, но, коли принц твердо уверен,

что старый Ривер примет его... Где у нас переулок Ножа?

— Сумею! — уверенно сказала я.

Если бы кто-то взял на себя труда нанести наш путь по чертежу столицы, то решил бы, что такой след могла оставить только изрядно подвыпившая и заплетающаяся в собственных лапках сороконожка. Подозреваю, что это высочество Ольтен и его друзья впервые свели такое близкое знакомство с городскими закоулками и задворками. Собственно, для меня подобное путешествие тоже не являлось рутинной обыденностью, но мне здорово помог опыт, приобретенный в Мессантии, когда я с подружками удириала из Обители Искусств, дабы вволю пошататься по городу, поглязеть на корабли в гавани Дожей или сходить на ярмарку. Вдобавок за мной имелось нешуточное преимущество: в соответствии с советами матушки я наизусть зазубрила расположение основных улиц и кварталов Бельверуса.

Так что проводник из меня получился не плохой, и четвертому посленочному колоколу мы уверенно приближались к переулку Ножа, тянувшемуся по старинной части города вдоль полуденной части городских укреплений. Снегопад то усиливался, то сменялся мелкой дождевой пылью, все промокли и приглушиенно обменявшись мечтами о том, как хорошо бы оказаться под крышей и выпить горячего вина с турецкими специями. По кружке на душу! Нет, лучше по две!

Несвоевременная болтовня нас и сгубила.

Я даже не поняла, отчего споткнулся Дайси, только что шедший рядом и совершенно напрасно пытавшийся куртуазно поддерживать меня под ручку. Борген растерянно взглянул на меня и вдруг грузно осел на мостовую. Запоздалая подсказка здравого смысла с обостренной точностью подсказала, что людям несвойственноходить с торчащими из спины длинными боевыми стрелами.

— Опасность! — взвизнула я.— Берегись!

И вовремя метнулась в сторону, едва не рухнув на четвереньки — вторая стрела разочарованно прокрежетала по камням. Иштар Арагоценнейшая и Милосердная, что, опять все сначала? Здесь нас тоже поджидают? Где стрелки? Надо полагать, хотя бы один засел вон там, за водосточным стоком на крыше погруженного в темноту одноэтажного дома...

Дальше стало не до стратегических размышлений. Дорогу нам преградили трое, и, судя по хрусту безжалостно затаптываемых кустов, к ним на подмогу спешило еще какое-то число злоумышленников того же пошиба, как те, с которыми мне довелось свести недобром памяти знакомство у особняка Эрде и в таверне «Путеводная звезда».

Если бы я могла, я бы посоветовала принцу и единственному оставшемуся в живых гвардейцу не вступать в схватку, а бежать. В подобных ситуациях бегство куда разумнее благородной, но заранее обреченной на провал попытки отбиться.

В одиночку я бы могла попытаться сирятаться на пустыре. Однако Клеве и Ольтен уже сцепились с нападавшими, и даже Кариола азартно размахивает своим клинком, не замечая, что к ней подбираются сзади...

Этот любитель нападать со спины стал моей третьей жертвой. Охота на охотника — я налетела на него сбоку, уже почти привычным движением вогнав дагу между ребрами и отрыгнув, чтобы падающее тело не придавило меня. К моему крайнему удивлению, принцесса уложила своего противника и бросилась на выручку мужу, а я обнаружила, что должна позаботиться о сохранении собственной жизни, ибо в суматохе уличной схватки я оказалась лицом к лицу с каким-то неприятным типом, для начала попытавшимся сделать из меня тощего цыпленка на вертеле. Я увернулась и запрыгала вокруг него, удрученно понимая, что короткая дага не идет ни в какое сравнение с хорошим полуторным мечом и годится разве на то, чтобы отбить парочку ударов. Потом я непременно ее уроню.

Никаких красных нитей я на сей раз не видела и расправилась с врагом вполне банальным способом, вычитанным в каком-то из трактатов по военным искусствам и предположив, как бы действовала моя матушка, от которой я получила в наследство некоторые особенности рабиийских гулей. Я вполне правдоподобно поскользнулась, выпустив кинжал, покатилась по ой каким жестким и острым булыжникам, оказавшись под ногами у соперника, после чего согнула обе ла-

дени, выпуская когти, и изо всех имеющихся силенок рубанула его под колени. Когти у меня не очень длинные, но их вполне хватило, чтобы справиться с толстой кожей штанов и с неприятным хрустящим звуком порвать сухожилия.

Человек завопил, пытаясь удержаться на ногах. Вопль резко оборвался — принц Ольтен от души приложил нападавшему рукоятью меча по затылку и не слишком вежливым рывком за шиворот поднял меня с мостовой.

Быстро оглядел поле боя, я отчетливо поняла, что наши дела плохи. Мы лишились Виллета Клеве, противник же не понес заметных потерь. Говоря откровенно, в подобных ситуациях остается либо свести счеты с жизнью путем немедленного самоубийства, либо сдаться — на ногах остались только Ольтен, его супруга и я, а вокруг, плохо различимые в свете тусклого фонаря, кружило по меньшей мере человек десять. Говорят, именно так расправляются со своими жертвами шакалы.

— И что теперь? — тихо спросила принцесса Кариола. Ее голос не дрожал, хотя я отлично понимала, как ей страшно. — Нас убьют?

— С чего ты взяла? — обманчиво легкомысленным тоном отозвался младший потомок короля Нимеда и резко обратился к фигурам за пределами светового круга: — Эй! Есть среди вас хоть кто-то, не потерявший остатков совести? Вы понимаете, что творите? Знаете, кто мы? Или вам очень хочется быть вздернутыми возле башни Висельников? С титулами «злодеев короны»?

Масляный фонарь над нашими головами скрипел и раскачивался под порывами ветра, освещая высокого человека, сделавшего пару шагов навстречу нам. Ольтен издал сдавленное воскликнение и почему-то попятился, уткнувшись спиной в шершавый фонарный столб. Я предположила, что принцу отлично известен этот человек, однако Ольтен меньше всего ожидал встретить его здесь и сейчас.

— Ты?.. — растерянно проговорил принц.

— Так надо, — неизвестный с искренним сожалением покачал головой и добавил: — Приказано никого не оставлять в живых.

Я не успела заметить, когда он сделал длинный выпад, но услышала короткий жалобный вскрик Кариолы. Принцесса опустила глаза, дотронулась до расплывающегося черного пятна на своем колете и удивленно взглянула на испачканные густой липкой жидкостью пальцы.

— Кари! — пронзительно закричал Ольтен, кидаясь к медленно падавшей женщине.

И тут на меня снова накатило. Холод, темнота и далекие вспышки огня.

Но теперь я видела не развеивающиеся по ветру разлохмаченные пряди алых нитей, а какое-то огромное полуопрочное полотнище густого малинового цвета с серебряными искрами. Оно плескалось вокруг меня, как длинный легкий плащ, и я знала — пока эта веер со мной, я под залпой. Неважно, чьей. Главное — успеть воспользоваться неожиданной помощью, ведь края незримой ткани уже начинают таять.

— Идем! — я схватила упавшего на колени Ольтена за плечо. — Оставь ее! Нужно уходить! Она умерла! Пойдем!

Убийца Кариолы пялился на нас, но не двигался с места. Представления не имею, чем я ему казалась. Может быть, мы с принцем вообще просто исчезли с этой улицы. Я могла бы одним ударом прикончить его, как он поступил с бедной Кариолой, но не сделала этого. Вместо расправы я запомнила его лицо, присоединив его к хранившимся в памяти обликам и именем тем, кого я занесла в перечень своих врагов.

Мне удалось сдвинуть Ольтена с места и заставить идти за мной. Сначала шагом, потом трусцой мы пересекли пустырь — алый плащ съеживался, стремительно уменьшаясь в размерах.

Я не решилась повернуть к усадьбе Ривера, опасаясь, что там нас наверняка будут подкарауливать. Вместо этого я юркнула в переплетение кривых переулков, стиснутых между простецкими деревянными домишками, услышав вдалеке отчаянный вопль: «Ищите их! Они не могли далеко удрать!».

Я сворачивала, следя внезапным подсказкам обострившегося чутья беглеца, пробегая через внутренние дворы и огороды, пока что-то внутри не крикнуло: «Здесь!».

Кособокий сарайчик на задворках большого строения. Я втащила притихшего Ольтена за собой, захлопнула дверь и старательно прислушалась. Ни криков погони, ни собачьего лая, ни

встревоженных людских голосов. Запах мучной пыли, мешковины и старого дерева.

В этой развалище мы и скоротали время в ожидании рассвета.

* * *

Легкомысленное журчание фонтана совершенно не соответствовало как подавленному настроению принца, так и грызущему меня изнутри чувству тревоги. Нас наверняка разыскивают, и уж точно не для того, чтобы принести извинения и предложить с честью проследовать в замок короны. Мы — беглецы. Интересно, повезло ли еще кому-нибудь? Страна лишена короля, но кто хотя бы распоряжается в столице?

Нам позарез нужны новости.

В этом духе я и высказалась, понимая, что угрюмое молчание и переживание случившегося ни к чему не приведет. Я потеряла семью, принц Ольтен — жену и братьев, однако это не дает нам повода собственоручно вывязывать для себя петлю и надевать ее на шею. Наша жизнь не кончается с гибелю наших родных.

Моя болтовня наконец-то вывела Ольтена из оцепенения. Он глубоко вздохнул, встряхнулся и впервые за все утро осмысленно глянул на меня.

— Как полагаешь, нас ищут? — спросил он и сам ответил: — Наверняка. Мы ведь улизнули из-под носа у кофийских ищеек и те немедля понесутся докладывать господину...

— При чем тут кофийцы? — уточнила я.

— Ты не узнала этого проходимца? — изумился Ольтен. — Того мерзавца, который... Которого мы встретили рядом с усадьбой старого Ривера? Он всю зиму околачивался в замке короны, как неотлучная тень своего хозяина!

— Я еще не представлена при дворе, — напомнила я.

— Его зовут Гартас, — принц с отвращением скривился. — Он командует одной из сотен кофийцев, явившихся с Тараксом из Хоршемиша.

— Вот как? — медленно произнесла я, соображая. — Следует ли из этого, что его светлость Таракс Эльсдорф имеет непосредственное отношение к событиям минувшей ночи? Или его подчиненный действовал, так сказать, по собственному почину и следуя своим убеждениям?

— Какое дело кофийскому наемнику до немецкого дележа власти? — ответил вопросом на вопрос Ольтен. — Признаться, я сомневаюсь, чтобы Гартас решил покинуть своего благодетеля и отправиться на улицы Бельверуса, чтобы примкнуть к бунту городской черни?

— В таком случае я бы спросила: был ли вообще мятеж?

Принц и я посмотрели друг на друга.

— Ты очень похожа на свою матушку, Рингу Эрле, — вдруг сказал Ольтен.

— Спасибо... — я растерялась.

— Я хочу сказать, что ты тоже умеешь задавать неожиданные вопросы. — Ольтен слез с паперти и протянул мне руку. — Если у вас нет

иных планов, то разрешите пригласить вас на утреннюю прогулку по Бельверусу?

— Куда пойдем гулять, ваша милость?

— К владениям торгового дома «Игдир, Мошель и Компаньоны». Надеюсь, там нас не сочтут живыми мертвецами.

...Двухэтажное впечатляющее здание из красного и серого камня располагалось в самом центре квартала Алмель, считавшегося вотчиной богатых купцов, поставщиков двора Его величества и самых крупных ростовщических контор, из чего я заключила, что «Игдир и Компания» — заведение солидное и процветающее.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что пока не привлекли ненужного внимания, мы перебежали улицу, юркнули во двор и постучались в менее помпезную железную дверцу. Стучать пришлось долго, пока внутри не донесся осторожный вопрос:

— Кто там? Мы закрыты!

Ольтен на миг опешил, потом здраво рассудил, что сейчас не время показывать гонор, требуя уважения к представителю королевской фамилии, и негромко ответил:

— Позови господина Игдира! Скажи, что пришел... пришли из дворца.

Дверь беззвучно распахнулась.

— Ваша милость? — донесся из ароматного полусумрака пришептывающий голос с акцентом коренного уроженца Заморы. — Что же вы стоите? Входите! Госпожа, вы тоже!

И мы вошли.

Глава третья

Записки Долианы, баронессы Эрде — II.
«Железная шкатулка»

Бельверус, Немедия.
18 день Первой весенней луны.

бщественное мнение, как мне не раз говорили и как я недавно выяснила на собственном опыте — жутковатая вещь. Оно может вас погубить и может вознести на вершину жизненного успеха. Главное, чтобы при каких-либо необычных обстоятельствах на вас обратили внимание и запомнили.

Что самое досадное, мне самой даже не пришлось почти ничего делать. Я с чистой совестью воспользовалась готовым — создавшейся за двадцать лет жутковатой репутацией семьи Эрде. И теперь в крохотной свите принца Ольтена Эльсдорфа мне отведена почетная роль создательни-

цы планов на будущее и придворной предсказательницы.

— Дана, ты среди нас самая умная! — непрекаемо отверг Ольтен мои робкие возражения. — В конце концов, ты дочь Морадина Эрде, знашего о Немедии и ее жителях все! Мы будем добывать для тебя сведения, а ты решишь, как быть дальше!

«Знала бы, что жизнь обернется такой стороной, читала бы большие книги про лазутчиков и историю политики, а не об изящных искусствах и правилах куртуазии, — мрачно подумала я. — Теперь ничего не поделась. Как выражаются простолюдины, попала собака в колесо — пиши, да беги. Как бы потактичнее объяснить месьору Ольтена, что он возлагает на меня слишком большие надежды? Я — не мой отец и не в силах вернуть ему трон...»

Первые новости о переменах в столице Немедии мы получили вечером семнадцатого дня Первой весенней луны вместе с роскошным обедом за счет торгового дома «Игдир, Мошиль и Компаньоны». Выслушав, мы с его милостью Ольтеном дружно положили серебряные вилочки и скорбно уставились друг на друга, как две трепещущие серны, пораженные безжалостными стрелами охотников в самое сердце.

Почтеннейший господин Игдир Таубате, замориц до мозга костей, сплетник и давний знакомый принца, растерянно переводил взгляд то на его светлость, то на меня. Настал тот редчайший случай, когда месьор Игдир не нашел под-

ходящих слов или счел, что любое выражения сочувствия прозвучит фальшиво.

Ольтен потянулся за бокалом, едва не выронил его, и с траурным видом провозгласил:

— Вечная память Эльсдорфам Немедийским!

Мы чокнулись. Краешки золотых чащ соприкоснулись, зазвенев, точно погребальные колокола. Меня разобрал истерический смех, и я чуть не выплеснула вино на дорогую льняную скатерть.

— Зря вы так, ваша милость,— серьезно заметил господин Таубате.— Может, все еще образуется...

Образуется, как же!

Законных потомков Нимеда больше не существовало, о чём кричали герольды на всех перекрестках, сужа от имени властей неминуемое возмездие уличенным виновникам гибели королевской семьи. В городе заправлял наскоро состряпанный триумвиат в составе его светлости канцлера Эрдрика Грея, заодно исполняющего обязанности регента, королевского казначея Сагаро и военного протектора, небезызвестного Тараска Кофийца.

Бельверус наводнен разнообразными войсками, как старая мельница крысами, гвардейские патрули торчат на всех перекрестках и бодро маршируют по улицам, горожане попятались по домам, лавки закрыты, рынки почти не работают, выезд из города разрешен только по предъявлению бумаг с печатью его высочества принца Тараска.

Одним словом — осадное положение во всей его неприглядности и вытекающими безрадостными последствиями.

— Вопрос в том, известно ли Тараску, что мы живы? — этими словами принц на следующее утро открыл наш великий совет, посвященный одной немаловажной задаче — что же предпринять?

— Будем предполагать худшее,— бодро откликнулась я.— Его милости Тараску доложили о том, что принц Ольтен ушел и скрылся. Возможно, его известили и о том, что наследница Эrade тоже живехонька и свободно разгуливает по столице. Господин протектор благоразумно лишил нас возможности покинуть город: стража любых ворот непременно задержит подозрительных путников. Мы также не сможем всю жизнь прятаться у наших гостеприимных хозяев, подвергая их опасности. Малейшая оплошность — и они разделят нашу печальную участь. Значит...

— Значит,— подхватил Ольтен,— нам придется временно исчезнуть из Бельверуса. Только как? И куда мы направимся? В Аквилонию?

— Почему именно в Аквилонию? — уточнила я. Ольтен невесело хмыкнул:

— Я имею несколько сомнительную честь считаться дружественным союзником нынешнего владельца трона Льва. Надеюсь, он не откажет если не в военной помощи, то хотя бы в укрытии.

— В Аквилонию нам, скорее всего, попасть не удастся,— я покачала головой.— Может, мы и

придумаем надежный способ незаметно улизнуть из города, но я совершенно не представляю, как миновать границу. Лезть через Немейские горы? Тогда уж лучше бежать в Офир — он, как-никак, поближе. И какой смысл в бегстве? Так и будем прятаться от ищеек Тараска? Мы не нужны Кофийцу живыми.

— Предложи что-нибудь получше! — сердито огрызнулся принц.

Я задумалась, соображая, как поступили бы отец и матушка, окажись они в подобной ситуации. Ответ напрашивался всего один: рискованный и чреватый серьезными последствиями. Самостоятельно мы вряд ли справимся. Нужно обращаться за помощью. Только к кому?

— Кому мы можем доверять? — вслух спросила я. — Для начала — господину Таубате и его служащим, пока наши действия не угрожают благополучию их торгового дома. Любые попытки обратиться к знакомым из замка короны кажутся мне опасными — мы не знаем, кто сохранил верность дому Эльсдорфов, а кто перешел на сторону Тараска. Нужен кто-то посторонний... Монброн!

Когда я вспомнила это имя, мне показалось — все встало на свои места. Вот к кому нужно обратиться! У него есть обширные связи, и он наверняка заинтересован в том, чтобы оказать поддержку последнему из Эльсдорфов и последней из Эрде!

— Кто такой Монброн? — заинтересованно уточнил Ольтен.

— Маэль из рода Монбронов Танасульских, аквилонский лазутчик в Немедии, — честно ответила я. — Посланец из Тарантии к моему отцу. Конечно, нам бы очень пригодились хотя бы двое-трое опытных служащих Вертрауэна...

— Как ты собираешься разыскать месьюра шпиона? — перебил мои разглагольствования принц.

— Я знаю, где он живет. И пошлю ему записочку. Вот такую, — я придвинула к себе чистый лист и чернильницу, поразмыслила, выбирая подходящие слова, и решительно начертала:

«Если хотите продолжить познавательную беседу о красном сиянии, следуйте за подателем сего. Приводите своего дядюшку — ему наверняка будет интересно».

— Это какой-то условный знак? — Ольтен с вежливым любопытством обозрел мое краткое послание. — Можно узнать, что за красное сияние имеется в виду?

— Потом! — непререкаемо отрезала я, складывая пергамент вчетверо. Подписываться не рискнула, надеясь, что Маэль столь же сообразителен, как пытается казаться, и догадается, с кем он недавно рассуждал на столь загадочную тему и при чем тут его «дядюшка» — старший родственник, которого месьор Монброн отчего-то полагает бессмертным.

Печать на свертке я с некоторым душевным трепетом поставила свою, доставшуюся в наследство от матери — силуэт летучей мыши над горами. Теперь мне требовался посланец, незамет-

ный, быстроногий и хорошо знающий столицу Немедии. Вопрос в том, могу ли я злоупотребить любезностью нашего хозяина, господина Таубате и имеется ли среди его подчиненных такой полезный человек?

Выяснилось, что имеется. Мало того, мы мельком видели сию личность на вчерашнем обеде, а нынешним утром я столкнулась с ним, когда рискнула выглянуть из комнаты и поближе ознакомиться с жизнью торгового дома «Игдир и Компаньоны». Я обнаружила, что двухэтажное строение выстроено на турецкий лад, с маленьким двориком в центре, что ювелирная лавка открыта и в ней даже имеются какие-то покупатели, и что в крохотном пруду посреди внутреннего двора плавают радужные рыбки. На берегу искусственного озерца сидел некий молодой человек, с любопытством уставившийся на мою потрепанную персону, и кормил рыбок какими-то малопривлекательными на вид насекомыми, вроде сушеных акрид.

Поскольку мне чрезвычайно хотелось знать, куда меня занесла судьба, а незнакомец выглядел дружелюбным и словоохотливым, я тоже присела на мраморный парапет озерца и попыталась завести светскую беседу. Как ни странно, у меня получилось.

Так я свела знакомство с отпрыском одного из загадочных «компаньонов» месьора Таубате — с Ларном Шеламом, восемнадцати лет от роду, заморицем по происхождению и корсунским шализарцем по образу мыслей. Он впервые пребы-

вал так далеко от дома, отец (компаньон месьора Игдира, некий Ши Шелам) тщавил его в Немедию набираться знаний и опыта, учиться вести дела и заключать торговые сделки, его чрезвычайно интересовал Бельверус и творящиеся в нем необычайности, от которых захватывало дух... Поболтать нам удалось недолго, ибо с верхней галереи донесся чей-то сердитый окрик, и Ларн, многословно извившись, убежал.

А теперь мне предстояло именно ему доверить послание! Месьор Игдир сварливо утверждал, что мальчишка, вместо того, чтобы продолжать семейное дело, мается дурью и шляется по городу, сводя знакомство со всей возможной голышью. Если благородным господам угодно, этому юному шалопаю предоставят единственный случай доказать свою полезность. Одна нога здесь — другая там! И слушай внимательно, что говорит госпожа Эрде!

Мои наставления звучали предельно просто: добраться до улицы Гвоздик, разыскать на ней лавку менялы Реймена Венса, узнать, дома ли постоялец, аквилонский дворянин Монброн и передать лично ему в руки вот это послание. Затем привести месьора Монброна...

Я задумалась: устроить встречу здесь или в каком-нибудь ином месте? Боязно покидать только-только обретенное убежище, но не навлечем ли мы на хозяев каких-либо неприятностей, приглашая сюда подозрительных гостей?

Меня заверили, что бедствий не последует. Если месьору Ольтену и его спутнице нужно с

кем-то увидеться, то устроить это проще простого: приглашенные войдут в лавку, походят вдоль прилавков, прицениваясь к разложенным драгоценным изделиям, а потом их незаметно проведут внутрь дома. Быстро и незаметно, уже не раз проделывалось.

— Значит, приведешь его милость Монброна сюда, — рассудила я. — Возможно, по дороге ему понадобится зайти еще куда-нибудь, чтобы разыскать своего родственника, которого мне тоже хотелось бы повидать. Только постараися не упоминать никаких имен и не говорить, кто тебя прислал. В письме все сказано.

Ларн кивнул, заверил, что он все понял, будет осторожен и не станет выискивать на свою голову излишних приключений, после чего удалился.

Оставалось набраться терпения и ждать.

* * *

К вечеру я напомнила себе взвешенную арбалетную тетиву, готовую вот-вот лопнуть от скопившегося в ней напряжения. Я бродила по обширному дому, совершенно бессмысленно и напрасно поцапалась с принцем Ольтеном, неосмотрительно брякнув какую-то гадость. Его милость сделал вид, что ничуть не задет, я немедленно принялась упрекать себя в душевной черствости, и в результате мы в течение колокола или двух многословно изливали друг другу свои терзания и переживания. Это оказалось не на-

прасным — мы оба несколько успокоились, но зато теперь мое непомерно развившееся воображение с готовностью принялось рисовать картины, одна другой страшнее. Вдруг Монброна давным-давно схватили люди из Королевского кабинета? Или он погиб во время мятежа? Вдруг Ларн угодил в облаву, проводимую городскими стражниками? Или благополучно добрался до улицы Гвоздик, где узнал, что у месьора Венса никогда не проживал человек по имени Маэль Монброн? Вдруг Монброн, опасаясь за свою безопасность, не захочет идти на встречу? Или не поймет моих намеков? Не догадается, от кого послание?

— Дана, перестань изводиться, — в который раз повторил принц Ольтен, созерцая мое постепенное превращение из человека в сущий комок сплюснутых переживаний. — Бельверус — огромный город, найти в нем человека не так-то просто. Они обязательно придут.

Его высочество был кругом прав, а я почувствовала себя вздорной дурочкой.

Монброн явился почти к самому наступлению сумерек. Его сопровождал вполне целый и невредимый Ларн, а также неизвестный мне молодой человек, за которым следовала большая рыжая собака кофийской бойцовой породы. Ларн провел их в лавку и помчался извещать меня с Ольтеном.

— Долиана! — обрадованно возопил Маэль, не входя, но врывааясь в небольшую комнату, щедро предоставленную нам месьором Игдиром для

встречи с гостями.— Госпожа Долиана! Живая! Ты их провела и сбежала! Я так и знал! Какая ты умница!

Я даже подходящих слов подобрать не успела, когда меня в нарушение всех правил этикета и вежливости сгребли в охапку, без труда оторвали от пола и немножко потрясли в воздухе. Жалобный сдавленный писк, испускаемый мною, означал, что я чрезвычайно счастлива видеть месьора Маэля, но предпочла бы какое-нибудь иное, не столь ряное выражение радости по поводу моего спасения. Хотя, говоря по правде, легко услышать, что за тебя всерьез беспокоились и кто-то полагает тебя умницей. И вдобавок... как бы сказать... в общем, обниматься с кем-нибудь наподобие Маэля Монброна весьма приятно. Хотя он наверняка в глубине души полагает меня любимой младшей сестрицей, которую необходимо оберегать от посторонних мужчин и злых собак.

Интересно, почему его светлость Ольтен кривит столь недовольную физиономию? Неужто принц вообразил себя защитником чести и достоинства невинной девицы Эрде?

Незнакомец, пришедший с Маэлем, остановился на пороге, подпирая дверь плечом. Несомненное фамильное сходство между ним и Монброном прослеживалось без труда, только гость уродился чуть повыше и поуже в плечах. Вызывающие яркий наряд алых, синих и оранжевых цветов, прямые каштановые волосы до плеч, прищуренные зеленоватые глаза, выражение ли-

ца донельзя пресыщенного удовольствиями и безумно скучающего наследника богатого семейства. Выглядит постарше Монброна лет на пять и более потрепанным жизнью. Я (может быть, совершенно безосновательно) сочла этого человека умным и крайне опасным.

Маэль наконец догадался вернуть меня на пол и представить своего спутника:

— Госпожа Долиана, это и есть Райан Монброн, наше семейное проклятие. Вкупе с прилагающейся к нему Чинкуэдой,— он ткнул пальцем в собаку. Та любезно помахала мне обрубком хвоста.

Я вспомнила о заученных хороших манерах, коротко поклонилась на военный лад — совершенно неподходящая для юной дамы привычка, перенятая от Вестри и его приятелей — назвавшись:

— Баронесса Долиана Эрде. И... И его высочество Ольтен Эльсдорф.

Молодые люди уставились на стоявшего подле узкого окна наследника Нимеда с одинаковым недоверием и подозрительностью. Маэль отвесил положенный поклон, нахмурился, обдумывая что-то, и, подтвердив мое мнение о его сообразительности, осторожно спросил:

— Тарак знает?

— Дана склонна полагать, что знает,— коротко отозвался принц, внимательно рассматривая обоих представителей старинной аквилонской фамилии и жестом приглашая их располагаться за накрытым столом.

— Прошу прощения, вы намерены и дальше отсиживаться здесь? — деловито поинтересовался Монброн-младший.

— Поэтому я... поэтому мы хотели побеседовать с вами,— я отважилась направить разговор в нужное мне русло.— По убеждению обитателей коронного замка и горожан нас больше не существует. Мы — никто. Но Таракс наверняка не оставит попытку разыскать нас, ибо мы...

— Угли под золой, которые могут вспыхнуть в самый неподходящий момент,— вполголоса проговорил старший из рода Монбронов, найдя очень точное определение.— Таракс никогда не будет спокоен, покуда не убедится, что вы умерли.

— Да,— нехотя согласилась я. Покосилась на принца, тот кивнул, предоставляя мне право и дальше вести беседу. Я вздохнула, набираясь храбрости: — Мы не можем оставаться в городе. Однако бегство тоже представляется позором. Неужели мы с такой легкостью отадим Таракску то, что ему никогда не принадлежало и не может принадлежать?

— Смелое заявление,— с прохладцей заметил Райан Монброн, но этим пока и ограничился. Я начала догадываться, почему Маэль столь нелюбезно зовет своего старшего родича «семейным проклятием».— Что ты предлагаешь, госпожа Долиана?

— Проникнуть во дворец,— с легким замириением сердца ответила я. Ольтен подошел и встал позади моего кресла. Мысленно я поблаго-

дарила его за поддержку.— Восстановить справедливость.

— Вдвоем? — Райан смерил нас таким взглядом, будто увидел редкостного уродца, вроде щестиногой лошади или крылатой собаки.— Ах да, забыл моего склонного к безумным авантюрам потомка. Хорошо, втроем. Полагаете, ради вас ворота коронного замка распахнут настежь? И месьор Таракс выйдет на встречу, посыпая голову пеплом и причитая, как он был не прав? Власть, милая моя, захватывают не для того, чтобы ее отдавать первому встречному. Пусть даже законному принцу крови. Не считите за дерзость, ваше высочество.

Маэль возвел глаза к потолку и прошипел:

— Райан, я тебя когда-нибудь прирежу!

— Ты мне тоже очень нравишься,— безмятежно отозвался старший из Монбронов.— Господа, давайте называть вещи своими именами. Если вы намерены устроить во дворце охоту на Таракса, я сразу заявляю, что не собираюсь принимать в этом участия.

Принц дернула углом рта, явно собираясь сказать нечто, не слишком лестное для аквилонцев, но сдержался. Маэль сосредоточенно что-то обдумывал и, наконец, проговорил:

— Тогда как насчет охоты за источником красного сияния?

— Что? — вырвалось одновременно у Райана, Ольтена и меня. Маэль хитро посмотрел на нас, убедился, что мы достаточно заинтригованы, и неспешно заговорил:

— Попасть во дворец не так сложно, как кажется. Мне посчастливилось — вчера я свел знакомство с месьюром Тараком и дамой его сердца, некоей прекрасной варваркой по имени Зенобия Сольскель из Пограничья.

— С Дженной, что ли? — удивленно переспросил принц.

— Именно с ней, — подтвердил аквилонец. — Мало того, у меня теперь имеется законное право навещать сию девицу, — он с гордостью предъявил нам кусочек темного дерева, украшенный выжженной нордхеймской руной «Райда», сиречь «Дорога». — Этим правом я воспользовался не дарее, как сегодня днем. И узнал многое прелюбопытных вещей.

— Я всегда догадывался, что Дженна куда хитрее и проницательнее, чем о ней думают, — пробормотал себе под нос Ольтен. Моего мнения не спрашивали, а то я бы непременно согласилась.

— Во-первых, Дженна убеждена: за недавним мятежом стоят Тарак и приведенные им в Немедию кофийцы, — начал перечислять свои открытия Маэль. — Она, конечно, не намерена повторять свои слова под присягой, однако ее уверенность говорит сама за себя. Во-вторых, Дженна выяснила, что в союзниках Тарака ходит некое загадочное создание, величающее себя «ксальтотуном». Оно обладает изрядными навыками в колдовстве и, кажется, имеет большое влияние на его милость. В-третьих, среди охранников госпожи Зенобии имеются представители народа

оборотней Пограничья, острее людей, чувствующие присутствие магии. С начала зимы эти оборотни, которые в жизни ничем не болели, начали хором жаловаться на постоянные недомогания и утверждать, что поблизости действует чужеродное колдовство. Какой-то даже вернулся обратно на родину — не смог больше терпеть. В ночь мятежа один из оборотней умер, как я понял, от разрыва сердца. Да, и в-четвертых. Дженна настоятельно советовала мне поскорее отыскать наследницу семьи Эрде и вывести ее из города.

— С чего бы вдруг такая забота? — недоуменно спросила я. — И что означает «ксальтотун»?

— Искаженное словечко альбийского наречия, перенятое магами Кхарии и позже — Стигии, — немедленно отозвался Райан. — Приблизительный перевод — «Управляющий течением времен». Так принято именовать магов очень высокого уровня, способных позволить себе такую роскошь, как право на самостоятельные поступки и независимость от своих гильдий наподобие Черного Круга, Белой Ладони или Алого Пламени Равновесия. Существующих ныне ксальтотунов можно перечислить по пальцам одной руки. Лично мне известны двое: один уже лет сорок безвылазно торчит в Гхазе Шемской, а другой... По происхождению стигиец, но вроде как давно порвал с Кругом Птейона. Нергал его знает, где он сейчас может шляться.

Мы посмотрели на Райана с невольным уважением. Я вспомнила, что Маэль называл своего

старшего сородича волшебником — вернее, не волшебником, а магом. Большая разница в понятиях — и поежилась. Может, дождаться благоприятного случая и попытаться обиняками расспросить, с чем могут быть связаны мои странные видения — трепещущие красные нити и незримый багровый плащ?

— Ксалльтотун, не скрывающий своего звания и пребывающий в фаворе у Таракса... — Райан, похоже, забыл о нашем существовании и рассуждал с единственным собеседником, которого он признавал достойным, то есть сам с собой. — Там же околачиваются заносчивая бездарность по имени Аррас Кийяр и заискивающая бездарность, Ораст Кофиец. Добавим чужеродное колдовство, которое наверняка имеет самое прямое отношение к алому пламени в небесах над Бельверусом... — он оборвал непокоящие для нас рассуждения и резко повернулся к Маэлю: — Потомок, тебе и твоим приятелям крупно повезло. В кой веки вам удалось меня заинтриговать. Хотя я продолжаю считать вашу идею безумией, я иду с вами. Но не сегодня. Сейчас проще сунуть руку в садок со змеями и надеяться, что уцелешь, чем пытаться навестить королевский замок. Одного человека, может, и пропустят, но четырех? Нужно подождать, пока уляжется пыль. И имейте в виду, господа заговорщики — а вы теперь самые что ни на есть настоящие заговорщики! — никогда нельзя рассчитывать на благополучный исход вашей затеи. Постарайтесь обеспечить себе надежный способ улизнуть из-под

бдительного ока властей. Если ваш замысел осуществится — отлично. А если нет? Или вы намерены героически пасть, оставив трон милейшему Тараксу?

Ольтен отчетливо скрипнул зубами, однако промолчал. Райан говорил истинную правду. Ко-ли мы безрассудно вознамерились бросить вызов человеку, которого твердо считали узурпатором, нужно подготовиться как следует.

20 день Первой Весенней луны.

Наше с Ольтеном безумие, наверное, оказалось заразительным. Почему-то никто не решился задать нам ни единого вопроса, возразить или сказать, что наше предприятие заранее обречено на неудачу. Наоборот, все с готовностью бросились помогать. Поскольку ни у меня, ни у принца, ни у Маэля не имелось никакого опыта устроения переворотов, мы решили не усложнять задачу и постараться обойтись как можно меньшим числом соучастников. Маэль переговорил со своим знакомым из числа гвардейцев, несущих стражу в замке короны, неким графом Эдмаром Крейном, открыв ему парочку разнюханных нами дворцовых секретов. Итогом их бесед стало то, что месьор Крейн проклял Таракса и всех кофийцев, вместе взятых, и решил лично обеспечить нам незаметное проникновение во дворец. Нам даже не понадобится ссылаться на Зенобию — уж кому, а дворцовой страже навер-

няка известен тысяча и один способ провести в замок своего человека.

Что будет потом — мы старались не задумываться.

Затем я села, приказала совести умолкнуть и написала еще одно письмо, доставленное по назначению безотказным Ларном Шеламом, добровольно принявшим на себя должность вестника. Письмо отправилось к Целлигам — Цинтии и ее батюшке Хэлкарсу, который, несмотря на почтенный возраст, оставался редкостным сорвиголовой. Семейство Целлиг, любовно пестовавшее любую авантюру, радостно ухватилось за представившуюся возможность насыпать соли на хвост его милости Тараксу Эльсдорфу. Баронесса Лия Целлиг, собиравшаяся по весне навестить родовое имение, расположенное где-то в краю Соленых озер, бралась захватить вместе с дочкой и сыном Маэлья Монброна — под видом слуги или родственника, как получится.

Маэль, выбравшись из города, немедля повернет коня в сторону Заката и аквилонской границы. Он утверждал, что сможет, пользуясь бумагами посольства и собственными возможностями, пересечь границу и добраться до Тарантии. Там он известит короля и свое начальство о творящихся в Немедии делах, а потом...

— Потом я обязательно вернусь! — упрямо заявил он. — И присоединюсь к вам!

— Если мы к тому времени не будем болтаться на виселице за провалившуюся попытку убийства немедийского протектора или прятаться в

каком-нибудь захолустье от его ищек, — напомнила я. — Маэль, не стоит рисковать без необходимости.

— Риск — это мое ремесло, — чуть высокопарно ответил Маэль и тут же украдкой фыркнул. — Госпожа Дана, я себе никогда не прошу, если брошу так замечательно начавшееся дело на полпути! — тут он сообразил, что «замечательное дело» обернулось для меня гибелью семьи и торопливо отвел глаза. Я сделала вид, будто ничего не заметила. Верный союзник и преданный друг — можно ли требовать от судьбы большего?

Для меня с Ольтеном тоже готовили лазейки к отступлению. Месьор Игдир деловито известил нас, что в ближайшие два-три дня столицу покинет очередной караван, направляющийся по Дороге Королей в Замору. Его милость и благородная госпожа вполне могут отправиться вместе с ним. Повозки, конечно, будут досмотрены, однако служащие таможни могут сколько угодно перетряхивать аквилонские ковры и вытаскивать днища фургонов. Они не найдут никого и ничего.

— Нас сложат вчетверо, запихают в сундук и засыплют сверху россыпью оифирских побрякушек? — с наивным видом спросила я у принца. Ольтен через силу улыбнулся:

— Вроде того.

Посовещавшись, мы выбрали подходящее время — ночь с двадцать четвертого на двадцать пятый день Первой весенней луны. На двадцать

пятое назначено погребение Нимеда и его сыновей, хоронить их будут в фамильной усыпальнице, что находится в замке Эльсдорф, в двадцати лигах к восходу от Бельверуса. Согласно традициям, траурная процессия выедет из дворца, проследует по главным городской улице, выедет из города и отправится к усыпальнице. Следовательно, в замке короны будут вестись приготовления к последнему торжественному выходу короля Нимеда, туда съедется уйма участников шествия, состоится поминальный пир, и в этой суматохе проще простого затеряться нескольким подозрительным типам, не получавшим приглашения. Имелась и личная причина выбрать именно этот день — Ольтен непременно хотел проститься с отцом и братьями. Другой подходящий случай ему бы вряд ли представился.

Райан Монброн упорно продолжал именовать нашу затею чистой воды авантюрий, состряпанной кучкой взбалмошных детишек, но отказываться от ночного визита во дворец не собирался. После вдумчивого размышления я решила не рассказывать ему о своем внезапно открывшемся «внутреннем зрении». Побоялась оказаться вежливо высмеянной и услышать, что мне все-таки-навсегда примерещилось, из-за сильного возбуждения и страха. Может, потом как-нибудь расскажу. Или пороюсь в библиотеках и сама найду ответ. Старший родственник Маэля совершенно не показался мне тем, которого я бы хотела видеть в числе своих друзей. Крайне высокомерный и самолюбивый тип. Не знаю, какая из него

волшебник, не исключено, очень даже знающий и умелый, но как человек он во многом оставляет желать лучшего.

25 день Первой весенней луны.

В замке короны мы оказались под утро, незадолго до рассвета. Бельверусский дворец отчего-то производил на редкость удручающее впечатление — притихший, почти безлюдный и настороженный. Поневоле хотелось ступать на цыпочках и разговаривать шепотом.

Граф Крейн, капитан королевской гвардии, поджидал нас на маленькой компании подле малозаметных хозяйственных ворот и не дал нам никакой возможности оглядеться по сторонам — быстро потащил за собой через запутанные коридоры, пустующие залы и гулкие амфилады. Я даже рассмотреть нашего проводника толком не успела, пока мы не остановились в какой-то проходной комнате, завешанной потемневшими от времени шпалерами, чтобы обсудить дальнейшие действия. Тут я взгляделась и беззвучно присвистнула — такого красавчика, как Крейн, еще поискать. Цинтия про подобные образчики мужского пола говорит: «Рождены на погибель бедным женщинам», и говорит совершенно правильно.

Само собой, Долиане Эрде в грядущем действе отводилась самая незначительная роль. Диву даюсь, как Ольтен и Монброн вообще согласи-

лись взять с собой девицу. Очевидно, мне опять послужила наина самоуверенная непредусмотрительность: все привыкли, что я постоянно околачиваюсь под ногами.

На проведенном вполголоса совете решили, кому куда идти -- Ольтен в сопровождении Эдмара сейчас отправится в зал, где находятся тела почившего короля, его сыновей и их домочадцев. Крайн сообщил, что там лежит и принцесса Кариола. Ее тело отыскали на улице. Труп младшего из сыновей короля якобы до того обгорел, что пришлось зашить его в саван, дабы не оскорблять взоров благородного общества, явившегося на церемонию отдачи последних почестей Нимеду Эльсдорфу и его безвременно погибшим отпрыскам.

Монбронам и мне надлежало затаиться и ждать возвращения принца, но, стоило Ольтену и его спутнику исчезнуть с глаз долой, как аквилоны немедля принялись ворчать друг на друга, словно пара собравшихся подраться псов. Райан Монброн утверждал, будто чувствует находящийся поблизости источник странной, совершенно незнакомой ему магии. Он желал неизменно взглянуть на этот источник поближе. Его младший сородич вполне разумно возражал, что никто из нас не знает переходов замка и мы в любой миг можем наскочить на прислугу или охрану, которая немедля заподозрит недадное. Здравые предостережения канули втуне. Потому что я тоже, пусть и опасливо, присоединилась к Райану.

Понятия не имею, что он там почуял своим колдовским нюхом, а я отчетливо ощущала присутствие за стенами какого-то переливающегося, манящего света. Наверное, именно так зачарованные ночные мотыльки летят на огонь, догадываясь, что им предстоит сгореть, но не в силах устоять против желания увидеть это сверкающее великолепие вблизи.

В общем, мы на два голоса убедили Маэля, что ничем не рискуем. Будем крайне осторожны, только глянем на эту подозрительную вещицу и сразу вернемся обратно. Монброн-младший скрипялся, словно от зубной боли, и вынужденно согласился.

В дверях Райан поймал меня за рукав, подтащил к себе и, почти ткнувшись в ухо, прошипел:

— Только не вздумай отнекиваться, будто тебя грызет простое любопытство! Ты слышишь его зов? Между прочим, ты кто?

— Долиана Эрде, -- недоуменно сказала я. Аквилонец раздраженно отмахнулся:

— Я не это имею в виду! Уж прости, но ты такой же человек, как я — пташка соловей. Прослушай, сейчас не до сохранения фамильных тайн! Маэль наверняка разболтал, что его спящий сородич умудрился обхитрить смерть? Так вот, он говорил правду от первого до последнего слова. И я знаю, что ты, маленькая баронесса Эрде, имеешь самое касательное отношение к человеческому роду. Ты не оборотень Пограничья, в тебе есть нечто от подгорных дверей и еще от кого-то...

— Не знаю, о чём ты говоришь, — отрезала я. Не хватало, чтобы всякие заезжие магики копались в моей родословной, когда я сама в ней с трудом разбираюсь!

Притягивавший нас Зов стал сильнее. Мы юркнули в узкий коридор, волоча за собой упрямившегося Маэля, переждали, когда мимо пройдет обходивший дворец гвардейский караул, ткнулись в какую-то дверь, на наше счастье, стоявшую открытой, и угодили в небольшую комнату, в обстановке которой преобладали книжные шкафы. Райан завертелся на одном месте, как гончая, потерявшая след, и внезапно схватился руками за голову, стиснув виски.

— Сно где-то здесь... — яростно и маловразумительно бормотал он, раскачиваясь из стороны в сторону. — У меня голова раскалывается на части! Долиана, найди эту дрянь!

Монброн-младший, занявший пост у дверей в коридор, нервно крутил головой и всячески требовал, чтобы мы побыстрее исчезали отсюда.

Никаких головных болей я не испытывала, зато перед моими глазами непрерывно мерцали алые и бледно-розовые вспышки. Я точно знала, откуда они идут — из верхнего ящика вон того шкафчика для бумаг, словно там полыхает беззвучное холодное пламя.

Поэтому я просто подошла, рывком открыла ящик и осмотрела его содержимое. Толстая книга в потрепанном синем переплете, тетрадь из сшитых вместе пергаментных листов, заполненных размашистым, быстрым почерком... и ото-

двинутая в дальний угол шкатулка. Очень изящная вещица — выкованная не из золота или серебра, но из синеватой оружейной стали. На крышке возлежала змейка с высоко поднятой головкой.

Я выдохнула, протянула руки (почти не дрожавшие!) и достала шкатулку. Осторожно поставила ее на стол. Маэль одним глазом следил за мной, другим сквозь щель между створок озирал коридор. Райан тяжело присел в подвернувшееся кресло и требовательно прохрипел:

— Открывай!

Глаза у него были — как у кота, углядевшего оставленный без присмотра аппетитный кусочек мяса и вознамерившегося его съянуть.

В шкатулке лежал... лежало... сначала я увидала дрожащий алый отблеск, словно пробивающийся сквозь толщу воды или мутное стекло. Потом рассмотрела остальное: удивительной прозрачности кристалл пурпурно-багряного цвета, размером с мою ладонь, ограненный в той форме, что зовется «плоской розой», и заключенный в золотую оправу в виде свившегося в кольцо дракончика, кусающего себя за хвост.

На кончике драконьего хвоста имелась крохотная петля, в которую продевалась цепочка. Тогда эту вещь можно было повесить себе на шею, правда, для украшения она выглядела тяжеловатой.

Иштар Милосердная, да что это такое?!

Я поморгала и боязливо дотронулась до камня кончиком указательного пальца.

Он отозвался беззвучным проблеском малиновых искр, вспыхнувших в его хрустальных недрах, и еле слышным перезвоном. Монброн-старший, сумевший оторваться от кресла, заглянул через мое плечо и отчетливо выговорил:

— Провалиться мне на этом месте... А я-то думал...

Маэль, привлеченный видом содержимого железной шкатулки, подошел к нам и зачарованно уставился на красный камень.

В коридоре раздались стремительно приближающиеся шаги. Мы вздрогнули, точно сбрасывая оцепенение и вспомнив, зачем мы сюда пришли.

Монброн-младший кинулся к дверце, через которую мы проникли в комнату, потянув меня за собой, я вцепилась в шкатулку, Райан что-то крикнул...

Наша компания увеличилась на одного человека, с треском распахнувшего створки.

Я говорю «человека», хотя не слишком уверена в истинности этого определения. В дверях возвышалось нечто закутанное в алю, переливающуюся мантию, с лицом, спрятанным за маской в виде араконьей морды. В первый миг я, опешив, приняла вычурную маску за настоящее лицо и поперхнулась воплем. Во второй — отчетливо поняла, что дела наши крайне плохи, ибо явился владелец Камня, готовый покарать незадачливых воришек, осмелившихся покуситься на его собственность так, что смерть па колу покажется избавлением.

Маэль, потянувшись за мечом, глохо вскрикнул и отлетел к стене. Словно его отшвырнули в сторону сильнейшим ударом. Райан вскинул руки, переплетая пальцы в каком-то замысловатом жесте, я даже сумела заметить бледное голубоватое сияние, окутавшее его ладони. Может, ему и удалось бы нас защитить, но, похоже, он встретил серьезного и более умелого противника — Монброн-старший попятился, скалясь и отчаянно тряся головой. О боги, это, наверное, и есть тот самый ксальтотун, о котором говорила Дженна! Нас ведь предупреждали, но мы все пропустили мимо ушей и сами полезли в пасть зверю!

Я опять осталась одна. Воистину, я рождена, чтобы быть преследуемой постоянными неудачами!

Правда, у меня оставался Камень. Я сделала первое, что пришло на ум — выхватила его из шкатулки, стиснула в руке и зажмурилась, ожидая неизбежного колдовского удара, который испеплит мои бедные мозги, а меня саму превратит в тихое и безобидное существо, вроде болотной жабы. Любой бы сообразил, что мы позарились на сокровище какого-то мага, а такие попытки не прощаются.

Мгновения шли, со мной ничего не происходило. Только в пальцах, сжимавших Камень, слегка покалывало. Я рискнула приоткрыть сначала один глаз, потом другой.

Существо в красном застыло в дверях, наклонившись, будто пыталось идти против сильного ветра и не могло преодолеть упругой невидимой

стены. Алый камень слегка поблескивал, внутри него дрожащим белым пламенем горела отчетливо различимая многолучевая звездочка. Я бездумно пересчитала лучи — ровно восемь штук. Огляделась, ища моих сопровождающих: Маэль пришел в себя, сгреб за плечо нетвердо стоявшего на ногах родича и отчаянно жестикулировал, показывая мне в сторону спасительной двери. Правильно, пора бежать. Кажется, месьору Тараску сегодня несказанно повезло. Но мы еще вернемся. Вернемся, когда соберем побольше сил. Зря наши друзья нас не остановили — замысел одним махом избавиться от Кофийца и в самом деле бездарен.

— Я забираю эту вещь, — взяточно проговорила я, пряча мерцающий алый кристалл в шкатулку. Тот, казалось, мурлыкал от удовольствия. — Она моя. Я беру ее как цену крови моих погибших родных.

Я попытилась к дверям, не решаясь повернуться к диковинному созданию спиной. Он — думаю, это все-таки человек — провожал меня неотрывным тяжелым взглядом из общитых золотой нитью узких глазниц маски. Ему очень хотелось уничтожить меня, сделать так, чтобы Долиана Эрде никогда не появлялась в его жизни, но и я, и он твердо знали: это невозможно, пока Камень со мной.

И еще я поняла, что не собираюсь расставаться с моим сокровищем. Я взяла его в настоящем бою, это мой трофей и моя добыча. Я никому его не отдам — ни Райану Монброну, который

наверняка уже строит планы, как бы завладеть Камнем, ни Ольтену, хотя принц имеет права на ведь, приведшую к гибели его страны, никому! Ксальтотун, кто бы он ни был, совершенно не умеет пользоваться доставшимся прихотью судьбы артефактом. Зато я смогу с ним договориться! Наверняка смогу! Он ведь сродни мне!..

Тут я осознала, что мы давно идем по какому-то коридору, выложенному плитами зеленого мрамора, что сзади доносятся тревожные крики и отчетливо слышны распоряжения схватить злоумышленников, что в мыслях у меня полный разброд, а правая рука крепко прижимает к боку стальную шкатулку, потому что за левую меня тащит Райан, монотонно и разнообразно проклинающий чокнутых девиц и спятивших от собственного могущества колдунов.

Ольтен и Крейн выбежали нам навстречу из какой-то галереи. Задерживаться и тратить время на объяснения мы не могли, да этого и не требовалось — принц и сам сообразил, что дело провалено.

Что было дальше — почти не помню. Мы носились по замку, я думала только о том, как бы не выронить в суматохе шкатулку, Маэль, кажется, прикончил какого-то особо рьяного гвардейца, а потом мы очутились в одном из многочисленных внутренних дворов замка и поочередно проскочили в низенькую дверь, торчавшую у самого основания крепостной стены. Я забыла наклонить голову и с размаху треснулась лбом о выступающий из потолка камень, едва не упав.

Потайной ход (потом мне сказали, что мы удали из-под самого носа стражи именно через потайной лаз) выводил на задворки стоящего не-подалеку от замка короны особняка великого канцлера. Мы благополучно вылезли наружу, встряхнулись и попытались прикинуться распущенными юнцами, всю ночь проторчавшими в таверне. Кажется, нам это вполне удалось. Во всяком случае, городские стражники косились на нас с отвращением, явно борясь с желанием отправить на денек-другой за решетку, дабы мы не осквернили своим непотребством столичных улиц. Надо же, иметь нахальство пьянистовать даже в день похорон короля с семейством!

* * *

Железная шкатулка стояла посредине накрытого желтоватой скатертью стола, стол находился в комнате на втором этаже торгового дома «Игдир и Компаньоны», вокруг стола сидели трое молодых людей и вопросительно глядели на белную Дану Эрде. Упомянутая Даны ерзала на стуле, отводила взгляд, теребила скатерть и имела вид попавшейся с поличным мошеницы, тщетно старающейся прикинуться невинной овечкой.

— Так мы ждем,— тоном дознавателя судебной управы напомнил Райан Монброн, единовластно присвоивший себе право распоряжаться.

— Чего ждете? — я сстроила круглые удивленные глаза.

— Каких-нибудь объяснений или признаний.

— Да мне совершенно нечего объяснять! — взвилась я.— Я знаю не больше вашего! Я первый раз в жизни вижу этот камень и этого жуткого колдуна!

— Этот колдун, между прочим, мог одним щелчком пальцев обратить всех нас в милую скульптурную группу,— поделился Райан.— Я уже прощался с жизнью, но сей умелец обломал зубы, пытаясь справиться с невинным дитятей! Даны, я охотно верю, что ты удивлена случившимся не меньше нас, но, похоже, разгадка кроется в тебе самой. Повторяю свой вопрос — кто ты? Только не отвечай, что тебя зовут Долиана Эрде, это я давно понял и запомнил!

— Оставь ее в покое,— вмешался Мазль.— Она же сказала, что ничего не знает. Видно, ей просто повезло. Она как-то сумела подчинить себе эту штуковину, вот и все.

Райан покачал головой, словно удивляясь людской несообразительности. Я-то уже успела сообразить, к чему он клонит, и теперь прикидывала, что я могу рассказать, а о чем стоит промолчать. К сожалению, придется вытащить на белый свет подробности моего странноватого происхождения, ибо Монброн-старший, как бы я к нему ни относилась, прав. Ничто не происходит просто так, все имеет свои основания и свои последствия.

— Его высочество был знаком с моими родителями, Мораддином и Рингой Эрде,— запинаясь через слово, начала я.— И наверняка может пе-

рассказать сплетни, которые о них ходили. Так вот, кое-что в этих сплетнях — правда. Мои родители не относились к человеческой расе.

Ольтен посмотрел на меня так, будто прикидывал: не кликнуть ли месьора Игдира и не попросить ли его вызвать лекаря? Господа Дана от пережитых испытаний, похоже, слегка тронулась умом.

— Правда, правда,— обиженно сказала я.— Предки герцога Мораддина — гномы из Кезанских гор. Сам он произошел от союза гнома и женщины-человека. А моя мать...— тут я замялась, не зная, как собеседники воспримут услышанное откровение.— Она из Рабиров.

— Что в этом такого? — Ольтен первым обрел дар речи.— Рабиры, насколько мне известно, всего лишь горная цепь на границе между Зингарой и Аргосом. Разве там кто-нибудь живет?

— Гуль! — восхищенно хмыкнул Райан Монброн.— Значит, Дана — прямой потомок человека, гнома и гуля! Каких только чудес не случаются в мире!

Мазель и Ольтен вопросительно посмотрели на меня, переглянулись, неприязненно покосились на аквилонского мага, и Мазель решился уточнить:

— «Гуль» в смысле... в смысле — вампир? Существо, охотящееся на людей и животных, чтобы пить их кровь? Но разве госпожа Долиана...— он в отчаянии уставился на меня, не зная, как быть: счесть все злой шуткой своего старшего родственника или убраться отсюда, пока цел.

Принц оказался потверже характером, решительно потребовав прекратить порочить честь благородной дамы столь невероятными измышлениями. Райан откровенно рассмеялся, я развела руками:

— Это правда. Хотите, когти покажу? Только крови мне почти не требуется, я же не совсем гуль, как моя матушка.

— Так,— Ольтен произнес это таким тоном, что Монброн-старший мгновенно перестал хихикать.— Господа, хотелось бы верить, что на вас можно положиться. Все, что мы сегодня узнали о родителях госпожи Эрде, не выйдет за пределы этих стен и не пойдет дальше нас троих. Госпожа Долиана Эрде — наследница уважаемой в Немедии семьи, и мы не имеем права порочить ее доброе имя!

— Спасибо,— искренне поблагодарила я. В глубине души я ожидала, что сейчас от меня начнут шарахаться, как от прокаженного нишего.

— Вообще-то родословное древо госпожи Даны интересовало меня с совершенно другой точки зрения,— Райан, как обычно, не страдал излишней вежливостью.— Когда я понял, что она не человек... ладно, не совсем человек, то сообразил, в силу каких обстоятельств сей загадочный артефакт,— он погладил крышку шкатулки,— предпочел общество милейшей Даны своему законному владельцу. Теперь кое-что прояснилось. Народ гулей — наследие достаточно отдаленного прошлого, камень, похоже, явился на свет в те

же времена. Возможно, при содействии прародителей гулей. Поэтому он с удовольствием признает их потомков за хозяев,— аквилонец повернулся ко мне, смерив таким взглядом, что мне стало боязно: — Дана, что ты собираешься делать с этой игрушкой? Учти, она могущественна и крайне опасна. Она родилась в эпоху, когда о людях и слыхом не сыхивали. Я читал, что народ гулей имел какое-то отношение к Преданному Богу, Роте-Всаднику. Если в этом кроется хотя бы малейшее зерно истины, то я бы не рисковал даже притронуться к этой штуковине. Талисманы Роты — благодарю покорно!

— Рота? — я насторожилась, вспомнив мучивший меня совет матушки и загадочное название «Лан-Гэллом». — Тебе известно что-то о Темном Роте? А почему «Преданный Бог»?

— Есть легенда,— Райан пожал плечами с таким видом, будто хотел сказать: легенда есть, но я ей совершенно не верю.— Когда Роту осадили в его крепости, он заявил, что согласен сдаться, пусть только оставят жизнь его воинам и тем, кто жил рядом с крепостью. Начались переговоры, вроде как Рота убедил своих противников, а потом... В общем, его обманули. Вышла такая резня, что о ней боялись вспомнить спустя столетия. Цитадель уничтожили, те, кому удалось выжить, бежали на Полдень. Роту изгнали из этого мира. Побежденные не оставили после себя почти ничего, победители рассказывали только то, что требовалось им, дабы ни у кого не возникло и капли сомнений. До нас дошло

слишком мало сведений, чтобы справедливо рассудить, кто тогда был прав, кто виноват, и в самом ли деле Рота был таким воплощением зла и ужаса, как принято считать?

— Два вопроса! — быстро проговорила я.— Если ты занимался изучением тех времен, тебе не встречалось название «Лан-Гэллом»? И второе — имеет ли какое-нибудь отношение к Роте белая звезда о восьми лучах?

— Крылатая звезда — его символ,— не задумываясь, сказал Райан.— Лан-Гэллом — название города темных альбов, стоявшего неподалеку от Крепости Трех Вулканов. Это был город без крепостных стен. Его сожгли, жителей казнили.

— А нам говорили, что это и есть название Темной крепости,— Маэль, видно, припомнил нашу беседу в блаженные времена, когда был жив мой отец и мы могли говорить на совершенно посторонние темы.

— Нет, крепость звалась по-другому... Благородные месьоры, вам не кажется, что самое время заняться трудностями дня сегодняшнего, нежели обсуждать минувшие времена?

— Как сказать,— со всей отпущенностью мне таинственностью ответила я.— Уж извини, но я попробую найти общий язык с этим камеником.

— Жизнь твоя, тебе ею и рисковать,— показалось, или маг впервые глянул на меня с уважением? — На вашем месте я бы поспешил расстаться с Бельверусом. Колдуны обычно не любят, когда у них крадут любимые безделушки.

— А ты? — спросил Маэль.

— Я останусь,— Райан подмигнул своему потомку.— Что-то мне говорит, что скоро в немецкой столице стряслася нечто чрезвычайно увлекательное. Я бы предпочел досмотреть представление до конца. Может, даже потягаться силами с месьором Драконьей Мордой. Теперь у него нет камня, значит, и силенок поубавится. Заодно буду извещать вас о новостях. Удачи!

Он встал и прошествовал к двери, свистнув по пути собаке. Псина потрусила за хозяином.

*Город Даларна, Немедия.
1 день Второй весенней луны.*

Мы не заслужили подобной милости небес — быть живыми, уйти от погони и избежать мести ксальтотуна. Я стараюсь не вспоминать, как именно мы от нее ушли. Крейн с опаской рассказал, что это напоминало удар молнии с ясного неба. Единственный удар — и горстки странно тяжелого пепла на месте преследователей.

Самое ужасное, что это сделала я. Испугалась, что нас догонят и мы не сумеем отбиться. Представила, что нас потащат обратно в Бельверус и мне опять придется столкнуться с человеком в алоей драконьей маске. Результат: сияющая вспышка и полтора десятка трупов.

Прав Райан Монброн: сила без знаний опасна. Но знания мне взять неоткуда, остается только учиться на собственных ошибках. А мои ошибки частенько стоят кому-то жизни.

Мы уже довольно далеко от столицы, и успешно добрались до Даларны — торгового городка примерно на полдороге между Нумалией и столицей Края Соленых озер, Эвербахом. Теперь нас около сотни человек.

Ядро отряда составляет Эдмар Крейн с последовавшими за ним королевскими гвардейцами, отказавшимися признать власть Таракса — они умудрились справиться с охраной на Полуночных воротах Бельверуса и вырваться за пределы крепостных стен. Каждый день к нам кто-то присоединяется: слухи намного опережают нас. Мы движемся к Эвербаху, рассчитывая закрепиться в этой маленькой провинции и уже отсюда начинать портить Тараксу жизнь. План, могу признаться честно, в равной степени принадлежит Ольтену, мне и Эдмару. Может быть, он не лучший, но иного у нас нет. Доберемся до Соленных озер, там посмотрим.

Сегодня мы в Даларне, на самом большом постоялом дворе городка. Местные власти нанесли нам визит и решили не связываться. Все равно здешнему гарнизону нас не одолеть, а ведем мы себя вполне прилично. Переночуем и завтра уйдем. Без всяких дебошей, скандалов и драк, Ольтен за это поручился.

Мне досталась крохотная комнатка на втором этаже, с окошком, затянутым мутным бычьими пузырем, колченогим столом и тюфяком, из которого лезет солома. Снизу доносятся приглушенные звуки вечеринки — пока все обстоит мирно и благопристойно. Меня тоже звали, но

как-то не хочется. Сижу и размышляю. Знать бы, как обстоят дела у Маэля Монброна? Надеюсь, он благополучно скакет в Аквилонию. Интересно, что собирается предпринять против нас Тараск вкупе с обозленным ксальтотуином? Эдмар вчера предложил великолепный ход, позволяющий нам приобрести множество сторонников и чуть меньше опасаться за свои головы: объявить, что мы начинаем Рокод, признанный мятеж против короля. Тогда мы будем не шайка презренных бунтовщиков, а вполне законные мятежники. Нас нельзя хватать и вешать без разбору, можно только ссылать в собственные владения на определенный срок.

Только чего-то там не хватает... У нас есть идея, которую мы защищаем, есть бежавший от узурпатора принц, имеющий все права на королевский трон, есть даже горе-волшебница с весьма путаной родословной, почти ничего не умеющая. Нет символа. Да, недостает какого-то знака, за которым можно идти!

Я покосилась в угол, где на дорожном сундучке стояла открытая железная шкатулка. Камень приглушенно светился, точно тлеющий уголек. Мы еще в Бельверусе сделали загадочное открытие: если сосредоточится и повнимательнее взглянуться в кристалл, из алои глубины начнут выплывать призраки, какие-то движущиеся картины, подернутые туманом времен... На них нельзя смотреть слишком долго — голова кружится и кажется, что падаешь вниз со скалы в колышущееся винноцветное море.

Решение пришло само собой. Оноказалось настолько верным, что я удивилась — как я не сообразила раньше? Ведь предчувствовала, иначе зачем мне могла понадобиться такая вещь, как стяг Немедийской империи?

Я достала из выюков красно-черно-белое полотнище и разложила его на столе. Отыскала ножичек и принялась старательно отпарывать с тяжелой шелковой ткани черного дракона. В голове назойливо звенела простенькая мелодия, услышанная на ярмарке в Мессантии:

Я расстилаю красный шелк,
Белый шелк и зеленый шелк.
Мы на лугу с тобой танцуем,
Все у нас будет хорошо!
Скоро поступится в дом весна,
Как наша юность, зелена,
Станет голова моя кружится,
Буду я одной весной пьяна...

Белый шелк тоже нашелся — я безжалостно искромсала подкладку собственного плаща. Начала прикидывать, как бы половчее вырезать из него пару больших восьмиконечных звезд, и тут в дверь осторожно постучали.

— Открыто! — крикнула я.

Явился Ольтен. Я-то полагала, он с Крейном и остальными предается исконным мужским развлечениям, наподобие выпивки, построения грандиозных планов на будущее, яростным спорам о судьбах мира и безудержному хвастовству.

— Доброй ночи,— чуть удивленно сказал Ольтен, разглядывая, чем я занимаюсь.— Я не помешал? А что ты такое делаешь?

— Хочешь помочь? — небрежно осведомилась я, сражаясь с неподатливой скользкой материей.— Раздобудь мне красную тряпку. Лучше всего шелковую, но сойдет и льняная.

Его милость счел, что намерения женщин разгадать невозможно, и послушно отправился на поиски. Отсутствовал он довольно долго — я успела вырезать обе звезды и начала обметывать их по краям — но добыча оказалась тем, что нужно. Десяток атласных лент ярко-багрового цвета. Где он только их разыскал?

Звезда легла на место, которое некогда занимал стоявший на задних лапах дракон. Я принялась старательно пришивать ее к знамени. Ольтен, облокотившись на стол, молча наблюдал за моими потугами. Убедившись, что символ надежно прикреплен к стягу, я занялась красными лентами. Пришло разрезать их на узкие полоски, которыми я окантовала звезду. Напоследок из остатков шелка вышла неплохая пара крыльев, именуемых в геральдике «крыло орлиное, развернутое».

Завершив работу, я неторопливо обрезала лишние нитки и полюбовалась на дело рук своих. Моя крылатая звезда горделиво поблескивала поверх традиционных немедийских цветов. Издалека ее будет хорошо заметно.

— В чьи руки ты хочешь отдать нас, Дана? — тихо и как-то скорбно проговорил Ольтен, не

глядя на меня.— Мы уже совершили немало поступков, о которых пожалеем. Меня до смерти пугает эта вещь,— он ткнул пальцем в железную шкатулку, где хранился Алый Талисман.

— Боятся непознаваемого и чужого, а мне этот камешек, как выяснилось, не чужой,— отрезала я, может быть, излишне поспешно.— Я верю, что поступаю правильно. Мы изгнаны из собственной страны, так что нам впору поднимать флаг со гербом того, кого тоже некогда изгнали за попытку решить дело миром. Мы не воюем, мы пытаемся добиться справедливости и покарать убийцу. Разве не так?

— Так,— неохотно согласился принц.— Просто мне не слишком по душе твой замысел. Звезда Роты... К чему это приведет?

Я скривилась:

— Мой принц, позволью себе одно предположение. Может быть, на самом деле тебе не хочется, чтобы в рядах твоих приверженцев оставалась некая девица Эрде? Она вроде как недочеловек, и таскает с собой жуткую магическую штуковину, и всерьез намерена положиться на милость какого-то давно сгинувшего божка? Ведь так? Об этом шепчутся внизу?

— Никогда не смей так говорить! — Ольтен взвился со скамьи и почти прокричал мне в лицо эти слова. Я невольно шарахнулась в сторону, едва не врезавшись в стену и на своей шкуре узнула, что такое пресловутый «королевский гнев». Верно говорили: представители династии Эльсдорфов в юном возрасте никогда не отличались

сдержанностью нрава.— Ты прекрасно знаешь, мы без тебя — ничто! Жалкая кучка мятежников, не обладающих ни военной силой, ни знанием, ни способностью вести за собой! Ты нужна нам! Ты и твой Камень, чем бы он ни был!

— А когда все закончится, меня вежливо попросят удалиться, предварительно вернув талисман в королевскую сокровищницу? — язвительно спросила я.

Ольтен смерил меня мрачным взглядом:

— Неужели ты всерьез так думаешь?

— Нет.— Мне расхотелось препираться. Я вспомнила, что без Ольтена и прочих молодых сумасбродов моя жизнь опять потеряет смысл.— Извини. Сама не знаю, что говорю. И с флагом этим я сущую глупость затеяла,— я попыталась скомкать полотнище, но меня остановили:

— Погоди, не торопись. Насчет знамени ты права. Мы не можем выступать под немедийским драконом, он стал теперь символом узурпатора. Пусть будет звезда. Ктопомнит, кому изначально принадлежал этот знак?

Мы настороженно смотрели друг на друга поверх стола. Ольтен, точно предлагая перемирие, задумчиво изрек:

— Другую сторону флага тоже надо переделать. Где у тебя нож?

Я протянула ему короткий дорожный ножичек, и его милость принял с тщательно скрываемой яростью срезать со знамени второго дракона.

Глава четвертая

Записки волшебника — I.

«Лицом к Вечности»

Область Соленых озер, Немедия.
3 день Второй весенней луны.

ак думаешь, это еще Пограничье или уже Немедия?

— Не знаю. Мы вроде не подписывали с Бельверусом никаких договоров по обозначению границ. Считается, что земли Немедии начинаются от самого полunoчного из Соленых озер, а на закате граница упирается в Синюю скалу, возле которой стоит городишко Киртен, одновременно принадлежащий нам, немедийцам и аквилонцам. Помнишь, лет пять-шесть назад в Вольфгард приезжал Евсевий Цимисхий, ученый муж из Тарантии?

— Помню. Такой высоченный зануда с черной бородой.

— Он не зануда, а хранитель Путевых архивов Аквилонии. Евсевий составил довольно точную карту Пограничья — оригинал валяется в канцелярии Эрхарда, мне все недосуг снять копию. Так вот, на плане Евсевия пограничная линия между нами и Немедией проходит точно с заката на восход от Синей скалы в Немедийских горах до Бритунии. Совершенно прямая линия, а мы до сих пор не удосужились выставить порубежные столбы, даже на самых крупных трактах...

— Намекаешь, что я бездельничаю? Ничего себе! Бедный Веллан потеет, вертится, что твой ошалевший бурундук в колесе, носится с высунутым языком, отлавливая разбойников и торговцев незаконными товарами, моя порубежная стража трудаится, не покладая рук... А какой-то стигийский колдунишка предлагает вместо того, чтобы заниматься делом, срочно идти вбивать столбы на болотах! Вот бы здорово увидеть на Ронинской трясине подорожный знак с гордым обозначением: «Вы стоите на священной земле Пограничья! Тыфу!

— Ты, между прочим, не плойся. Первые Озера мы миновали, значит, Пограничье, где можно позволять себе плеваться и браниться сколько влезет, осталось позади. Мы в цивилизованной стране — отучайся. Хороши будут господа посланники!

— Верно, верно,— поддержал меня высокий седой старик, схавший по правую руку.— Веллан, запомни раз и навсегда: впервые за всю ис-

торию Пограничья мы едем с государственным визитом в соседнюю великую державу! Так что изволь выглядеть благородным дворянином. Сиречь (старик на память процитировал строки «Чистого Зерцала», известного куртуазного наставления) «пальцами в тарелку не лазать, громко не хлюпать, перстов об одежду и скатерти не вытираять, с соседями из-за куска не препиরаться».

— Скучные вы,— пренебрежительно ответил поучаемый.— Хорошо, молчу. Не буду хлюпать. Не буду перстами вытираять вообще ни обо что. Стану волком и буду тихонько грызть кости в углу. Идет?

Вот такой разговор.

Я еду посередине, справа на длинноногой полукровке немедийской и таурянской пород лошадей гарцует Веллан, сын Арта, глава нашей многострадальной Порубежной управы. Слева подталкивает шпорами гнедого коня Эрхард, король Пограничья и прилегающих земель. Эртель едет далеко позади — король предусмотрительно поставил племянничка-наследничка присматривать за обозом, чтобы они постоянно не цапались с Велланом и не оглушили благочинный строй монаршего посольства громкими переговорами и непотребными воплями. Посему Эртель отделен от нас четырьмя крытыми фургонами, в которых мы везем продовольствие и обширный набор подарков для Тараска Эльсдорфа и его придворных: меха, изделия подгорных мастеров Граскаальского королевства гномов и

несколько бочек настоящего высокогорного меда, исключительно ценившегося в полуденных землях. Насколько я подозреваю, Веллан и Эртель с самого выезда из Вольфгарда строят коварные планы по похищению одной из бочек. Обжоры.

Да, действительно, король Пограничья создает, так сказать, исторический прецедент — едет в гости к немедийскому государю. Его ближайшее окружение составляется из меня, как придворного мага, наследника престола Эртеля, Веллана, командующего нашей немногочисленной охраной (полтора десятка людей и полтора десятка оборотней) и, как это ни странно звучит, посланника короля Граскаала Дьюрина VII. Сначала предполагалось, что вместе с нами отправится старый Фрам по прозвищу Мрачный, однако Фрам ехать категорически отказался, сславшись на занятость. Он теперь руководит строительством королевского замка в Вольфгарде, каковое строительство поручено нашим союзникам-гномам, не имеющим себе равных в искусстве сооружения каменных крепостей. Фрам, посоветовавшись с гномьями старейшинами, отоспал в Немедию дальнего родственника — Дарта, сына Горира, из тех, что именуются «молодыми, да ранними». Этот рыжебородый гном совсем недавно отпраздновал совершеннолетие (по меркам подгорного народа, гном становится взрослым в сорок четыре года — известно, что карликам отмерен длинный срок жизни, и взрослеют они позже людей), но поскольку Дарт являлся

сыном старейшины одного из уважаемых кланов, было решено, что представлять гномов на коронации будет именно он.

Пожалуйста — позади наших скакунов гордо месит снег низенький лохматый пони, в изобилии обвешанный серебряными побрякушками, а в седле громоздится достойный посол государя Дьюрина. Борода веером, нос кверху, щеки для важности надуты. Я достаточно близко знаком с народом гномов, чтобы утверждать — до истинной гномьей основательности и суровости Дарту еще расти и расти. Но в Немедии он произведет впечатление, ибо во владениях Трона Дракона нет поселений гномов. Только, кажется, в Шадизаре существует небольшая община карликов из Кезанкских гор.

С той поры, как почтовые птицы доставили в Вольфгард невероятное сообщение о внезапной смене власти, никаких новых депеш из Бельверуса не приходило, если не считать доставленного гонцами в форме немедийской гвардии торжественного приглашения на праздник коронации.

Я немедля напросился в посольскую свиту ради того, чтобы лично убедиться в нерушимости магического равновесия на соседских землях. Все-таки я не зря отншу себя к немногочисленной негласной гильдии волшебников-равновесников, не отрицающих, но и не поддерживающих как Тьму, так и Свет. Я полагаю, что в мире должно хватать поровну и того, и другого, ибо только во Тьме узришь ты зарождение Све-

та, и лишь в сравнении с черным познается белое. Равно как и наоборот.

Прозаичные оборотни, выслушивая мои разглагольствования о природе двух Великих Красок, угольной и снежной, не упускают случая поддеть: мол, твоя замечательная теория Равновесия вполне применима к иным сферам бытия. Не напившись, не познаешь похмелья, не впав в плотский грех, не родишь ребенка... И так далее. Веллан с Эртелем, конечно, ребята добрые и симпатичные, но ужасно невоспитанные. И необразованные. Воображаю, как на нас будут смотреть при немедийском дворе — как на странствующий зверинец с медведями и волками.

Меня могут спросить: как связаны между собой путешествие в Бельверус и мои подспудные тревоги о нарушении Равновесия?

В своих предыдущих записках я упоминал, что человек, сведущий в искусстве волшебства, гораздо острее чувствует напряжение, возникающее в сети магической силы, опутывающей наш мир. Не говоря лишних слов, замечу только одно — Полдень начинает угрожать явившейся из Ниоткуда чужой магией. С каждым шагом, с каждой пройденной лигой, приближающим меня к Немедии, я вижу, как горизонт затягивает багровым туманом, не рожденным человеком, гномом, оборотнем или любым другим разумным существом Хайборийского мира.

Впервые о таинственной напасти сообщил герцог Мораддин в паническом письме, прибывшем с ястребом-перепелятником. Но сейчас у

Мораддина уже ничего не спросишь — герцог Эрде, как утверждают, погиб во время народных волнений в Бельверусе. Может быть, он пытался как-то противостоять новоявленной угрозе и вступил в битву с противником, несопоставимо превосходящим его силы? Не знаю. Я просто вижу, как где-то в сердце нашего материка налилась прохладной багровостью гнойная язва.

Что-то, Нечто, вернулось из прошлого. Прошлого, в котором еще не появились следы человека. Прошлого, принадлежавшего другим, чуждым для нас народам.

И Нечто действует. А, возможно, его заставляет действовать чья-то недобрая или бездумная воля.

* * *

Наша весьма скромная компания выехала из Вольфгарда по Немедийскому тракту, идущему вдоль границы Бритунии, обогнула Соленые озера, оставила позади поворот дороги на Менору — один из крупных городов в Полночной Немедии — и постепенно приближалась к Эвербаху. Почему я именую компанию «скромной»? Ха! Представьте, как будем смотреться мы, обитатели Пограничья, лесовики и простецы, рядом с посольствами иных государств!

Коронация — дело серьезное, потому в Бельверус съедутся монархи большинства дружественных Немедии стран Заката: Альбиорикс Бритунийский, Балардус из Кофа, наверняка явится

представитель короля Офира — вот интересно, кто стал королем в Ианте после недавней войны с Аквилонией? У Амальрика не было прямого наследника, значит, золотым венцом Ианты вполне мог завладеть один из великих герцогов. О том в Пограничье ничего не известно... Приедут аргосцы, шемиты, зингарцы, возможно, прибудет даже знаменитая Тарамис — королева Хаурана. Одним словом, на эту изумительную ярмарку тщеславия пожалует большинство самых богатых, самых уважаемых и самых, прошу простить за неудачную метафору, «полновесных» государей и государынь, владеющих землями к Закату от Кезанкии и Турана. На этом ослепительном фоне бедные представители Пограничья покажутся совершенно незаметными.

Конечно, Эрхард после прибывшего в Вольфгард приглашения немедленно выделил деньги из казны для пошива парадных одежд свите и самому себе. Наши безыскусные швецы не придумали ничего лучше, как взять темно-зеленую парчу цвета малахита, украсить костюмы драгоценными мехами Полуночи (мантию Эрхарда, к примеру, спили из шкуры дрохо, гигантской снежной ящерицы, отличающейся изумительным серебристо-белым мехом), обляпали парадные колеты ограненными гномами камнями и золотым шитьем, а в итоге посольство выглядело примерно также, как свита небогатого барона, решившего не ударить в грязь лицом перед соседями-герцогами. Немного безвкусия, немного дорогих украшений, самую чуточку вышивки и

много-много гордости. Гордость — единственное, чем Пограничье обладает в избытке.

Мне хорошо, я волшебник. И должен носить соответствующее статутам гильдии одеяние.

Обычно я таскаю черную хламиду с золотым кругом на груди и заплатками — следами неудачных магических опытов. Однако на сей раз я заказал просторный балахон из тончайшей алои шерсти с черными плащом на белой подкладке и вышитым капюшоном. Пускай одежда символизирует то, что я маг-Равновесник. Вдоволь белого, вдоволь черного, а основной цвет — пронзительно-красный.

Эртель немедленно заявил, что черное и белое, смешиваясь, образуют вовсе не красное, а серое. За что был нещадно бит посохом, который я ношу больше как полезную в дороге вещь, нежели как символ волшебства.

— Глахомань, — Веллан хмуро поглядывал на снежную холмистую равнину. — Заметили, мы доселе не встретили ни одного всадника? На дорогах пусто, хотя соляные копи работают круглый год и обозы с солью постоянно уходят на Польдень.

— В Эвербахе, наверно, открылась весенняя ярмарка, — поразмыслив, ответил Эрхард. — Все уехали в город. Видишь замок на холме?

Мы дружно посмотрели влево. Действительно, замок. Небольшой, с двумя боковыми башнями и квадратным донжоном. Я, чтобы рассмотреть постройку во всех подробностях, шепнул резко обостряющее зрение заклинание «Орли-

ный глаз», крепость приблизилась, а я охнул и натянул поводья лошади.

— Что за ерунда! — громко сказал я. Король и Веллан обернулись — привыкли, что я никогда не пугаю их просто так, если не считать мелких магических шалостей и шуток. — Над главной башней вымпел!

— Чего здесь удивительного? — фыркнул Веллан. — Знамя местного барона, ничего больше.

— Три оранжевые, три черные и снова три оранжевые полоски ткани, — я вытянул руку, показывая. Оборотни, конечно, не рассмотрели — слишком далеко. — Знаете, что это значит?

Эрхард кивнул. Веллан вопросительно взглянул на меня. Я объяснил:

— Девять подобных полос означают, что в округе действует большая разбойная шайка, сами разбойники объявлены злодеями короны, а владелец замка, как верный поданный короля, участвует в их поимке. Когда над укреплением поднимают такой символ, любому немедийцу становится ясно: на припадлежащих сеньору землях неспокойно, дружина собрана и вооружена, мирным путникам же лучше остеречься...

— Серые демоны Нижней Сфера! — выругался Эрхард. — Только этого нам не хватало! Эртель! Эртель, быстро сюда, дубина!

Наследничек, заслыпав истопный вопль ля-
дюшки, появился незамедлительно. Человеку по-
стороннему будет довольно сложно отличить Эр-
телья от Веллана — оба беловолосые, голубогла-

зые, с весьма похожими лицами. Веллан разве что повыше да посухощавее.

— Ну? Зачем звал?

— Не перечь королю! — рявкнул Эрхард, хотя племянник ему вовсе не перечил. Пока, по крайней мере. — Передай по цепочке — смотреть в оба! На баронской крепостишике болтается знак тревоги. Видать, пошаливают на дорогах. Оружие держать под рукой.

— Ох, пасть Нергала! — выдохнул Веллан. — Гляньте-ка на дорогу! Тотлант, однажды я тебя собственноручно зарежу! Накликал!

Тракт примерно в лиге от нас уходил за высокий холм с черным скальным выходом на вершине. И как раз из-за этого холма на дорогу вывернула довольно большой отряд, числом не менее тридцати всадников. Искрящееся облако снежной пыли за лошадьми, звяканье уздеек, глухие удары подков о наст. Знамен никаких, что скверно. Дворяне всегда разворачивают фамильные штандарты.

— Как поступать, знаете, — процедил король. — Первыми не нападать. Попробуем отбре-
хаться. Тотлант, держи ухо востро.

— Понял, — я снял теплые перчатки из собачьей шерсти и начал разминать пальцы. Любого неприятеля можно испугать волшебством — создать жутковатую иллюзию, применить боевую магию. В последней я не являюсь особым знатоком, но кое-что предпринять могу. Огненные шарики, ледяной дождь, когда нападающих побивают появившиеся из воздуха острейшие ле-

дяные стрелы, заклинание «Рыболовная сеть», сковывающее движения врагов... Стариные, давно опробованные и самое главное — действенные фокусы.

Всегда удивлялся, насколько слаженно действуют люди и оборотни, ходящие под водительством Эрхарда.

Несколько безмолвных приказов-распоряжений, отдаваемых при помощи жестов, и вот на дороге выстроился полукруг повозок, своего рода маленькая походная крепость, арбалетчики укрываются за фургонами, всадники с мечами расположились возле оконечий полукруга.

В крайнем случае можно будет бросить палки и на галопе уйти в сторону границы — я прикрою отступление магией и собью с толку преследователей. Доберемся до владений Пограничья, а там не страшны ни демоны, ни люди. Во-первых, леса нашей страны чужаков не терпят, во-вторых же возле ближайшего к рубежам поселка-бурга рышет наша дорожная стража — большой и отлично обученный отряд.

— Кто такие? — странные всадники остановили лошадей, не доезжая пятнадцати шагов до повозок. Предводительствовал возможными супостатами высокий молодой человек с выбивающимися из-под меховой шапки русыми волосами. Судя по одежде, дворянин. Все в кольчугах — блестящие рукава кольччатой брони выглядывают из-под накидок. — Назовитесь!

Эрхард, Веллан и Эртель переглянулись. На грабителей непохоже — разбойников обычно не

волнуют имена тех, кого они намерены обчистить.

Эрхард положил руку на клинок, дабы извлечь его при первой же опасности, и медленно выехал вперед. Я тем временем пересчитал чужаков по головам — тридцать два человека.

— Мое имя — Эрхард, сын Этельвульфа! — заявил оборотень. — Король Пограничья и союзного королевства людей, оборотней и гномов!

В рядах немедийцев возникло некоторое замешательство. Русоволосый вожак словно позабыл человеческую речь, однако потом встрепенулся, сделал знак кому-то из своих и сошел с седла. Точно, нападать не будут. Может быть, это дорожная стража? Нет, непохоже.

Едва мягкие сапоги предводителя коснулись снега, над отрядом взвился штандарт, какого я прежде никогда не встречал. В основе лежало немедийское знамя — черная, белая и красная полосы. Однако привычный дракон трона Бельверуса на стяге отсутствовал. Вместо золотого крылатого змея квадратное полотнище украшала неизвестная никаким геральдическим уложениям Заката и Полуночи крупная восьмилучевая звезда. Вырезана из куска белого шелка, обведена по контуру красным окоем, а с обеих сторон — расправленные крыльышки. Скорее всего, орлиные.

Вожак подошел к коню Эрхарда, левой рукой снял круглую шапку, правую ладонь, сжатую в кулак, положил на грудь — немедийский жест приветствия — и преклонил колено.

— Счастлив приветствовать ваше королевское величество,— сказал человек, поднимаясь по жесту Эрхарда и с любопытством глядя на наш вымпел, поднятый кем-то из дружинных: бело-зеленое продолговатое полотнище с черным силуэтом волчьей головы.— Если будет позволено королем, я представлюсь.

Эрхард милостиво кивнул, дозволяя.

— Эдмар, граф Крейн, владетель графства Крейн, что на Соленых озерах. Могу ли я осведомиться о цели вашего путешествия?

— Э-э... Вообще-то мы едем в Бельверус,— слегка обескуражено ответил король.— Я сам, наследник трона и посол королевства гномов Граскаала Дарт, сын Торира из клана Ниди Топора. К вашим услугам, граф. Вы — дорожная стража?

— Не сказал бы...— хитро улыбнулся Крейн.— Государь, моя просьба может тебя удивить, но... Я, как владелец этих земель, именем короля Нимеда просил бы вас повернуть обратно. Нет, это не нарушение законов гостеприимства...

— Можно говорить понятнее? — буркнул Веллан.— Мы люди простые и всех ваших куртуазий не понимаем.

Граф Эдмар развел руками, улыбнулся еще шире и сказал:

— Проще? Извольте, благородные месьоры. В Немедии мятеж. Мятеж против узурпатора Тараска Кофийского, принца короны, незаконно захватившего власть. Заметьте, принца короны, а не принца крови!

Ясно. По старинным традициям «принцем крови» именуется только прямой родственник монарха — брат, сын или родной дядя. Остальные родственники, составляющие династию, именуются «принцами короны». Будь проклят этот напыщенный этикет, в хитросплетениях которого не сумеет разобраться никто кроме специально обученных герольдмейстеров!

Граф тем временем продолжал:

— Вы представляете нашего полуночного соседа, славное Пограничное королевство, живущее по своим законам, каковые уважаются немедийцами. Так будьте же добры уважать законы Немедии. Нельзя оказывать почтение захватившему трон самозванцу.

Эрхара метнул в мою сторону взгляд, в котором огромными буквами читалось: «Он, наверное, сумасшедший!».

Я подумал, что настало время вмешаться.

— Моя имя Тотлант, сын Менхотепа из Луксура. Волшебник при дворе государя Эрхарда,— я медленно выехал вперед.— Сударь, мне странно слышать речи, которые произносятся от имени короля Нимеда, недавно почившего и погребенного. Мы, знаешь ли, получаем известия от соседей и уверены, что в результате бунта, своевременно подавленного принцем Тараском, семья короля Нимеда погибла... Как ты, граф, можешь объяснить эти слова?

— И все же я настоятельно просил бы...— упрямо сказал человек, назвавшийся графом Крейном, но вдруг наши кони чуть присели, прядая

ушами. Никогда не подумал бы, что можно издавать столь пронзительный свист, лишь сложив пальцы и скав их между губами. Свистел один из соратников Крейна.

— Прошу извинить,— быстро сказал Эдмар.— Нас прерывают. Прослушайтесь совета, поезжайте домой. Когда будет объявлено о возвождении на престол истинного короля, я лично встречу посланников Пограничья на рубежах Немедии и предоставлю самый почетный эскор特, который позволят создать мой титул и мое состояние. Уезжайте, в стране очень неспокойно!

Граф бросился к лошади, не касаясь стремян, взлетел в седло, отряд с места взял галоп и вскоре исчез в белесом вихре поднятой копытами лошадей ледяной пыли.

— Ничего не понимаю...— сказал я. Веллан отозвался:

— Зато я понимаю. Гляны!

Со стороны той самой крепости, которую мы видели на холме, крупной рысью подходили очередные гости. Вымпел местного барона — белый лосось в синем поле — и знамя Немедии, только теперь не с загадочной звездой, а с давно знакомым драконом. Интересно...

Часть большого, не менее сотни бойцов, отряда поскакала догонять графа Эдмара, а еще два десятка приблизились к нам.

— Именем короля Таракса, назовитесь!

Пришедшие из замка люди носили темно-серую форму приграничной охранной гвардии королевства.

Дальнейшую сцену можно не описывать: она служила точным повторением предыдущей, с вежливыми расшаркиваниями, коленопреклонением и долгим выяснением, кто именно теперь в Немедии король.

Офицер со знаками различия полусотника, выслушав наши удивленные речи, лишь поклонился и сообщил следующее:

— Уважаемым гостям не стоит беспокоиться. Да, возле Соленых озер действительно появились разрозненные шайки мятежников, не признающих власть Таракса Эльсдорфа, однако впредь государя Эрхарда и его почтенных сопровождающих не беспокоят. Я доложу капитану, и вам непременно выделят полусотню охраны вплоть до Нумалии, а возможно, и до Бельверуса. Нижайше прошу заночевать в замке Лахт...

— Заночевать? — скривился Эрхард.— Благодарю, сударь. Нам это не требуется. Середина дня, мы успеем проехать много лиг, а опаздывать к коронации я не желаю. Мы направляемся в ближайший город, в Эвербах.

— Это небезопасно,— возразил пятидесятник.— Вы вновь можете столкнуться с бунтовщиками.

— Как столкнемся, так и разойдемся,— рявкнул Эртель, которому надоело слушать, как дядюшка и немедиец переливают из пустого в порожнее одни и те же слова.— Сами разберемся! У короля достаточно охраны, чтобы дать отпор любым недоброжелателям! Желаю счастливого пути и удачной охоты на мятежников!

Эртель подал остальным несколько сигналов ладонью правой руки, фургоны вновь построились в ряд, и мы отправились на Полдень.

— Как прикажете такое понимать? — после долгого молчания вопросил у меня Эрхард. — Какой-то бунт... Нимед... Конечно, я понимаю, Тарак сел на престол при не совсем ясных обстоятельствах, но ведь он является королем по всем законам?

— Возможно, — ответил я. — Но только в случае, если наследники Нимеда действительно погибли. Любопытное знамя у графа Крейна... Красно-белая восьмилучевая звезда. Да еще с крыльями...

— И что в этом любопытного? — осведомился Веллан.

— Да почти ничего. Если не считать, что данный символ не используется уже восемь с лишним тысяч лет. Узнать о нем можно только из древнейших исторических трактатов.

— Тотлант, тебе повсюду мерещатся призраки прошлого, — рассудительно сказал король. — Какие восемь тысяч лет? До Атлантиды, до Валунии! При чем тут звезда о восьми концах? Немедийские мятежники могли сами придумать такую эмблему!

— Не верю в подобные совпадения, — тихо, но упрямо ответил я. — Этот знак считался запретным на протяжении восьмисот лет. Звезда Роты-Всадника.

— Чушь! — рассмеялся Эрхард, а Веллан громко изобразил на губах пускание ветра. — Ни-

чего себе, Роту-Всадника припел! Да еще неизвестно, существовал ли он на самом деле! Оставь эти глупые мысли! Прошлое не возвращается!

Эрхард был не прав. Однако его неправоту мы осознали лишь со временем.

4 день Второй весенней луны.

Эвербах по меркам Пограничья — очень большой город. Он даже крупнее нашей столицы — Вольфгарда. Грамотно выстроенная крепость о восьми бастионах, огромный рынок, целых двадцать кварталов, обороняемых помянутой крепостной стеной, все дома каменные и только в предместьях, находящихся за громоздкими оборонительными сооружениями, можно найти деревянные строения. По сравнению с Вольфгардом — невероятно большое поселение. И не просто поселение, а главный город графства Крейн. Бессспорно, Эвербах подчиняется лиши короне, а вовсе не графу, на чьих землях стоит, посему над ратушей болтается трехцветное знамя Немедии, а вовсе не вымпел землевладельца, здесь квартируют пять кавалерийских сотен гвардии короны, есть свое отделение Вертрауэна и назначенный королем управляющий, который одновременно выполняет обязанности протектора, командира войска и главы налоговой управы.

Вообще-то, как говорят, должность губернатора провинции Соленых озер должен был занимать принц крови и наследник Нимед-младший,

но в связи с печальными обстоятельствами, повлекшими гибель принца, на маленьком троне большой провинции Немедии остался прежний управлятель — барон Остарт. Человек преклонных лет, блюдущий старые привычки и традиции.

Именно благодаря барону Остарту наше великое посольство въехало в Эвербах с наиболее возможной помпой. Конечно, Пограничье — не самое почитаемое государство на Полуночном закате Материка, однако за последние годы Эрхард заставил соседей проникнуться уважением к нашим отдаленным пределам, осененным тенью Граскаля. Пограничье доставляет в Немедию весьма ценные товары — мех, золото, драгоценные камни, мегаллы, дерево (в Немедии очень много лесов вырублено), а если уж помянуть о чудесных поделках гномов... Словом, немедийцы решали, что с Пограничьем лучше дружить, чем не замечать вовсе, и стали нашими лучшими торговыми компаньонами.

Между прочим, мы (я, Эрхард, Эртель и Веллан) оставили на управление страной не какого-нибудь герцога (а герцогов-то у нас в Пограничье всего двое — Эртель как наследник трона, и Веллан — чтобы смешнее было... Оба титула пожалованы королем, но их никто не воспринимает всерьез, в том числе и сами посители благородных званий)...

Так вот, право регентства над союзным королевством Пограничья, Граскаля и Вольных Земель на время отъезда Эрхарда передали купцу.

Торговцу. А именно — почтенному Стеварту из рода Сольскель. А что? Стеварт — мужик умный, и своего не упустит, и короне послужит от всего сердца. Может быть, наши традиции можно считать варварскими, но Пограничье трудится лишь к выгоде, ибо выгода и торговля — наиглавнейшая задача. Без торговли между Полуночью и Полуднем Пограничье не смогло бы существовать.

Вернемся к Эвербаху. Умный Эрхард заранее послал одного из своих оборотней к городу, дабы тот донес весть о прибытии короля, почтеннейший месьор Остарт решил не ударить в грязь лицом и организовал встречу. Возле городских ворот нас ждали выстроенные почти в ровный ряд конные сотни, господин губернатор лично поддержал стремя королю, а затем произнес прочувствованную речь о любезной дружбе и душевном согласии меж великой немедийской монархией и «расцветающим как бутон розы королевством Полуночи», нас устроили в лучшем доме Эвербаха, а именно в резиденции его милости Остарта и...

И все бы было хорошо, если бы не внезапная смена власти, произшедшая прямиком в тот же день.

Едва мы успели расположиться в удобнейшем и богатом доме губернатора, едва лошади были поставлены в конюшни, а усталый Эрхард решил отойти ко сну; едва молодежь из оборотней и людей собралась покутить в близлежащем трактире, едва я сам задумал улечься в теплую

постель и почитать один из старинных трактатов, захваченных в дорогу...

— Тревога! Тревога!

Этот вопль пронесся до дома месьора Остарта, будто гром небесный. В коридорах начали грохотать подкованные сапоги стражи, слышались неясные, но очень взбудораженные взглясы... Я поднялся с ложа, натянул длинную нижнюю рубаху, свой привычный черный балахон с капюшоном и приоткрыл дверь. Хотелось узнать, что за новая напасть повалилась на наши разнесчастные головы. Вроде укрепленный город с крепостью, здесь стоят отряды гвардии и кавалерийские кирасиры, добавим городскую стражу, набранную из обитателей Эвербаха...

Голоса, резкие крики, вопли, рычание командиров. Странно. В доме губернатора сумятица, вполне подошедшая бы к осадному положению. Сожри меня самый злой демон Нижней Сфера! Бунт? Мятеж? Переворот? Грабители? Набег дикарей с Карпашских гор? Невероятно!

Едва я выбрался в коридор, как меня едва не затоптал Веллан. Его пограничная светлость, шутовской герцог, был взъерошен и возбужден.

— Тотлант, ты?

— Благодаря Сету, я. А кого ты ждал, Тот-Амона?

— Дурак! В городе заваруха! Видишь, как стража носится? А ну, быстро к королю!

— Куда?

— Окончательно спятил? Местные мне объяснили, будто около ворот появился громадный

отряд мятежников. Под тем самым знаменем, со звездочкой. Собираются штурмовать!

— Как интересно... — пробормотал я. — Город, принадлежащий короне Немедии! Город, в котором достаточно боеспособных отрядов! Тебе рассказывали сказки, Веллан?

— Сказки? — взвился оборотень. — Вот пойди на стену и посмотри на эти сказки! Точно тебе говорю, на полуночи Немедии мятеж! Да такой, что наш Бешеный Вожак и рядом не лежал! Я уж не беру «переворот Четырех» в Аквилонии! Помнишь, шесть лет назад, в Тарантии?

— Помню, — кивнул я. Еще бы не помнить. Как-никак, сам принимал живейшее участие в Мятеже Четырех на стороне заговорщиков. Правда, дело вышло несколько забавно — это был заговор Конана против самого себя. И в выигрыше, само собой, остался только Конан.

— Идем, — Веллан схватил меня за рукав и увлек за собой. — Слышишь, трубы орут? Похоже, в Эвербахе объявили осадное положение! Во, а еще и колокола! Бесплатное развлечение, честное слово! Люблю! Вовремя мы сюда приехали!

— Веллан! Тотлант! — нас окликнули с другого конца коридора. Понятно, король Эрхард вместе с племянничком. — Что происходит? Наводнение, пожар, напастье мантикор?

— И то, и другое, и третье! — счастливо прорвал Веллан.

— Месьор губернатор просил бы всех представителей посольства оставаться в доме, — к нам подлетел десятник личной стражи управи-

теля Эвербаха.— Дабы не вызывать возможных... трудностей.

— Поп-шел ты! — скривился Веллан, отстранив десятника.— Кто куда, а я побегу на стену. Интересно посмотреть.

— Меня возьмешь? — из своей комнаты вынырнул Эртель, вслед которому спешил король.— Тоже хочу глянуть.

— Бунт в Немедии,— хмыкнул Эрхард.— Тоже самое, что снег в Стигии. Тотлант, у вас в Стигии бывает снег?

— Не бывает,— деревянно ответил я.— Кликните охрану и пошли посмотрим.

— Мы сами себе охрана,— гордо заявил Веллан.

С тем мы и отправились из уютного дома губернатора к главным городским воротам, выводящим на Закат.

* * *

И вот мы вчетвером (точнее, впятером. Вслед за Велланом увязался один из личных телохранителей короля: гигантский оборотень со светло-каштановыми волосами и взглядом законченного убийцы) стоим на крытой галерее стены Эвербаха справа от башни-барбикена и любуемся.

Любуемся на большой, не менее четырех сотен, вооруженный отряд под немедийским знаменем с красно-белой звездой и полутора десятками дворянских штандартов.

Господ посланников и возглавляющего их короля пропустили на стену беспрепятственно — посмотрите, мол, какое отребье завелось в нашей благословенной Немедии. Иппь, огольцы, даже вензель на знаменах не заменили — “НЭ”, Нимед Эльсдорф. Не хотят нынешнего государя признавать!

За Эрхарлом и компанией приглядывали два десятника в годах — вислоусые суровые немедийцы, которые, по словам месьора губернатора, были обязаны нас «оборонять» от всех возможных опасностей.

Вообще-то ничего исключительного пока не происходило. Большая часть отряда мятежников стояла вдалеке, так, чтобы не достали лучные и арбалетные стрелы, а к воротам подъехали двое — уже знакомый мне по вчерашнему приключению граф Крейн и...

Я замер и раскрыл рот. По роду службы и по должности придворного волшебника я частенько разъезжаю по близлежащим государствам в поисках магических трактатов, особенных артефактов, интересующих меня как волшебника, частенько заезжаю в гости к друзьям. Всего два с половиной года назад я останавливался в Бельверусе, в гостеприимном доме герцогов Эрде. Встречался с его светлостью герцогом, с веселой и непринужденной госпожой Рингой (пускай в царстве Нергала они обретут успокойствие...), видывал сына Мораддина Вестри, их домашнюю прислугу. У меня, как и всякого волшебника, отличная память на лица.

Рядом с графом Крейном на игреневой масти кобылке гарцевала юная женщина, умопомрачительно похожая на госпожу Рингу. Либо я имею дело с творением рук безвестного некроманта, либо... Либо Ринга жива! В противовес всем полученным из Бельверуса сообщениям.

Я всмотрелся, применив заклятие «орлиного ока», и понял, что девушка действительно очень похожа на мою старую приятельницу, но таковой, скорее всего, не является. Мы, волшебники (не маги, не колдуны, не чернокнижники, а *волшебники*), умеем различать. Девушка была полукровкой. В ней смешались крови самых разных человеческих и не-человеческих рас, пускай и выглядела она как человек — темноволосая, невысокая, с нехорохой фигуркой, которая с годами станет очаровательной... Я чувствую кровь гулей — не тех иранистанских гулей, являющихся лишь демоническими воплощениями, а вполне живых, теплокровных существ, обитающих в Ра-бирийских горах. И еще от странной девицы исходит жестковатое, колючее тепло, как от ежики. Обычно таким образом в магическом видении выглядят подгорные карлеки — гномы. И человеческого в этой молодой даме предостаточно. Добавим сюда же тусклое сияние крови изначальных альбов, просматривающееся для меня настолько ясно, что сомнений не остается, и получится...

Вас когда-нибудь били кувалдой по голове? Или чем-нибудь тяжелым? Меня били — табуреткой в кабацкой драке, затеянной Велланом и

Конаном. Впечатление изумительное. Сначала искры из глаз, потом забытье, потом долгая, не поддающаяся никаким целебным заклинаниям головная боль. И вот сейчас я ощутил столь же мощный удар, только нанесенный не рукой и не каким-либо предметом, а волшебством.

Стоило мне поближе присмотреться к странной девушке, вышедшей на переговоры с властями города, находившегося в смехотворной осаде, как вдруг на мой разум, обостренный многолетней магической практикой, обрушилась непосильная тяжесть. Как удар сапогом в лицо. Что-то красное, страшное, сияющее, злое и кукающееся.

Хотя нет, не злое. Как бы я не был ошеломлен, я чувствовал — волшебство, исходящее от молодой женщины, как раз принадлежит не к великим силам Тьмы и Света. Магия Равновесия. Однако настолько мощная и необоримая, что я пошатнулся и начал заваливаться.

— Ты чего? — слегка дрожащим голосом спросил Веллан, подхватив меня на руки.

— Девочку внизу видишь?

— Ну, вижу... Неуютно как-то... Дрожь пробирает. Посмотря на Эрхарда!

Я посмотрел. Его величество стоял бледен и отягощен, сутулые плечи и потерянный взгляд.

— Веллан, — прохрипел я, — рядом с нами находится невероятно сильный источник магии. Как узнал? Чувствую, уж поверь. Я настоящий волшебник, а не недоучка... А вот недоучка торчит внизу, но настолько могущественная, что от

города камня на камне не останется! Никакого штурма и боя не будет. Бунтовщики возьмут Эвербах с одного палета. Боги, все красное, красное! Кругом красный цвет!

— С ума спятил? — выдавил оборотень, которому тоже было нехорошо.

Племя Караюпей Длани очень остро чувствует чужое волшебство.

— Забирай Эрхарда, Эртелья и быстро катись домой...

— В Пограничье? — изумился Веллан.

— Болван! В ратушу! В дом губернатора! — я попутно крутил пальцами, налагая на друзей охранные заклятья. — Быстрее! Там встретимся!

— Проклятье! — выразительно рявкнул Веллан, наблюдая за Эрхардом.

Король Пограничья — оборотень, получеловек, полуволк. Представитель самой уникальной расы мира Хайбории. И вот сейчас Эрхард начал изменяться. Вытягивались челюсти, кожа покрылась серовато-белым волосом...

Неизвестно, до чего бы дошло превращение (любая сильная магия заставляет оборотня возвращаться в его исконный облик), но более молодые, а значит, более сильные Веллан и Эртель, а с ними и телохранитель подхватили Эрхарда под руки и повлекли к лестнице, уводящей на городскую улицу.

Очень вовремя!

Граф Крейн, молодой русоволосый красавец, воздел руку и прокричал людям, находившимся на барбикене:

— Где губернатор?

— Именем короля и трона Дракона ты, мятежник, говоришь с владетелем города Эвербах! — сипло проорал в ответ месьор Остарт, находившийся здесь же. — Чего надо?

— Раскрыть ворота и принести присягу истинному королю! — запросто отвечал граф Эдмар Крейн. — Принцу Ольтену Эльсдорфу, принявшему в память о скончавшемся отце и убитом брате имя Нимед!

— Весело, весело, — прошептал я под нос, отлично понимая, что бунтовщики столь малыми силами никогда не возьмут большой укрепленный город. — Что-то у нас слишком много живых покойников...

— Именем короля Таракса, — торжественно провещал губернатор Остарт, — объявляю, что вы признаетесь бунтовщиками, злодеями короны и прихвостнями самозванца! Смута допущена не будет! Если вы сложите оружие и сдадитесь властям, наделенным полномочиями от имени законного короля...

Договорить месьору Остарту не дали. Голос подала девочка, умопомрачительно похожая на герцогиню Эрде:

— Сударь, можно покороче? Вы сдаете город или нет?

Остарт надулся, как гусак, брызнул слюной и проорал в ответ такие речи, насыщенные удивительными сравнениями, что всем сразу стало ясно: Эвербах был и остается твердыней короны Немедии.

— Ты сказал,— тонкий голос донесся из-под стены.— Это было первое, оно же последнее предложение. Страже, находящейся на барбикене, я могу посоветовать спуститься вниз и отойти подальше.

— Отойдите! — неожиданно сам для себя зардал я.— Она волшебница! Она снесет ворота за краткий миг!

К сожалению, меня не послушались и приняли за паникара. Но давайте согласимся, что Тотлант всегда был умным человеком. А ум — это прежде всего осторожность.

Поэтому мне и досталось меньше всех.

Я кубарем скатился по лестнице вниз, неудачно стукнулся плечом о доски мостовой, однако поднялся и, подбирая балахон, рванул к стене ближайшего дома.

Мое магическое сознание было полностью залито истекавшей из тьмы древности красноватой жижей — силой, которую я не мог постичь.

Знаете ли вы, что такое кхитайский взрывной порошок, с помощью которого обычно делают фейерверки? Если не знаете — ваше счастье! Кхитайцы додумались использовать смесь серы, селитры и угольной пыли не только для развлечений, но и для целей военных. Когда я ездил в Кхитай, видывал, как «мастера огня» при помощи маленького бочонка этой жуткой крупы уничтожали огромные деревянные и каменные башни.

Судя по всему, надвратный барбикен Эвербаха пал именно под действием похожей смеси.

Башня начала распадаться на каменные обломки с самого верха — вначале зубцы, третий этаж, второй, первый... Вылетели ворота, распавшись на великое множество острых щепок. Неповрежденной осталась лишь дорога. Буквально рядом со мной, всего в двух шагах, оземь грянулось тело месьора губернатора. У Остарта была оторвана рука, снесена половина черепа, а в груди и животе застряли тяжелые, окрашенные кровью каменные осколки. Гвардию смело, будто ветром. Магическим ветром. Некое изумительное дуновение лишило пеших и конных мечей, вырвало из рук копья и алебарды, лошади взбесились и понесли, возле Полуночных ворот образовалась невероятная сумятица...

А я полулежал-полусидел возле крепкой кирпичной стены какого-то купеческого амбара и наблюдал за буйством Красного Волшебства. И ничего не пытался предпринять, зная, что в случае сопротивления красное волшебство меня раздавит также, как кованый каблук раздавливает в щипатку лягушонка, попавшегося на дороге.

Все-таки не зря я читал книги о древнем волшебстве эпохи Роты-Всадника. Ныне я столкнулся с тем, что описано в книге «Кэннэн Гэллэр» — победа, взятая из некоего магического существа, ибо таковым существом можно именовать любую вещь, несущую в себе изощренный и непонятный людям разум древних.

Внезапно красный поток склынулся и я почувствовал облегчение. Огляделся...

Ворот как не бывало, равно как и надвратной башни. Ровненький проезд, вокруг валяются камни и кирпичи, четверо-пятеро мертвых стражей, но не более. Выжившие медленно шевелятся, словно приходя в себя после неожиданно налетевшей бури.

Я покряхтел, поддержал левой рукой ушибленное плечо и поднялся на ноги. Любопытство вело меня вперед.

Всадники входили в столь неожиданно павший город с видом истинных хозяев. И только Тотлант, сын Менхотепа, был у них на пути.

— Эдмар, граф Крейн? — осведомился я у вохдя. По рукаву текла кровь из обширной ссадины. — Не ждал тебя увидеть настолько быстро.

Девочка, носительница Красного волшебства, переглянулась с графом. Крейн ожег меня взглядом и неожиданно ласково улыбнулся:

— Маг из Пограничья? Мы познакомились вчера, правда? На дороге?

— Тотлант, сын Менхотепа, к вашим услугам, граф.

Девушка, восседавшая в высоком седле игрушевой лошадки, вздернула удивленно брови и громко сказала:

— Тотлант? Ты был знаком с моим отцом и считался другом семьи?

Я опешил.

— Госпожа Ринга? — заплетающимся языком спросил я.

— Госпожа Ринга — моя мать, — ответила девушка. — Позвольте себе назвать имя. Долиана, ба-

ронесса, а ныне и герцогиня Эрде. Единственная наследница титула нашего рода.

Я вздохнул и не нашел ничего умнее, как сказать:

— Добро пожаловать в Эвербах. Похоже, теперь вы управляете этим городом?

Долиана подумала и вдруг спросила:

— Если ты Тотлант, сын Менхотепа из Луксура, знаменитый оборитель Небесной Горы и придворный волшебник Эрхарда, находящийся в Немедии, то значит... Король тоже здесь?

— Неподалеку, — выдавил я, отсматривая, как из кармана широкой кожаной куртки госпожи Долианы выбивается странное красное сияние. — Госпожа, я прошу ответить, какой магией ты владеешь?

— Магией? — рассмеялась лочь Морадина, герцога Эрде. — Магией владею не я. Я вовсе не магичка, не волшебница и не колдунья. Тотлант, ты же старый друг нашей семьи! Ты должен разобраться! Смотри!

Она потянула руку к карману и извлекла большой красный камень, обрамленный в ажурное кольцо. Золотая цепочка. Оправа имела вид золотого дракона, свившегося в кольцо.

Я, едва увидев сокровище госпожи Долианы, долго не думал. Я просто упал в обморок.

И так будет с каждым волшебником, кто посмотрит на источник Алого Сияния. Если он не подготовлен к столь неожиданной встрече.

Глава пятая

Дневник Халька Юсдalia — I.
«По дороге в Бельверус»

Рамсбекк, крепость на границе
Немедии, Аквилонии и Офира.
5 день Второй весенней луны.

Всем известно, что знаменитая Дорога Королей, начинаясь возле стен Мессантии Аргосской, вначале направляет путешественника на полночь, к столице Аквилонии, затем поворачивает на полуденный восход и выводит к одному из самых удивительных городу Заката — Рамсбекку.

Рамсбекк уникален тем, что за последние столетия не менее двух десятков раз переходил из одного подданства в другое, попеременно бывая владением Аквилонии, Немедии, Офира и снова Аквилонии... Два десятилетия назад, в соответствии с Шамарским уложением о проведении и

обозначении рубежей стран Заката город передали в вечное владение Трона Дракона. Но самое смешное в том, что Рамсбекк изначально был построен четвертой стороной, а именно Кофом, когда кофийский король Альданус Великолепный распространил свое влияние на половину материка. Так и вышло, что внутри стен Рамсбекка диковинно сплелись приметы четырех культур — немедийская строгость, офирская пышность, кофийская воинственность и авкилонская беспорядочность.

Герб у Рамсбекка четверочастный: щит разделен на равные четверти, в каждой из которых расположен символ одной из стран, некогда владевшей городком. Лев, дракон, корона и рыцарь с обнаженным мечом вполне мирно соседствуют на эмблеме, равно как и обитатели Рамсбекка, говорящие на своем собственном, непохожим ни на какой другой диалекте, созданном из четырех языков.

Но так или иначе, абсолютной властью здесь обладает корона Немедии, на улицах виднеются многочисленные черно-бело-багровые знамена Трона Дракона, стража облачена в темно-синие одеяния (в отличие от Аквилонии, где Конан ввел зеленовато-болотную форму для городских стражников), а вывески лавок расписаны угловатым немедийским алфавитом.

Спрашивается, что я здесь делаю? Я, Хальк, барон Юсдаль Гандерландский, личный библиотекарь и летописец Его величества Конана Канах, моя светлость — ибо так положено имено-

вать тайного советника короля — моя честь, моя милость и моя высокородность? Ответ: моя высочайшая персона сопровождает персону еще более высочайшую, а именно — светлейшего герцога Пуантенского Просперо, совсем недавно унаследовавшего от скончавшегося прошлой осенью дядюшки все титулы, гербы и почести, «первейшего дворянина после короля», как в настоящее время именуется его положение. Не спорю, старик Троцеро был верным другом и помощником короля Конана, но увы, его жизненный путь столь безвременно оборвался, позволив наконец блестательному племяннику стать вторым человеком в государстве.

Вот он едет. Черный бархат колета, такой же черный плащ, расшитый золотой нитью, взгляд ну настолько величественный, что тошно становится, над головой ихней светлости весело хлопает на ветру темно-синее знамя с пуантенскими леопардами, длань утверждена на поссребренной рукояти меча... Словом, иной король позавидует Рамсбекку.

Кстати, о королях. Кто это там тащится в последних рядах торжественного кортежа, как всегда вываливаясь из общего ряда и сварливо препираясь с каким-то гвардейцем из Черных Драконов? Прелюбопытная картина — теперь в свите его светлости герцога Пуантенского (равно как и в свите самого короля Конана) ради лишней экзотики и пущей красоты наличествуют — о ужас! — самые настоящие горцы. Так называемая «Дикая сотня», хотя на мой просвещен-

ный взгляд, слово «дикая» здесь можно запросто переменить на «одичавшая». Конан около года назад решил создать еще один отряд личной гвардии, набрав туда — вы не поверите! — горских варваров из провинции Темра и даже десяток киммерийцев, по каким-то причинам покинувших свою полуночную родину. Таким образом, Конан выделил в сопровождение Просперо два десятка живописных варваров, облаченных в чудовищные одеяния, именуемые ими «фейлбрекенами» — неприличествующая для мужчины клетчатая юбка и длинноющий, соответственно клетчатый, плед намотанный по талии и переброшенный через левое плечо. Добавим к общей картине заплетенные косички, огромные мечи за спинами, отталкивающие рожи в шрамах и синяках (кулачные забавы — любимое развлечение наимея «Дикой сотни») и непринужденные манеры. Когда эти лохматые монстры проезжают по улицам, дети начинают плакать, женщины прячут лица, мужчины хватаются за ножи, а хозяева питейных заведений немедля закрывают двери, опасаясь погромов.

Конан посчитал, что столь диковинное (во всех смыслах данного слова) дополнение к гвардии вызовет зависть у соседних монархов и был абсолютно прав — королева Чабела Зингарская, близкая подруга Конана, уже завела в Кордаве схожий отряд головорезов.

Так вот, о королях и их охране. Командует двумя десятками темрийцев и киммерийцев некий Бриан Майлдаф из той самой Темры, а в де-

сятниках у него ходит высоченный черноволосый тип по имени Коннахар Гленнлах — настоящий киммерийский дикарь в багрово-черном пледе. Месьор Коннахар является собой большую ходячую неприятность: десятник грубит коман-диру, посмеивается над герцогом Просперо, ко-торого именует не иначе как «гусаком» и утвер-жает, что Пуантену давно пора сменить гербо-вое животное с леопарда на означенного гусака, таскает у меня вино, на привалах играет в кости и, разумеется, жульничает, а уж про его поведе-ние в крупных городах, где человеку доступны любые развлечения и удовольствия, лучше не говорить. Мы выехали из Тарантии четыре дня назад и за это время его светлости герцогу при-ходилось трижды заступаться перед местными властями за буйного Коннахара, учинившего без-образия в кабаках, и один раз даже выкупать из тюрьмы (это случилось в Шамаре, который мы проезжали позавчера) за попытку убийства. Де-сятника в кое-то веки обжалили при игре в зернь, а он, разумеется, возмутился.

Вроде не мальчик уже, человек в годах. Со-всем недавно отпраздновал сорокапятилетие, а ведет себя как последний болван.

Раскрою великий секрет: под именем Конна-хара из Гленнлаха скрывается ни кто иной, как его королевское величество, государь и владе-тель Аквилонии, великий герцог Пуантенский, Танасульский и Боссонский, владетель Таурана, Гандерланда и Атрены, такожде и господин всех земель Заката и Полуночи Конан I Канах, коему

наконец-то позволено хоть немного отдохнуть от скучных обязанностей, налагаемых на него титу-лом и положением. Вот он и ревнится, поражая мирных поселян варварскими манерами и легко-стью поведения.

Приглашение на коронацию принца Таракса, ставшего законным королем Немедии, пришло в Тарантию на имя Конана, его звали на торжес-твенную церемонию именно как короля, но вар-вар решил отправить в Бельверус своего лично-го представителя, герцога Просперо, и учинил дурацкий спектакль с переодеваниями. Разуме-ется, вся свита Просперо (замечу, состоящая из самых проверенных и верных людей) знает, что десятник Коннахар отнюдь таковым десятником не является. Однако Конан строго-настрого за-претил даже думать о том, что он король. Кон-нахар — только Коннахар и никто больше! Про-сперо немедленно воспользовался таким положе-нием дел и после вызволения «десятника» из шамарской тюрьмы устроил ему громкую выво-лочку. Конан стоял, слушал, весьма натурально краснел и клялся всеми богами, что больше та-кого не повторится.

Комедианты!

Короче говоря, Просперо со свитой общим количеством шестьдесят дворян и военных (ис-ключая лошадей, повозки с подарками Тараксу и слуг) направляется в столицу Немедийского королевства, дабы выразить от имени Трона Льва всемерное почтение любезным соседям и заклятым друзьям. Только что мы миновали ак-

вилонскую границу, предъявили монаршие подорожные стражам рубежей Немедии и въехали в Рамсбекк.

Судя по всему, ночевать предстояло в аквилонском квартале городка, а именно — в пышном здании торговой ратуши, выстроенном на средства наших купцов. Управителя гильдии заблаговременно оповестили о прибытии важных государственных персон (Просперо, два его помощника, капитан гвардии Черных Драконов Вилькон) и посему апартаменты наверняка подготовлены. Вместе с Просперо останутся его телохранители и несколько офицеров, остальных же предполагается расселить в ближайших домах. Из этого следует, что Конан-Коннахар сегодня опять устроит дружескую вечеринку в каком-нибудь постоялом дворе и снова ограбит полную меру неприятностей и простецких приключений, столь милых его сердцу.

Как персона, приближенная к трону и вообще почти что великая, я ехал во втором ряду кортежа вслед за его пантеонской светлостью — положение обязывает. Все-таки тайный советник! Тяжелая шапка из меха черно-буровой лисы давила на голову, шею отягощали цепь с орденом-гербом Большого Льва (драгоценную побрякушку мне высочайше пожаловали после событий Полуночной Грозы) и собственно баронская цепь с эмблемой семьи Юсдаль. Добавьте к этому церемониальный плащ, одежду и оружие. Удивительно, почему лошадь до сих пор не сломала спину, таская на себе эдакую тяжесть?

Просперо заставил всех свитских облачиться в эти чудовищные ризы, дабы придать высочайшему посольству надлежащий блеск. Тут невольно позавидуешь Конану и его приятелям — две рубахи, нижняя и теплая поверх, да шерстяной плед, которым обтягиваются бедра, а окончье набрасывается на левое плечо. Тепло и просто. Все-таки в горской одежде есть свое удобство.

Замечу, что Конан направляется в Бельверус отнюдь не ради собственного удовольствия. В Аквилонии хватает своих трудностей, но сейчас, в отсутствие Конана и Просперо, государством управляет великий канцлер, герцог Публио Форсеза — он, несмотря на преклонный возраст, отлично справляется с делами. Конан же решил поехать в Немедию, лабы лично и негласно разобраться с крайне неприятной историей, окончившейся гибелью герцога Мораддина и его семьи.

Мораддина и Рингу Эрде я отлично помню по истории шестилетней давности, связанной с Зеленым Огнем, да и после подступившей со склонов Граскаала грозы его светлость приезжал в Тарантию. Во время войны со Страбонусом Кофийским Мораддин во многом помогал нашей армии и лично королю.

Его внезапная смерть привела Конана в необузданную ярость и по получении спешного письма из Бельверуса варвар едва не объявил войну Трону Дракона, ибо подозревал, что дело нечисто — не могут так просто уничтожить второго после короля человека! Сами подумайте, что случилось бы, если у нас в Тарантии разгром-

мили дворец герцога Просперо и перебили его семью!

Когда мы (я, Просперо, Публио и еще некоторые близкие друзья) отговорили Конана от столь безумной затеи, он немедленно придумал новый план. Поехать в Бельверус и во всем разобраться самостоятельно. Конан понимал, что король, при визите в чужое государство, обременен множеством обязанностей и всегда находится на виду, и поэтому отправился вместе с нами инкогнито. Среди жителей Тарантии пустили слух, будто Его величество отбыл в Зингару, на Полуденное Побережье — отдохнуть.

Так родился на свет «десятник Коннахар».

* * *

Вот и ратуша аквилонского квартала Рамбекка. Приятно увидеть знакомые алые знамена с поднявшимся на дыбы львом. Тут же паслась целая компания встречающих его светлость герцога и посла — самые уважаемые кутицы, отдельной кучкой собрались напи дворяне, живущие в Немедии или проезжающие через городок на родину, немедийский бургомистр с помощниками... Городская стража в почти новых мундирах выбросила мечи в положение «подвьсь», а я подумал, что здешние блюстители должны понять — настало время очередной ежегодной чистки оружия. Слишком уж заметны пятна ржавчины.

На церемонии встречи я играл вторую роль. Торжество осталось на долю Просперо — герцогу

преподнесли подарки, городской наместник приветствовал его от имени Трона Дракона, немедийцы сыграли на флейтах и барабанах громкий и немелодичный марш. Засим началась привычная суета. Лошадей — в конюшню, повозки — во двор, гостей — по комнатам... Мне отвели малюсенькую каморку с лежанкой и столом, которую в обычное время наверняка занимал скромный купеческий приказчик. Слуга принес вещи, я наконец-то переоделся в простое платье и совсем уж лумал завалиться спать до ужина, как дверь распахнулась от пинка.

— Конан? — вскинулся я.

Их величество громоздились на пороге, сверкая белыми зубами и черно-красной клеткой фейл-брекена. Сейчас Конан выглядит как самый настоящий варвар, не отлишишь! Волосы схвачены сзади в хвост, с висков спускаются четыре тонкие косички, по две с каждой стороны. Еще одна косичка заплетена на макушке — киммерийская традиция, так называемая «обетная косичка», которую можно расплести только при выполнении назначенного гайса.

Гайс — тоже исконный варварский обычай. Обет, клятва, зарок, непременное дело, которое обязательно нужно выполнить. Конан дал себе гайс, ибо гайс назначается не другому человеку, а только самому себе: отыскать убийц герцога Мораддина и расправиться с ними. Именно поэтому в косичку вплетен маленький серебряный меч, не более пальца размером. Одним словом, живописная картина.

— Пойдем, пива попьем, что ли? — произнес Конан слова, которые я подсознательно ожидал услышать. — Тут совсем рядом есть роскошная таверна, зовется «Свинья на вертеле». Это папи разведали — сам знаешь, киммерийцы всегда первым делом узнают, где можно хлебнуть доброго эля.

Добавлю, что кроме Конана, в двух «диких» десятках, водимых Брианом Майлдафом, числилось еще семеро киммерийцев, один из которых (кажется, его зовут Крускрайд из Бойне? Никогда не мог запомнить языкомные киммерийские имена!) даже приходился Конану отдаленным родственником по линии его матери.

— Ну, пошли, — внезапно я ощутил голод. Конечно, с самого утра ничего не кушали. — Только платиши ты.

Конан, всегда отлично ориентирующийся в незнакомых местах, провел меня по лабиринтам коридоров ратуши, попутно болтая о какой-то ерунде, мы вышли на боковую лестницу здания, я рассеянно слушал излияния варвара о его лошади, потерявшей подкову...

— Господин... А господин! Подай на еду! Не для себя прошу, а для нее!

Кто-то ухватил меня за рукав и, когда я обернулся, пришлось отшатнуться. На нижней ступеньке всхода торчал здоровеннейший, не меньше Конана, а может и больше, детина. Черная борода, ужасающее разбойная рожа и в то же время... Такой взгляд может именоваться только словом «благостный». Громадный разбойник едва

не плакал, в его маленьких глазах я не заметил никакой угрозы.

— Для нее! — чернобородый ткнул пальцем в невысокую худенькую нищенку, которая, скривившись, полулежала на ступенях поодаль. — Помирает она, господин... Надо хотя бы курочку купить. Живую.

— Попиши! — рявкнул Конан, отталкивая ногой попрошайку. Я, однако, дернул за ремешки кошелька, не глядя, нашупал пальцами монетку, подал и только потом сообразил, что одарил нищего «двойным львом», самой драгоценной аквилонской монетой из сплава платины и золота. Не отбирать же теперь?

— Спасибо, господин! — запричитал здоровяк. — Госпожа совсем больна! На такую денежку не то, что курочку, поросенка можно купить! Добрый господин! Спасибо!

Конан взял меня за шиворот и повел дальше:

— Эх, благодетель, средства казны расходуешь! Проще пропить было! Да одного Двойного льва хватит, чтобы купить кувшин отличного пунтенского вина. Видел бабу, которая была с бородачом? Страшна, как зеленый демон, но с лица вроде благородная... Наверное, из разорившихся дворян. Громила, небось, верный раб семейства. Сохранил преданность... Ненавижу все это!

— Что — «это»? — уточнил я.

— Рабскую преданность, — буркнул Конан. — Преданность, на мой взгляд, самое лучшее качество человека. Чувство рабства — самое худшее.

— Что же получится, если их смешать?

— Попрошайка-нищий с черной бородой,— невесело усмехнулся король.— И его хозяйка, которая умрет не сегодня, так завтра. Смотри!

Я посмотрел. На улочке, отмеченной по немецким традициям не табличкой, а кованым силуэтом покровителя улицы — лара, которым в данном случае являлась охотничья собака, светилась масляными фонарями вывеска «Свинья на вертел». Тут же прилагалось изображение свиной туши, висящей над очагом, выполненное умелым художником. Судя по всему, богатая и уважаемая таверна.

Когда мы раскрыли дверь, перед нами возвились два грандиозных человека. Иных слов и не подберешь. Каждый выше Конана на полголовы (а варвар отнюдь не является коротышкой, скорее, наоборот).

— А-а, аквилонцы! Слуги господина посланника,— разочарованно произнес самый высокий вышибала.— Прощения просим, благородные господа, что заступили дорогу. В городе неспокойно, вот и бдим.

— Неспокойно? — поинтересовался я.— В каком роде?

— В самом что ни на есть прямом, сударь,— охотно ответил вышибала.— Нежить у нас завелась. Какая-то тварь людей убивает, на части разрывая и кровь высасывая. Ни дать, ни взять, настоящий вампир или вурдалак! Вы проходите, достойные месьоры. Вот на эти стульчики присаживайтесь. Сейчас девку позову, пива принесет.

Или, если хотите, к своим аквилонцам идите. Они в соседней зале.

Я машинально вытащил из кошелька серебряный сестерций и подал громиле. Тот, повинувшись жесту Конана, сгинул с глаз, попутно кликнув трактирную служанку. Мы заказали жбанчик черного эля, горячую телятину со специями и стали ждать.

— Не выходит у меня из головы эта нищенка,— вдруг поморщился Конан.— Хальк, ты же знаешь, память у меня неплохая... У женщины половина лица была прикрыта тряпьем, но... Такое чувство, что она мне знакома!

— Мало ли у тебя знакомых,— я безразлично пожал плечами.— Привет из прошлого? Может быть, ты встречал ее лет пятнадцать назад, когда она выглядела получше?

— Нет, позже, гораздо позже,— сказал Конан, морща лоб.— Совсем недавно. Год, два назад... Но где? Ладно, плевать! Глянь, какой замечательный эль! Только что сварен! А плотный какой! В таком эле даже Бриан Майлдаф не утонет, хоть и скуден разумом! Ну что, выпьем за удачное посольство герцога Просперо?

И мы выпили. Однако, если бы я знал, какая веселая ночь нам предстоит, ни за что бы не стал пить хмельного.

* * *

Я уже похвастался всеми своими титулами и чинами — тайный советник, библиотекарь, кава-

лер ордена Большого Льва и так далее... Но при внешнем великолении мое жалование «государственного человека» составляет лишь полтора кесария в день. Соответственно, за один лунный месяц (то бишь за двадцать девять дней, включая праздники) казна выделяет моей персоне сорок три кесария. Вычтем налог и получим ровно четыре десятка золотых монет с вензелем «КК» — «Конан Канах» — которые нужно добывать с боем, скандалом и угрозами немедленной отставки. Полагаю, всем известно скучердяйство канцлера Публио: на свое ведомство он денег не жалеет, но, когда видит умирающего с голода библиотекаря, немедленно становится неимоверно прижимистым. Конечно, меня во дворце кормят, погят, одевают и бесплатно развлекают за счет казны, но это отнюдь не возмещает угнетающего чувства постоянного безденежья. Именно поэтому сегодняшним вечером я пил за счет короля: с Конана не убудет, это во-первых, а во-вторых, я и так чересчур разорился, бросив нищему целого Двойного льва!

— Х-хальк, п-пойдем гулять?

Это сказал Конан, поглотивший два с половиной жбанчика темного эля. Короля слегка развезло, взгляд стал мутным, а речь невнятной. Стареет он, что ли? Или просто устал?

— Нет-нет, никаких гулянок, — поспешило отказался я. Ночные прогулки с Конаном, знаете ли, чреваты. Потасовка с уличной стражей и громкая попойка в дешевом борделе — лишь самое меньшее из предполагаемых приключений.

На колокольне ратуши совсем недавно отбили полночь.

Мы отлично поужинали и даже умудрились напиться, хотя для последнего действия много ума не нужно. Конан додел до той легкомысленной стадии опьянения, когда его начинает тянуть на авантюры, причем на авантюры откровенно дурацкие. Например, сейчас ему взбрело в голову всенепременно забраться на ратушную башню и громко позвонить в колокол. Пускай горожане удивятся: этой ночью полночь случилась два раза!

В «Свинью на вертеле» заходили последние, запоздавшие гости — немедийская стража иочные работники вроде пекарских подмастерьев: к рассвету каждый житель Рамсбекка должен купить свежий хлеб. Они проходили к стойке хозяина, заказывали пиво, вино или горячую настойку на травах, с любопытством посматривали на облаченного в фейл-брекен Конана (даже в столь пестром городке, как Рамсбекк, горских дикари остаются живой редкостью), мирно усаживались за столы и беседовали о делах. Обычная таверна, обычные проституки. Толстая кошка светло-рыжей масти бродит между столами. Благоление.

Кошка вдруг выгнула спину и зашипела. Причина для такого поведения у неразумного животного имелась — дверь распахнули пинком, на пороге «Свиньи на вертеле» образовался человеческий силуэт, а мое обостренное обоняние ощутило явственный запах свежей крови.

Силуэт по внимательном рассмотрении обернулся довольно-таки рослым немедицем в белой форме таможенной управы Трона Дракона. Белоснежный, с иголочки, колет щедро испятнали мокрые багровые разводы. Действительно, настоящая кровь! Драка на ножах, что ли, случилась? Не может быть! Сейчас, когда в городе остановилось посольство аквилонского короля, Рамсбекк охраняется с двойной тщательностью. На улицах не протолкнуться от стражи.

— Чудовище! — взвыл окровавленный.— Помогите! Быстрее же!

Конан всегда являлся человеком практическим и потому, подавшись чуть вперед, громко вопросил:

— Где?

— Не вмешивайся,— поморщился я.— Откуда здесь взяться чудовищу? Мы ведь не в горах Иранистана и не в стигийском склепе! Сиди и пей!

Немедиц продолжал орать — мол, в соседнем доме случилось жуткое убийство. Там засел настоящий вампир! Да что вампир, хуже! Каттакан, не иначе!

Конан отстранил мою руку, поднялся и направился к выходу. Оставалось лишь поспеширь за ним. Не бросать же короля в опасности? Две офицеров стражи, сидевшие в таверне, с ворчанием отправились вслед, какой-то молодой черноволосый парень, весь вечер молчаливо потягивавший красное вино, тоже внял паническим призывам и поднялся из-за стола. Когда мы вы-

шли на улицу, выяснилось, что компания охотников на монстра теперь составляетя из шестерых вооруженных и полупульяных мужчин. Служащий таможенной управы, не громко переставая паниковать, бегом направился к соседнему строению — двухэтажному кирпичному домику с вывеской «Шорная торговля. Седла и упряжь». В окнах первого этажа мелькал свет, оттуда доносились встревоженные голоса и чей-то низкий, угрожающий рев, смахивающий на медвежий.

Ворвавшись в дом, мы застали прелюбопытную картину. Конан аж рот раскрыл. Тот самый нищий, которого я совсем недавно одарил Двойным львом, стоял перед лестницей, ведущей на второй этаж, и неразборчиво голосил, вертя над головой тяжеленный кузнецкий молот. Патруль стражи, явившийся на зов хозяев, теснился у нижних ступенек, даже не пытаясь приблизиться к высоченному громиле в лохмотьях. Он выглядел не просто опасным, а буквально звероподобным — щерил зубы, выкрикивая проклятия, топотал ножищами и вообще представлял из себя живое воплощение аллегории Ярости.

— Это и есть ваше чудовище? — осведомился Конан, преспокойно разглядывая бородача.— Да, страшен и преужасен.

Таможенник молча ткнул пальцем в дальний угол комнаты. Мы посмотрели.

Давненько я не видел ничего подобного. Буквально с тех самых времен, когда два года назад путешествовал в Халогу Гиперборейскую и любопытства ради отправился на арену, где ара-

лись гладиаторы-смертники. Тогда на моих глазах горный барс разорвал в клочья троих бойцов. Выглядели они примерно также.

Тело валявшегося на полу человека расположили длинными глубокими ранами, какие можно нанести только когтями дикого животного, шея разодрана до такой степени, что голова кажется оторванной... А кровища! Даже не лужа, целое небольшое море темно-багрового цвета.

— Это не он! — выдавил один из стражников, почему-то указывая на бородатого нищего.— Это сделала... женщина!

— Женщина? — поразился Конан.— Как же ес, беднягу, надо было довести! Кстати, куда она делась?

— Прячется на верхнем этаже! — проорал десятник стражи.— Сумасшедшая тварь! И этот мерзавец такой же спятивший! Он нас не пускает!

— Ах, значит, не пускает? — кивнул варвар.— Ну-ка, пропустите... Посторонись!

Конан легким хищным шагом подошел к лестнице, ловко увернулся от удара молота, расщепившего деревянные перила, и, даже не используя клинка, сбил бородатого с ног — потребовался один точный удар кулаком в кадык.

— За мной! — скомандовал варвар в ответ на уважительные взгляды немедийцев.— Этого типа свяжите покрепче!

Конан победоносно глянул на меня, ярко выражая взглядом следующую мысль: «Вот тебе и приключение! Ура!»

Мы всей толпой ринулись наверх. Двое стражей в темно-синей одежде остались связывать бородатого здоровяка.

За дверью обнаружился длинноящий коридор, проходивший через весь второй этаж. Две осторожно обследованные нами спальни оказались пустыми, если не считать кровавых следов и перевернутой мебели, а вот за третьей дверью...

Это существо сидело над трупом хозяина шорной лавки и лакало кровь, вытекающую из жилы на шее. Да, именно лакало. Причмокивало, урчало и вообще выглядело донельзя счастливым. Услышав наши шаги, подняло голову и громко зашипело, оскалив изогнутые клыки.

— Нищенка,— ошеломленно протянул Конан, застыв на пороге.— Та самая!

— Убить мерзавку! — решительно взревел десятник, не собираясь, однако, являть пример доблести и первым соваться в пропитанную запахом смерти комнату. Чудовищное создание потеряло к нам интерес и вернулось к прерванной трапезе.

Кто-то из стражников забормотал молитву, взывая к Митре и убедительно Солнцезарного прося испепелить это порождение Сета.

Немедийца внезапно отстранили. Тот самый парнишка, пришедший вместе с нами из таверны, и выглядевший от силы лет на двадцать-двадцать пять, с легкостью отодвинул стража, оттолкнул Конана, взгляделся в женщину, не обращавшую на нас никакого внимания, после чего обернулся и невозмутимо потребовал:

— Уходите. Она слишком опасна.

— Куда «уходите»? — взъярился десятник.— Она умом тронутая! Клыки видишь? Это же вампир! Ее надо прикончить, пока не сбежала!

— Уходите обратно в трактир,— ласково повторил темноволосый, произнося слова с заметным раскатыванием согласных звуков, как говорят на Полудне, и изучающе покосился на Конана.— Ты, киммериец, можешь остаться. Прочие — уходите. Вы ничего не видели.

Он быстро отмахнулся рукой, вычертив в воздухе какой-то знак. Стражники, к моему вящему удивлению, слаженно развернулись, приобретя спокойно-безразличный вид и, не говоря ни слова, удалились, едва ли не печатая шаг.

Немыслимо! Мысленное внушение! Кто такой этот парнишка?

А мы с Конаном остались. В обществе поврежденной разумом нищенки и странноватого юноши в черно-зеленой одежде жителя Полуденного Побережья.

— Как это понимать? — осведомился Конан, озадаченно глядя то на взъерошенную женщину, старательно облизывавшую окровавленные пальцы, то на чрезвычайно расстроенного зингарца.— Только не говори, что это твоя подружка! И вообще, почему ты решил, что я киммериец?

— Наряд,— темноволосый парень ткнул пальцем в фейл-брекен Конана.— Люблю варваров — они такие незамысловатые... И почти ничего не боятся. Поэтому я тебя и не отоспал. Твой друг похож на лекаря (зингарец кивнул в мою сторо-

ну). Производит впечатление человека умного и не подверженного глупой панике.

— Впечатление совершенно ошибочное,— пробормотал я, зачарованно глядя в черные с золотистыми искрами глаза зингарца. С какой стати я решил, что этот человек юн? Он наверняка моего возраста, то есть лет тридцати, а обманчивое впечатление молодости возникает из-за хрупкого сложения и невысокого роста! — Что ты собираешься делать с этой... этой дамой?

— Усыплю,— кратко отозвался новый знакомец.— До этого времени даже не думайте подойти к ней — убьет.

— Да что здесь происходит?! — возмущенно рявкнул Конан.— Кто она такая? И что ты здесь делаешь? Ничего не пойму!

— Она — моя сестра.

— А ты в таком случае кто?

— Ее брат,— вполне справедливо ответил зингарец и улыбнулся. Я онемел, когда увидел мимолетно сверкнувшие зубы молодого человека — четыре тонких острых клыка. Гуль! Рабирийский гуль! Вот влипли!

— Митра Всевидящий! — Конан схватился за голову.— Хальк, я ее узнал! Ринга! Провалиться мне на этом месте! Ринга, герцогиня Эрде, жена Мораддина! Невероятно! Этого просто не может быть! Хальк, держи меня крепче, упаду!

— Не надо никуда падать,— прескокойно ответил зингарец.— Если судить по твоим воскликаниям, ты знаком с моей сестрой? Отлично, это намного упрощает дело. Возьмите веревку, ес-

придется связать. Да, странствие по дорогам прошлого порой заводит в неожиданные дебри... Варвар, очнись! Я, кажется, велел принести веревку!

* * *

Отнюдь не следует считать рабирийских гулей чудовищами и исчадиями Нижней Сфера. Гуль очень схож с человеком, единственным исключением являются клыки, украшающие верхнюю и нижнюю челюсти, да острейшие когти, втягивающиеся в ногтевое ложе наподобие коготков кошки. Гули, называющие себя «Детьми Ночи» или «Бегущими в ночи» — «Гвиллион», являются одной из древнейших разумных рас, обитающих на нашем материке. Они старше людей, старше оборотней и даже гномов, но, увы, к вящему сожалению ученых мужей, никто в точности не знает (кроме самих гулей, разумеется) откуда они взялись и почему стали такими, какие они есть. Обитают гули в Рабирийских горах, своеобразном маленьком государстве, занимающим часть территории Зингары на полуночном восходе этой прибрежной страны.

Как человек начитанный и любознательный, я в течение нескольких лет пытался выяснить хоть какие-нибудь подробности о таинственной жизни на правобережье Хорота, однако не преуспел — гули надежно хранят свои тайны. Единственным же представителем этого странного племени, с которым я познакомился, до последнего

времени была и оставалась Ринга, герцогиня Эрде.

Не знаю, когда она покинула Рабиры и по какой причине избрала жизнь среди людей. Представления не имею, сколько ей лет, хотя догадываюсь, что госпожа Ринга давным-давно отметила свое столетие — гули живут в пять или шесть раз дольше людей. Могу только догадываться, каким образом дитя чужой расы смогло достичь высочайшего положения и встать рядом с троном одной из блестательных стран Заката. Говоря по правде, я не знаю о ней почти ничего.

Но уверен, что никогда не встречал и не встречу более умной, красивой, своеобразной и более трезвомыслящей женщины, чем она.

Во многом благодаря госпоже Ринге мы выдержали испытания Полуночной Грозы шесть лет назад. В коротких дневниковых записях невозможно перечесть ее заслуги, ибо для того потребовалось бы написание десятка томов. Она удостоилась всех известных орденов Немедии (а орден Чести почитает своим личным проклятием, ибо Ринга получила не менее четырех таких наград в виде огромного рубина, обрамленного платиной), а Конан одарил госпожу Эрде «Большим Львом», кавалерами которого по статуту ордена числятся всего две дюжины людей. Кстати, ныне орденом Большого Льва награждены только я сам, Ринга и ее муж, Мораддин, герцог Просперо, великий канцлер и Конан. Варвар, как человек непринужденный, наградил сам се-

бя после недавно отгремевшей Кофийской войны.

И вот теперь блестательная герцогиня, лучший работник тайной службы Немедии, неоднократно спасавшая трон, мир и покой своей страны, Ринга, некогда одна из самых влиятельных персон двора короля Нимеда, валяется связанный в моей комнатушке, а над ней сидят четверо мужчин и раздумывают, как поступать дальше с ее светлостью. Ринга, изо рта которой торчит кляп из свернутой столовой скатерти, косит на нас злобными желто-карими глазами, явно не узнавая, и изо всех сил пытается освободиться.

— И кто мне отвстит, каким образом моя дражайшая, хотя на редкость взвалмошная сестрица превратилась в животное? — мрачно во-прошал не то у нас, не то у себя самого молодой человек, представившийся братом Ринги. — Ума не приложу, как теперь выковыривать из ее головы это невероятное безумие?

Парень с некоторой высокомерностью именовал себя Рейениром Морадо да Кадена. Имя звучало на зингарский лад, а я припомнил, что да Кадена — одно из старинных семейств Полуденного Побережья. Однако Конан нахмурился и попросил представиться покороче.

Покороче выпло так — Рейе, сын Драго. Сын того самого Драго, легендарного вождя рабирийских гулей... В какие интересные времена мы живем и какие невероятные встречи приуготовляет нам злодейка-судьба!

— Давайте разберемся по порядку, — рассудительно сказал Конан, хмуро поглядывая на Рингу, стараясь вытолкнуть кляп изо рта. — Откуда она здесь появилась? В Тарантию пришло сообщение, что герцог и герцогиня Эрде погибли! И вдруг я встречаю свою старую подругу в немедийской глупи, на границе трех государств, да еще узнаю, что в городе несколько дней орудует безжалостный убийца, каковой, бесспорно, и есть Ринга. В довесок появляешься ты, Рейе... По-моему, в маленьком Рамсбекке скопилось чесчур много гулей, вам не кажется?

— Кажется, — согласился я. — Давайте для начала лучше выслушаем месьбора Клейна.

Означенный месьбор Клейн и был тем самым громилой с рожей каторжника и узловатыми ручищами кузнеца, что размахивал молотом на лестнице дома шорника. Мне и Конану вкупе с братом Ринги пришлось его вытаскивать из неприятностей, которые, само собой, не замедлили воспоследовать после убийства семьи шорника повредившейся умом госпожой Эрде. Во многом нам помог гуль — у рабирийского племени есть врожденная способность к мысленному внушению. Рейе отвлекал стражу, пока Конан выносил из дома завернутое в покрывало тело Ринги, а я тащил за собой бородача — последний был не то телохранителем, не то слугой спящей герцогини.

— Клейн? — я потеребил бородатого за рукав грязной рубахи. — Рассказывай! Как вы оказались на границе? Почему пришли в Рамсбекк?

— Чего говорить, господин? — угрюмо прогулел разбойник.— Их светлость герцог, когда жена умом повредилась, приставил меня за госпожой присматривать. Она, конечно, опасная, но не вредная. Не капризничает, ест, что дают. Меня никогда и пальцем не тронула. Только ей каждый день свежая кровушка нужна. Теперь совсем плохо стало, раньше-то я госпоже Ринге просят да курей покупал...

— Сумеречное безумие,— неохотно проговорил Рейе, отвечая на наши настойчиво вопрошающие взгляды.— Такое бывает у нашего народа. Переизбыток эмоций и чувств, слишком много тревог и страхов... Болезнь сумерек крайне опасна и почти неизлечима. В гуле просыпается древняя Тьма, частица которой заключена в каждом из нас — проклятие, наложенное на наших предков, служивших Роте-Всаднику, величайшему и несчастливейшему среди божеств Полуночи.

— Очень познавательно,— фыркнул Конан.— Рота-Всадник, крепость Трех Вулканов... Ты говоришь о невообразимой древности! Как можно увязать безумие Ринги и какого-то Роту, сгинувшего десять тысяч лет назад?!

— Не десять, а восемь с половиной,— дотошно поправил Рейе.— Крепость же у трех вулканов звалась Астахэнна... Вы, люди, никогда не даете себе труда разобраться в истинности ми-нувшего. Ладно, это неважно. Мы говорим о Ринге,— гуль осторожно поправил голову сестры, немедля попытавшейся укусить его за на-лек, чemu помешала затычка во рту, и обратился

к Клейну: — Значит, ты утверждаешь, что госпожа начала сходить с ума этой зимой?

— Истинно так, господин,— ответил бородатый.— Ее долго искали, ловили. Госпожа бегала по непотребным заведениям, любилась, простите за выражение, со всяким встречным-ионеречным, потом убивала... Почти тридцатью жизнями совесть отяготила, и это не считая бедолаг, которые попались ей на глаза по дороге от Бельверуса. Едва мы из столицы ушли...

— Как ушли, когда? — напряженно перебил Конан.— Куда вы направлялись?

— Госпожа твердила — в Аквилонию, в Аквилонию,— простецки ответил Клейн.— Я что, человек маленький. Ихняя светлость приказал оберегать хозяйку — я и оберегаю. Дом сгорел, мы по подземному ходу ушли. Вовремя в подвал кинулись, потому и не погибли. Едва выбрались наружу, госпожа указала пальцем на закат и начала твердить: «В Аквилонию!». Я госпожу послушался, повел самой безопасной дорогой. А как путешествовать без денег? Воровал, само собой, попрошайничал. Стыд один. Хорошо хоть госпожа сама себя прокармливает...

Рейе скривился:

— Какой позор... Отцу рассказать — не поверит! Гуль никогда не убивает человека ради пищи, мы предполагаем, что употребление крови смертных — божественный ритуал...

— Сейчас будет тебе ритуал! — пригрозил Конан.— Кровопийцы! Еще раз упомянись о подобном — своими руками прирежу!

Гуль оскорбился и высокомерно промолчал.

— Все умерли! — тоскливо вещал Клейн.— Господин Эрде, дочка с сыном... Госпожа чувствует, что родная кровь пролилась и безумствует все больше. Словно мстит человеческому роду. Только меня не трогает. Да я бы на ее месте взял меч и зарубил каждого, кто на пути встанет! Еще бы — всю семью потерять!

Из этого долгого сбивчивого рассказа мы извлекли слишком мало полезных сведений, проливающих свет на недавние события в Бельверусе. Туповатый Клейн не смог ответить на вопрос, кто напал на дом хозяина, сумел ли выжить еще кто-нибудь, кроме Ринги, и что вообще происходит в Немедии — в конце концов, никакие мятежи и бунты не вспыхивают без причин. Самое смешное, что Клейн даже не знал о гибели королевской семьи, ему это было просто неинтересно. Задача Клейна — охранять госножу, чем он и занимался вплоть до нынешнего вечера.

— Может быть, поспрашивать саму Рингу? — неуверенно предположил Конан, посмотрев на Рейе.— Глядите, она вроде бы успокоилась...

— Клян будешь вынимать ты, варвар,— ответил гуль.— И попрошу не жаловаться, если останешься без пальцев.

— Почему ты называешь меня варваром? — осведомился Конан.— Мы же совсем не знакомы! Вдруг я переодетый аквилонский дворянин?

— Посмотри на свое отражение в зеркале,— Рейе ухмыльнулся, не разжимая губ.— Ты-то, может быть, и переодетый дворянин, но длин-

ная череда твоих предков оставляет за спиной столетия беспроблемного варварства. Одна одежда чего стоит! Не понимаю, как можно таскать эти жуткие неудобные тряпки! А какой мужчина заплетает косички во исполнение обетов? Одного не могу понять — ты из Темры или свалился прямиком со скал Эйглофиата? А может быть, из Нордехма?

— Но-но! — Конан пригрозил гулю кулаком.— Еще раз назовешь меня нордлингом — лишишься клыков и всю оставшуюся жизнь будешь тянуть кровушку через тростниковую трубочку. Надо же, не уметь отличить киммерийца чистейших благородных кровей от какого-то пропонявшего сыром скудоумного асира или тугодумного ванира!

— На наш взгляд вы все одинаковы,— вздохнул Рейе и нагнулся над Рингой.— Кстати, в суматохе мы толком и не представились, а этикет обязывает. Ты знаешь слово «этикет»?

— Я еще много других полезных слов знаю,— хохотнул Конан.— Аадно, вот тебе этикет: Конан Аквилонский из Канахов, король Трона Льва. Доволен?

— М-да... Однако... — вот теперь гуля проняло и он воззрился на Конана с безмерным удивлением. Правда, мысли пораженного обитателя Рабиров немедленно направились в противоположную от почтительного чувства сторону: — До чего докатилась цивилизация Заката, подумать страшно. Аквилонией правят варвары! Конечно, до нас, рабирийцев, доходили слухи о новом

правителе Тарантии, но я никак не мог предложить, что это будет выглядеть так... экзотично.

— Я всегда подозревал, что любого гуля кровью не пои, дай только гадость сказать! — огорченно проворчал Конан.— Ринга всегда была такой же. Узнаю манеры. Чего сидишь, вытаскивай кляп, нелюдь! Попробуем поговорить с ее светлостью герцогиней. А ты, Клейн, спустись вниз и поставь на огонь большой чан с водой. Господжу надо хоть немножко отмыть, а то от нее разит, будто от сотни варваров... кхм.

Рейе одной рукой, надавив на лоб Ринге, прижал ее голову к полу, а второй выхватил свернутую в тугой комок льняную ткань. И едва не поплатился — Ринга все-таки успела дернуться и щелкнуть своими остройшими клычками в погудьиме от ладони брата.

— Совсем одичала в людском обществе, — бросил Рейе, пожав плечами.— Ну-с, возлюбленная сестрица, посмотри-ка на меня внимательнее! Кого ты видишь? Ринга, не вертись! Можешь хоть пару мгновений полежать спокойно?

Рейе доверительно посмотрел на меня и на Конана, и громко прошептал:

— Это разбойница всегда была настоящим проклятием семьи! Ринга, ты меня узнаешь?

— Отец? — наконец проворковала герцогиня, по-птичьи искоса Рейе.— Драго, Драго, Драго — дитя лесных тропинок и поющим звезд над сосновами... Здравствуй, Драго. А-а, да здесь еще и аквилонец? Какой ты, однако, клетчатый сегодня...

Конан гордо поправил длинный отрез пледа, закрепленный на плече фибулой, и вопрошающе взорвался на Рейе. Тот лишь руками развел. Видимо, сам ничего не понимал.

— Я не Драго, сестричка. Я Рейенир. Помнишь такого?

— Рейенир, Драго — какая, в сущности, разница? Вы все утонете в красном омуте. Я уже утонула. Лежу себе на дне... Я давно умерла, только никто не догадывается положить меня на погребальный костер, чтобы ветер разнес пепел по залитым красным огнем землям... Здравствуй, Драго, здравствуй. Как поживает Рейенир?

— Что она несет? — прямо спросил Конан, а гуль лишь возвел очи горе.

— Она решила, что я — наш отец. Конечно, определенное семейное сходство имеется... Похоже, ничего толкового мы от Ринги не услышим. Придется снова рот затыкать.

— Так затыкай! — воскликнул Конан.— Между прочим, благородные месьоры, никто не думал о том, что нам следует делать дальше с ее кусачей светлостью? Вы же сами должны понять, отпускать Рингу на свободу категорически не стоит! Она опять начнет убивать, а рано или поздно погибнет сама. А уж о том, сколько чужих жизней положит, я и думать не хочу. Рейе, какие будут соображения?

— Соображения просты, — немедля ответил гуль.— Эту сумасшедшую нужно немедленно вывезти куда-нибудь подальше от людей.

— Как? — не понял Конан.— Спрятать в горах?

— Именно в горах. В Рабирийских,— сказал Рейс.— Я, дорогие друзья, как раз и ехал в Немедию, чтобы вытащить сестренку из неприятностей. Впрочем, это только мое дело. Но если уж вы знакомы с Рингой и хотите ей помочь — помогите мне. Нужен фургон, беспрепятственный проезд по землям Аквилонии до Зингары... Охрана не требуется, я в силах постоять и сам за себя, и за сестру. Вдобавок я возьму с собой этого бородатого дуболома, Клейна.

— Устроить подорожную и фургон я смогу,— ответил Конан.— Все бумаги Просперо подпишет завтра утром. Кроме того, герцогу будет неприятно узнать о том, что Ринга... заболела. Просперо и Ринга знакомы со временем войны в Пиктской Пуще. Если ты доставишь Рингу в Рабиры, это будет полезно и для нее, и для остальных. С тобой можно будет как-нибудь связаться?

— Можно,— кивнул Рейс.— Отсыпай депеши в Ильян — это зингарская крепость на границе. Дом торговца Пратта. А дальше письмо мне передадут со всей возможной быстротой... Что-то я проголодался. Как насчет ужина?

— Моих гвардейцев не трогать! — вскинулся Конан.— Немедийцев жри сколько хочешь...

— Да я вовсе не это имел в виду! — возмущенно перебил гуль.— Фу! Люди — это омерзительно! Даже на вкус! Оставим Рингу здесь, а сами пойдем на кухню. Немного вина, немного крольчатины... И давайте наконец познакомимся хоть чуточку ближе. Все-таки вы называете себя друзьями моей сестры!

Заметки между строк «Родственные узы — I»

Рабирийские горы, Зингара,
побережье Хорота.
13 день Второй весенней луны.

тражники и жители маленькой ар-
госской крепости Лерато, что стоит
у начала Рабирийского тракта, еще
долго строили предположения, га-
дая, какие сокровища могли таиться
в недрах странного фургона, при-
бывшего со стороны аквилонской границы. Фур-
гон, больше напоминавший вместительный ящик
на колесах, тщательно обшитый жестью, сопро-
вождали двое: разбойной внешности возница, до
глаз заросший клюковатой черной бородой, и
надменный молчаливый зингарец.

Парочка заночевала на постоялом дворе «Реч-
ной берег», а утром отправилась дальше, к гра-
нице с Зингарой. Служащие таможенной управы,
само собой, потребовали открыть повозку

для подробного осмотра, но, получив щедрую мзду, намного превышающую размер пошлины, подмахнули бумаги, разрешающие владельцу повозки, некоему Рейенирсу Морадо да Кадена, продолжить путь. Кое-кто шептался, будто в фургоне перевозились средства известного торгового дома «Золотая Башня» из Кордавы, но сплетня звучала совсем уж неправдоподобно. Владельцы «Башни» вполне могли бы нанять охрану получше.

Фургон, запряженный двумя выносливыми лошадьми тауранской породы, быстро преодолел три с небольшим лиги, после чего свернул за указывавшим путь всадником на неприметный проселок и углубился в лес. Там возница произвел еще более удивительный маневр, загнав повозку в ложе мелкой, быстрой реки и таким образом проехав еще с поллиги. Достигнув галечной отмели, всадник и всадавший на передке фургона чернобородый разбойник посовещались, сочли, что приняли все меры для замаскировки следов, вывели повозку на берег и покатали через холмы — где по едва различимым тропам, где напрямую.

Рейе имел основания гордиться собой — он благополучно добрался до дома, нигде не вызывав подозрений и предотвратив ровно четыре попытки сестры удрать. Ринга всегда отличалась упрямством, и даже сейчас, когда ее везли к возможному спасению, настойчиво старалась улизнуть. Рейе и Клейн каждый вечер запускали к ней в фургон пяток куриц или поросенка, но

Ринга желала иного. Ей хотелось охотиться и настигать добычу, вновь и вновь ощущая вкус солоноватой человеческой крови. Сумеречное безумие глубоко запустило свои корни в ее без того измученную душу, сплетя там тускую, непроницаемую паутину. Ринга не узнавала брата и больше не разговаривала. Чаще всего она сидела в дальнем углу фургона, завернувшись в отрез шерстяной материи, отвечая на любые обращенные к ней слова жутковатым протяжным шипением.

Не могло быть и речи о том, чтобы показать отцу и близким *такую* Рингилиан. Сначала нужно попробовать вернуть ей хоть малую каплю разума. Рейе знал, кто может сделать подобное, однако ему очень не хотелось обращаться к этому человеку — единственному, внушившему Рейес Морадо да Кадена необъяснимое чувство тревоги.

Обдумав за время пути все возможные способы помочь сестре, Рейе с тоской понял: иного выхода нет. Отец в лучшем случае ненадолго остановит развитие безумия, отодвинув неминуемую гибель личности Ринги и ее полное превращение в животное на год или на десятилетие. К тому же ее придется держать под постоянным надзором, чтобы она не бежала из Рабиров и снова не начала охотиться на людей.

Кроме сестры, Рейе привез из поездки множество иных поводов для беспокойства и вопросов, для решения которых ему не хватало знаний. Рейе чрезвычайно понравились друзья Ринги и

он надеялся в скором времени отправиться на розыски племянницы, которая явно пошла в матушку и вознамерилась принести преизрядную часть мира в жертву своей (отчасти вполне оправданной...) мести. Для этого предприятия, хочешь — не хочешь, Рейе придется обратиться за помощью и, если удастся, взять с собой попутчика...

Лошади дружно везли подпрыгивающий и скрипевший на выбоинах фургон через светлый буковый лес. Хрустела под колесами молодая трава, выросшая за последнюю луну. Рейе, встав на стременах, прислушивался и принюхивался, догадываясь, что многим уже известно о его возвращении. Дозорные на границах холмов наверняка заметили повозку и узнали ее сопровождающего. Йестиг, Меланталь и прочие друзья Рейе умирают от любопытства и предвкушения долгого, захватывающего рассказа о путешествии, но им придется обождать. Всем придется потерпеть, даже отцу. Сначала необходимо повидать того, кто живет возле уединенного лесного озера, хотя Рейе совершенно не хотелось туда ехать.

Озеро лежало в глубокой низине между поросшими соснами и ельником холмами. Его полуночный край медленно затягивался сплавиной из водорослей, осоки и болотных трав, а полуденный пока оставался чистым. Над спокойным

водным зеркалом приютился двухэтажный дом из золотистых сосновых бревен, обложенный по основанию гранитными валунами.

Рейе махнул Клейну рукой, чтобы тот остановил фургон, и нахмурился, озираясь. Неужели ему не повезло, и хозяин ушел навестить приятелей или, что гораздо хуже, отправился в новое путешествие? Скажем, куда-нибудь на Побережье? В кузнице, расположенной над навесом на открытом воздухе, очаг погашен, дыма над желтоватой драночной крышей тоже незаметно... Хотя на краю поляны бродит, лениво пощипывая весеннюю траву, крупный жеребец редкого дымчато-пепельного окраса.

Заметив гостей, конь вскинул голову и приветственно заржал. Рейе надеялся, что ржание привлечет внимание обитателя дома, но линялая зеленая ткань, занавешивавшая дверной проем, не шелохнулась.

— Никого нету? — понимающе спросил Клейн. В фургоне завозились и чихнули.

— Надо проверить,— Рейе неохотно слез с седла и пошел к тихому дому. Медленно поднялся по трем ступенькам, отполированным ногами многочисленных посетителей. Отодвинул занавеску, заглянул, осмотрелся. Просторная светлая комната, вытертая оленья шкура на полу, потушенный камин, высокие узкие шкафы с книгами, широченный стол, заляпанный восковыми потеками от свечей, и качающийся над ним резной кораблик, подвешенный к балкам потолка — узконосая черная саэта с парусами из

золотистого шелка. Пахло сушеными травами и самую чуточку вылежавшимися пергаментами. В целом комната напоминала обиталище многоученого философа, исповедующего мирную созерцательную жизнь на лоне природы в узком обществе любимых книг и друзей.

Рейе вслушался. Из-за расположенной в дальнем конце комнаты двери доносились легкое шуршание и позвякивание. Гость вздохнул, откашлялся и постучал ладонью по ободверине, громко крикнув:

— Эллар! Эллар, ты дома?

Ответом послужил звон чего-то разбившегося варебезги, треск вспыхнувшего огня и вопль досады, сменившийся настойчивым пожеланием всем любителям говорить под руку немедленно провалиться сквозь землю и обещанием незамедлительно разобраться, кто тут шастает.

Рейе опасливо попятился, зная: когда хозяин дома на озере пребывает в дурном настроении, от него лучше держаться подальше. Прирожденный вспыльчивый нрав обитателя маленького дома, несмотря на прилагаемые старания и разумеренное тихое существование последних лет, порой давал о себе знать.

Часто заскрипели ступени лестницы, ведущей на второй этаж. Рейе мысленно встряхнулся и сосредоточился, как перед поединком или началом опасной авантюры.

Еще не поздно направить события по другой колее — выйти из дома, развернуть фургон, отправиться к отцу...

Астэллар, он же Эллар, он же Рассказчик или Учитель, обладатель множества иных имен и прозвищ (некоторые из коих звучали весьма громко, а другие давно позабылись), с приглушенным рыком ворвался в комнату, выискивая незваного гостя. Рейе невольно попятился, ткнувшись спиной в дверной косяк, и подумал, что любой, впервые столкнувшийся с Элларом, надолго запомнит эту личность и щекочущее чувство растерянного удивления, которое он вызывает. Рейе до сих пор не мог решить, как к нему относиться и посему старался избегать встреч. Если уж Драго, правитель Рабиров, и Совет разрешили Эллару поселиться здесь — пусть живет. Сие дозволение не означает, что Рейенир да Кадена, отлично знающий, кем является — или являлся когда-то — этот человек, полностью согласен с мнением своего отца или тех, кто именует себя «учениками Эллара».

Владелец дома на лесном озере по повадкам частенько смахивал на отставного вояжу: не то аквилонский легат на покое, не то зингарский капитан, решивший после долгих и опасных скиданий осесть на берегу. Он возвышался над низкими жителями Рабиров на добрых три или четыре ладони — широкоплечий, костлявый, никогда черноволосый, а теперь почти седой, негромонный и живо интересовавшийся всем на свете.

Однако имелось в облике Эллара нечто, заставлявшее вздрогивать даже его лучших друзей. Предсказательница Меланталь всякий раз

поневоле отворачивалась и многословно извинялась.

Когда-то очень давно, при обстоятельствах, о которых сам Эллар предпочитал не распространяться, его лицо превратилось в противоестественное соединение двух равных и совершенно несхожих половин.

Левая принадлежала мужчине средних лет: грубовато-красивая, с резко выступающей скулой, упрямым подбородком, иронично сложенными губами и ярко-серым, внимательно поблескивающим глазом в длинных ресницах. То, что находилось справа, больше смахивало на видение из ночного коммара или маску божества смерти, сработанную в Черных Королевствах: буровато-сизоватое месиво заживших шрамов, оставленных прикосновением огня, сросшиеся веки, за которыми прятался незрячий правый глаз, и паутина красноватых язв, тянувшаяся вниз и распространявшаяся на правое плечо. Граница между живой и умершей частями тянулась ровно посередине лица, создавая жутковатый контраст и требуя от собеседников немалого присутствия духа, ибо трудновато разговаривать с человеком, который сохранил только часть некогда краивой физиономии.

Разглядев, кто к нему пришел, Эллар, похоже, слегка опешил — Рейе никогда не был здесь частым гостем. Говоря по правде, он еще ни разу не приходил в дом над озером.

— Рейенир? — Эллар остановился в дверях, вопросительно косясь на посетителя. — Я не

ошибся, ты Рейенир, сын Драго? Мне говорили, ты уехал на Полночь.

— Уезжал и сегодня приехал обратно, — Рейе нахмурился, старательно подбирая нужные слова. — Я хотел бы кое-что тебе показать... и еще попросить совета. Это связано с моей младшей сестрой.

— Хорошо, — Эллар медленно кивнул. — Нужно куда-то идти?

— Нет. Мой фургон стоит прямо возле твоего дома.

Клейн, терпеливо ожидавший возвращения Рейе, которого он, похоже, считал теперь новым господином, изумленно вытаращился, увидев его спутника, но промолчал. Бывший каторжник здраво предпочитал оставлять принятие решений на долю тех, кто поумнее.

Когда с дверец фургона сняли засовы и распахнули их настежь, открывая дорогу солнечным лучам, Ринга недовольно заворчала и спряглась в глубине повозки. Рейе опасался, что сестра, почуяв близкий лес и свободу, рванется бежать, но вышло совсем наоборот — пришлось долго выманивать ее из фургона. Наконец Ринга крайне неохотно вылезла из своего укрытия и, как пугливое животное, забралась под днище повозки, угрожающее шипя на приближающихся к ней людей.

— Вот, — безнадежно сказал Рейе, едва успев снасти руку от очередного укуса дражайшей сестрицы. — Ее зовут Рингилиан или Ринга, у нее Сумеречное Безумие в таком виде, какого доселе

ни разу не встречалось, однако это не самое худшее...

Эллар присвистнул и деловито осведомился:

— А что, разве может быть еще что-то худшее?

* * *

Рассказ о поездке, знакомствах, догадках и предположениях вышел долгим, почти до наступления ночи. Хозяин и гость сначала сидели на крыльце, потом вернулись в дом и устроились за столом. Загорелись свечи в шандале из оленьего рога, на столешнице распластался огромный чертеж земель Немедийского королевства, нащедшийся в книжном собрании Эллара. Клейн распирял лошадей и завалился спать на сеновале над конюшней. Удивительно спокойная Ринга долго бродила по берегу озера. В сумерках она осторожно, по-кошачьи, пробралась в дом, свернулась на шкуре возле разведенного в камине огня и задремала — без ставших уже привычными криков, неразборчивого бормотания и всхлипываний.

— Чрезвычайное удачное стечание обстоятельств, — подвел итог своей повести Рейе. — Мне посчастливилось встретить людей, которые близко знали Рингу последние двадцать лет, и человека, удостоверившего, что ее дочь Долиана осталась в живых. Сейчас эти люди должны находиться в Бельверусе — церемония возвведения на трон нового короля и последующие праздники

наверняка растянутся дней на десять. Если выехать сейчас, я еще смогу перехватить их на обратном пути где-нибудь в Шамаре и узнать последние новости. Но меня волнует не судьба немедийской короны — это, в конце концов, людские хлопоты! — а загадочная вещь, угодившая по воле случая к моей предприимчивой племяннице. Поэтому, — Рейе в задумчивости побарабанил ногтями по столу, — поэтому я и решил обратиться к тебе. У меня есть основания доверять словам этого молодого человека, Маэля из рода Монбронов. Его ремесло — видеть, слышать и запоминать. Он в точности описал предмет, отобранный Долианой у весьма подозрительного колдуна — ксальтотуна. Девушка объявила взятое «ценой крови» и унесла с собой.

— Каримэнон, — почти по слогам произнес Эллар диковинно прозвучавшее название и внезапно едко рассмеялся. — Этого не может быть. Прошлое умерло. Цепь давно распалась. Мертвецы не воскресают!

— Камень, похожий на красный алмаз или рубин, — монотонно проговорил Рейе, повторяя недавно сказанные слова. — Очень большо́й, размером с яблоко или плод апельсина. Плоская огранка, золотая оправа в виде свившегося кольцом дракона. Маэль полагает, что оправа изготовлена лет сто или сто пятьдесят назад где-то в Кофе. Камень обладает способностью менять окраску от багровой до светло-розовой, цвета сильно разведенного вина. Если подольше всматриваться в него, приходят странные видения. Сам

Маэль видел осаждаемую цитадель на морском побережье, его старший родственник, Райан — нечто вроде тронного зала, принц Ольтен — сражение, Долиана — пылающий город, сжигаемый стаей драконов... Они предположили, что созерцали картины далекого прошлого. Райан Монброн, неплохо разбирающийся в колдовстве, назвал камень источником невероятной магической силы. Предыдущий владелец сокровища именно так его и использовал. Долиана, судя по паническим донесениям с Полуночи, расходит Силу направо и налево. Она спалила с помощью Камня две или три крепости, и вовсю привлекает сторонников... — Рейе помолчал и мрачно добавил: — Ольтен и Долиана подняли над войском мятежников крайне странное знамя: поверх традиционных цветов Немедии нашита восьмиконечная крылатая звезда.

Эллар издал приглушенный стон и с размаху ткнулся головой в ладони.

— Они понимают, что творят?!

— Думаю, что нет, — жестко бросил Рейе. — Зато отлично понимаешь ты. Даже если к ним в руки угодил не подлинный Каримэнон, а один из первоначальных кристаллов, изготовленных на пробу, его могущества, соединенного с желанием Долианы отомстить за гибель своей семьи, хватит, чтобы залить кровью половину Материки, а вторая половина развалится сама... Когда восстановление справедливости становится единственной целью и для его достижения в ход пускаются любые средства...

— Я знаю! — раздраженно перебил Эллар. — Века идут, человечество повторяет одни и те же ошибки! А потом люди непременно начинают искать виноватых!

Голоса разбудили Рингу, она пошевелилась и зевнула. Спорщики заговорили шепотом:

— Придется оставить ее здесь, в доме. Я позабочусь, чтобы в течение следующей луны она не могла покинуть окрестности озера. Ее слуга будет по-прежнему присматривать за ней, а в лесу водится достаточно мелких зверьков, которые послужат ей добычей.

— Она поправится? — напряженно поинтересовался Рейе.

— Нескоро, — с искренним сожалением отозвался Эллар. — Пройдет не меньше года, прежде чем к ней начнет возвращаться рассудок.

— Если привезти сюда ее дочь, это поможет?

— Наверняка. Но сперва нужно разыскать эту девушку.

— Значит, ты едешь со мной в Немедию?

— Куда я денусь? — Эллар не то в притворном, не то в подлинном отчаянье развел руками. — Рейе, ты интриган и злоумышленник! Ты знал, что мне придется согласиться. Знал с самого начала, когда явился и принял колотить в дверь!

— Ты вполне можешь отказаться, — заметил Рейе.

— После всего, что ты наговорил? — единственный глаз Эллара нехорошо прищурился. — За кого ты меня принимаешь?

— За воинствующего философа на покое,— хмыкнул Рейе. Глянул на снова задремавшую сестру и склонился над картой: — И за обломок древности, который должен нести ответственность за творения своих рук. У нас мало времени. Через пять дней мы должны быть в Шамаре, пусть даже придется загнать с десяток лошадей. Оттуда, в зависимости от последних известий, мы либо навестим Бельверус, либо отправимся на поиски мятежников...

— Политика,— с отвращением произнес Эллар и скривился, став похожим в неровных свечных бликах на диковинного каменного уродца, каких порой находят в Пиктских Пущах.— Ну почему людям так нравится усложнять себе жизнь?

Конец второй Книги Воспоминаний

Сpirали без слияния

Авторское предисловие к роману...
и краткий очерк истории
Хайборийской цивилизации

1. Возвращаемся в Шадизар!

Если вы живете в Британии, Франции, России, Германии или Америке, имеете образование на уровне школы или колледжа, не говоря уж об университете, то с большой долей вероятности вы можете рассказать, что именно происходило в вашей стране и вокруг ее границ в прошлом.

Общеизвестно, что история, а особенно история так называемых «Темных веков» эпохи варварских завоеваний, есть наука крайне запутанная, неточная и создающая любому исследователю массу проблем. Собственно, на базисе допедящих до нас летописей можно строить любые, самые безумные предположения, и по методу бузины в огороде истолковывать любое событие и

его последствия в угодной вам интерпретации. Я полностью согласен с известным высказыванием, гласящим, что истории как таковой вообще не существует, а есть множество взглядов на одно и то же историческое событие.

Пример. Если в 1100-1200 годах нашего тысячелетия каждый житель Европы, от распоследнего крестьянина до самого великого короля знал, что Крестовые походы — это долг чести каждого христианина, а освобождение Иерусалима от неверных есть великое дело всей жизни, то совсем недавно, в 1999 году, когда отмечалось девятысотлетие взятия Иерусалима армией крестоносцев, представители некоторых аворянских семей Европы приехали в Израиль — извиняться перед арабами и евреями за деяния своих далеких предков.

Лично я подобных действий категорически не одобряю (ну представьте, как правительство Норвегии извиняется перед президентом, например, России, за то, что викинги воевали с древними княжествами Руси. Или как Испания просит прощения у Мексики за завоевания конкистадоров? Бред...) Впрочем, речь сейчас не о том. Показателен сам пример взгляда людей разных эпох на Крестовый поход. Если для графов Булонских эпохи 1099 года он был великим героическим подвигом, то отягощенные современными идеями «европейской демократии» потомки названной семьи полагают, что поход был отвратительной бойней, за которую надо просить прощения.

Кто прав? И те и другие. Каждый прав со своей точки зрения детей различных цивилизаций — раннефеодальной и информационно-техногенной.

Да при чем тут сага о Конане, спросите вы?
Сейчас объясню.

В этом томе я представляю читателю вторую часть большого романа с общим названием «Отмычки Бела», повествующего о юных годах нашего Героя. Напомню, что события романа происходят весной и летом 1264 года, и начинаются они с того, как шестнадцатилетний киммерийский мальчишка пришел в славный город Шадизар, как познакомился с ушлой компанией обитающей в трактире «Уютная Нора», как впервые познакомился с делами Большого мира и что произошло потом... Это роман о людях, жрецах, богах, мафии и великим бардаке, учиненном не такой уж большой компанией мошенников. Полагаю, пересказывать содержание первой части бессмысленно — все поклонники Саги наверняка ее читали. Однако тут возникает одно большое НО.

Дело в том, что история появления Конана в Шадизаре уже давно описана. Тут можно вспомнить повести К. Уэйнрайта «Тигр у врат Шадизара», Д. Мак-Грегора «Пантера с изумрудными глазами», Д. Брайана «Диадема богини»... И еще много текстов разных авторов, в которых Вечный Герой прибывает (в который уже раз...) в столь ожидаемую им столицу Заморы. И персонажи одни и те же, и события похожи друг на

друга как две капли воды — вечно-то мы с Ши Шеламом крадем какие-нибудь магические предметы, вечно-то мы срезаем кошельки и залезаем в чужие форточки, и всегда-то нам ничего кроме розыгрышей с этого получить не удается. И все начинается по новой: кража, выпивка, девочки, пустой кошелек, кража, выпивка, девочки...

— Надоело! — однажды рявкнул я и стукнул кулаком по столу. — Сколько же можно терпеть тупой стандарт в виде вышеописанного замкнутого круга! Хватит! Теперь я напишу большой (но-настоящему Большой) роман о первых годах жизни Конана в Шадизаре! И там все будет правильно. С моей личной, собственной, частной, индивидуальной и персональной точки зрения. Которую, кстати, разделяет значительная часть читателей.

Есть такое событие в истории Хайбории: Конан пришел в Шадизар. Как я уже упомянул, это только событие а взглядов на него может быть превеликое множество. Полагаю, мой тоже интересен.

Основные «параметры» цикла «Шадизарские ночи» я, безусловно сохранил. Город узнаем, непременный Ши Шелам — одно из главных действующих лиц, роман в достаточной степени насыщен привычными шадизарскими шуточками, но есть и второй план, куда более серьезный: становление Конана как личности. Как человека, которого не сумел испортить Город Воров, как человека, сумевшего через двадцать лет стать королем самой великой страны Закатного

материка. Я попытался проследить за тем, как разворачивалась одна из самых грандиозных шадизарских авантюр Конана, в которой оказались затронутыми интересы не только людей, но и сил божественных. Открою небольшую тайну — когда все кончится, извиняться перед Сетом, Иштар, Дэркето и Нергалом за непотребные действия шайки Аластора отправят именно Конана, как самого младшего... Но это в будущем. Длинная история повествующая о случайно найденных отмычках бога воров Бела еще незакончена и недописана до логического финала.

Кстати, одна небольшая деталь. Один из моих редакторов однажды высказал мнение, с которым я абсолютно согласен: Шадизар, это только Шадизар. Город не похожий ни на какой другой; город в котором смешались в невиданном конгломерате Западная и Восточная цивилизации Хайбории. А потому, я разделяю точку зрения означенного редактора — Шадизар не должен быть похож ни на Багдад из «Тысячи и Одной ночи» или на Флоренцию из итальянских сказок. Шадизар уникален. Он незаметно соединяет все элементы волшебных сказок и плутовских романов, Заката и Восхода, магии и реальности жизни...

Я полюбил этот город. Наверное, навсегда.

2. А что же Хайбория?

Как сказал один из классиков, «история ми-дян темна и непонятна».

Всем известно, что «официальная история» Хайборийского материка исчисляется со времен святого Эпимитриуса, и то далеко не все авторы придерживаются данного положения, шествуя вслед за основателем Саги Робертом Говардом. Говард в соответствии с традициями литературы 20-30-х годов XX века был прост и незамысловат. Берется с потолка цифра в 20 тысяч лет, в следующем рассказе 20 тысяч почему-то превращаются в пять... или в пятьдесят пять. Обнаруживается магический артефакт, которому 15 тысяч лет, или гробница, которой тридцать... В общем, все это было во времена Валузии, а когда были времена Валузии — никто не знает и знать не хочет, потому что это якобы не принципиально.

А ну-ка, почтенный читатель, верни эту книгу на полку, пойди в исторический музей и найди хотя бы один предмет, возврат которого измерялся бы тремястами столетиями. Ну, или полутура сотнями.

Замечу, что самые старинные артефакты, хранящиеся, например, в Британском музее Лондона, датируются (приблизительно!) эпохой 8000 года до Р.Х., а все, что старше — вроде черепов птикантропов — отстоит от Рождества тоже весьма ненамного.

Хорошо же. Представим себе следующую картину. К кому-нибудь собирателю древностей, живущему, допустим, в Нью-Йорке или Мюнхене, приходит высоченный человек с длинными черными волосами и клинком за спиной, кладет

на стол вещицу по виду почти новую и заявляет: «Привет, босс, я Конан из Киммерии! Тут по случаю достался артефакт валузийских времен — наверное, ему не меньше тридцати тысяч лет! Покупай!»

Назвавшийся Конаном из Киммерии вовсе не получит чемодан с пачками долларов и секретарша коллекционера после первой же фразы вызовет «Скорую», которая отвезет беднягу к психиатру. Вероятно, точно также поступил бы собиратель редкостей и в Хайбории, принеся ему Конан вещь подобного возраста. И не надо ничего списывать на магию! Вы, как постоянные читатели литературы *fantasy*, отлично знаете — никакая магия не вечна, она имеет свойство «выветриваться».

«Но ведь и до Хайборийской цивилизации на земле кто-то обитал! — возразят мне. — Тому есть множество свидетельств! Валузийцы, змееногие, альбы, гномы, атланты, василиски и разумные животные! В конце концов, существовала Кхарийская империя!»

Да, существовала. Но не десять тысяч лет назад, а значительно раньше. Стандартный срок возраста империй, прежде чем они развалиются — около тысячи лет. Рим протянул около полутора тысяч лет, Византия — ровно тысячу, империя франков — всего пятьсот лет, Россия — чуть более семисот и я уже не говорю про так называемые «колониальные империи», закончившие свое существование в XX веке — Франция, Испания, Британия, Германия... Почему, собственно, соци-

альные и политические законы Хайбории должны отличаться от законов знакомого нам мира? Ведь Говард со всей ясностью утверждает — все события Саги происходили у нас, на Земле. Опять магия? Да не верю, хоть мне кол на голове тешите! Социальные законы одинаковы для всех эпох.

Отсчитаем от времени коронации короля Конана 1288 лет, которые мы будем считать «Аквилонской эпохой», и что же мы увидим? На еще не остывших от огня развалинах Кхарии короли Алькой и Олайет при поддержке святого Эпимитриуса возводят новый мир, так хорошо знакомый нам по романам Саги.

Следовательно, Кхарийская империя погибла совсем недавно и жизнь на Закатном материке текла приблизительно так же, как в 400-500 годах от Р. Х., когда германские и славянские варвары сокрушили Рим — множество небольших варварских королевств, уничтожение прежней цивилизации, кроме тех полезных вещей, которые она создала ранее и способных пригодиться упомянутым варварам, разбой на дорогах, непринужденный беспредел в политике и экономике... В общем, обычная картина после крушения великого государства.

Полагаю, что основатели Аквилонии, Алькой и Олайет, были очень похожи на короля сикамбров Хлодвига, первым объединившего варварские земли: Хлодвиг принял христианство благодаря святому Ремигию; а две братьев-аквилонцев при помощи Эпимитриуса сделали митрианство

основной религией своей страны; Хлодвиг небезуспешно вел войны с соседями, расширяя границы своих владений, и тем же занимались два Изначальных короля; Ремигий искоренял среди франков прежние религии и Эпимитриус преуспел на данном поприще... Видите, как все похоже?

Но что же было до Эпимитриуса, Алькой, Олайета и Хайборийского нашествия?

«Кхария», — ответите вы.

— А до Кхарии? — спрашиваю я. Мы уже выяснили, что срок существования империи — в среднем тысяча лет. Значит, самый ранний кхарийский артефакт, способный попасть в руки Конана, может датироваться возрастом в 2300 лет ($1288 + 1000 = ?$). Хорошо, согласен, была Атлантида, существовавшая параллельно с кхарийцами и затонувшая приблизительно за 300 лет до разрушения Нифона и Ахерона. А до того? Валузия? Согласен. Набросим еще тысячу лет. А раньше? Цивилизация альбов и прочих нечеловеческих существ, обитавших на Закатном материке? Тоже согласен, но последние к истории человечества имеют лишь самое касательное отношение. Смело округляем получившуюся дату и выясняем, что Валузия получила свое основание приблизительно за 2500 лет до пришествия святого Эпимитриуса. Ну, и где 300 столетий? Где артефакты, которым по десять тысяч лет в каждом глазу? Самое смелое, что я могу предложить — это существование во времена эпохи Конана каких-нибудь артефактов, оставшихся от

альбов (которые, впрочем, человечество искренно ненавидели и никогда не допустили бы, чтобы альбийские магические вещи попали в руки недоразвитых смертных дикарей).

У нас есть на руках достаточно известная история гномов и старейшего существа закатного материка — василиска Тача, обитающего в Ямурлаке. Тач утверждает, будто ему всего восемь тысяч лет и «вся история континента прошла перед его глазами». Он успел повидать и застать всех — альбов, Валузию, Атлантиду, Кхарию, Хайборию. Уж простите, гигантские даты никак не получаются. Нет, безусловно, слова «артефакт, которому сто столетий», звучат красиво, но абсолютно нереально.

А что же было до? До Валузии? Да, альбы, гномы, эпоха незнаемых людьми божеств наподобие Черного Роты-Всадника, великие катастрофы, которые человек, появившийся значительно позже, так и не увидел, затопление материиков и подъем из глубин новых островов — вспомним хотя бы Атлантиду...:

Историю не-человеческих рас Хайбории я здесь не рассматриваю, но я обязан сообщить вам свое мнение. Человек на Закатном материке появился приблизительно в 2500-2000 годах до наступления Аквилонской эпохи. И на месте многих авторов Саги я не разбрасывался бы тысячелетиями, как хлебными корками во время кормления голубей.

В Саге упоминаются некоторые значительные исторические персонажи, в основном это короли

Аквилонии и Немедии, а также великие маги древности — Роберт Говард и его американские последователи придумали несколько имен вроде Ксалтотуна, Скелоса или Аримана, живших уже в «историческую эпоху», но тем и ограничились, не уточнив дат. Зато есть более интересные исторические ссылки на деятелей политики. Алькой и Олайет, король Гвайнард Боссонский (716 год), создатель ныне существующего упорядоченного лунного календаря, небезызвестный Сигиберт Завоеватель (1080 год), расширивший границы Аквилонии до нынешних пределов, и некоторые другие. Очень надеюсь, что однажды я смогу взяться за историю Хайбории «до Конана» более серьезно и сделать хотя бы основную логодовую выкладку событий, происшедших до воцарения на троне Тарантии Киммерийской династии.

3. Что происходит сейчас?

Удивительно, но даже на времена правления Конана в Аквилонии вокруг границ трона Льва царит жизнеутверждающий бардак. Помните, в 1289 году случилось так, что во время войны Конан умудрился устранить короля Кофа Страбонуса и огирского монарха Амальрика. Кто-нибудь из вас помнит или знает, кто стал править в Кофе после Страбонуса? А в Офире? Кто мне ответит, кто стал монархом Зингары после Фер-другого и хотя бы в каком году случилась смена власти? Если вы помните, Конан убил Ездигерда

Туранского во время путешествия за похищенной Зенобией (1295 год), и что, Туран так и остался без правителя?

Самая великая беда Роберта Говарда была в том, что Хайборийский мир его не интересовал именно как Вселенная. Вспомним Дж. Р. Р. Толкина — расписано все, что можно, а события «Властелина Колец» в приложениях к роману поданы чуть ли не по часам. Читая «Властелина» и встретив на странице незнакомое имя, я могу заглянуть в справочник и узнать, когда жил данный конкретный человек, чем был знаменит, на ком женился и какие подвиги совершил. Хайбория волею многих авторов превратилась в огромный, но совершенно непроработанный мир, отчего путаются и сами авторы, и читатели. В разных романах даются ссылки на предыдущего короля Аквилонии Нумедидеса, но о нем мы знаем только то, что Конан задушил его на ступенях тронного возвышения (хотя на мой-то взгляд, все было совсем не так, но это уже другой роман...). Но ведь Нумедидес не из воздуха возник! Это же династия, причем династия, продержавшаяся на троне весьма значительное время! Кто такие Просперо и Троцеро, и откуда они появились? Только не говорите, что из Пуантина, это я и так знаю... При всем моем уважении к родоначальнику Саги я могу лишь горько вздохнуть и сказать ему: «Боб, что ж ты натворил?».

Да, Говард создал для себя театр, где играет один Конан, а все остальные — статисты. Герой

ходит, разбивает головы демонам и злым магам, портит девиц, крадет артефакты и вообще геройствует направо и налево. Никаких кулис, никаких декораций, никакой подсветки, сопровождения хора. Я на такой спектакль не пошел бы. Один актер, голая дощатая сцена, из которой торчат деревья из папье-маше и условные «дворцы», «пещеры», «склепы» и «трактиры».

Скажите мне пожалуйста, драгоценные мои читатели, пошли бы вы сейчас в кино на фильм конца 20-х годов? Наверное, пошли бы. Чарли Чаплин, Макс Линдер, Гарольд Аллайд, Марлен Дитрих, Бастер Китон... Но ответьте, стали бы вы смотреть современный фильм, снятый в стилистке и с использованием технологий восьмидесятилетней давности? Нет, разумеется, нас гораздо более привлекают Де Лаурентисы, Джеймс Камерон, Андрон Кончаловский, не говоря уж о Спилберге. Мы хотим качественных спецэффектов, цветной пленки без царапин, квадрозвучка, а если уж совсем повезет — стереоэффекта при просмотре.

Тогда почему с литературой по-другому? Если мы, взяв в руки книгу Говарда, представим себе, что перед нами фильм 20-х годов с тряпичными драконами, но столь запоминающимся «немым» героем вроде Бастера Китона (а напомню, что большинство книг Говарда пришлись на самый конец второго и начала третьего десятилетий нашего века), то, купив книгу, написанную в 2000 году, где по-прежнему бродят драконы из тряпок и тролли из папье-маше... Подумайте са-

ми, как кинокритика отнеслась бы к новому кино Джеймса Камерона, снятому на черно-белой пленке с сопровождением плохого танера и с использованием допотопной камеры на ручном приводе? Один такой фильм можно перетерпеть — новый авангардистский трюк изошренного Мастера, возвращение к старинной методике, стилизация... и так далее. Но дальше — хуже. Знаменитый режиссер *все* свои фильмы снимает именно так. Все до одного. Без какого-либо развития.

Его выгнали бы из Голливуда через год с пощором и вручением премии «Золотая клюква».

Тогда хотелось бы узнать — а почему в литературе мы терпим кинематограф 20-х годов? Читатель не поймет? Читатель привык? Так пропустите, к немому кино тоже привыкли, а продюсеры не хотели брать в массовый прокат звуковые фильмы. И что? Мы все поголовно до сих пор смотрим Чарли Чаплина и «Броненосец «Потемкин»?

Повторяю в который раз: «немое кино» Роберта Говарда было хорошо только для своего времени. Конан тех лет стал лишь основоположником литературы «меч и магия», значительно трансформировавшейся за последние семьдесят лет. Точно также, как и Чаплин стал родоначальником комедийного кино.

Но время идет, ничто не стоит на месте — ни кинематограф, ни литература. И посему, когда я снова увижу на прилавке книжного супермаркета новый том Саги, повествующий о том, как

Конан сходил в зачарованный город, перебил кучу монстров, забрал артефакт двадцатитысячелетней давности и вернулся за наградой (которая затем была немедленно пропита), мне хочется и смеяться, и рыдать.

Давайте будем помнить, что Конан — это не кукла, предназначенная для разбивания черепов. Что Хайбория — это не сцена без декораций. Что в этом мире живут живые люди, умеющие думать, чувствовать и получать удовольствие от бытия ничуть не хуже нас. Давайте подумаем, что нам нравится больше — черно-белое немое кино или?..

Пролог

«Нора» и ее обитатели

*Середина лета 1264 года
от основания Аквилонии.
Город Шадизар, Замора.*

тро, начинающееся с истошного вопля, может предвещать крушение мира, но иногда, в редчайших случаях, означает возвращение к старым добрым временам. Вопль был добротный, с подывиваниями и поизгиваниями, перешедший затем в членораздельную речь. Кому-то грозили оторвать голову, разодрать на сотню мелких ошметков и утопить в выгребной яме. Затем хлопнула дверь — с оттяжкой, так что звук пронесся по обеим этажам, заставив старый дом содрогнуться от чердака до подвала — и источник шума явился самолично.

Как выяснилось со всей очевидностью, крики издавал не разъяренный демон, не охотящийся

лев и не виавший в неистовоство раненый дарфарский олифант, а всего лишь молодой человек. Обычнейший человек, просто доведенный до той степени бешенства, когда изо рта начинает брызгать пена, а взгляд приобретает удивительную способность испепелять тараканов и неудачливых прохожих.

— Какая сволочь?! — возопил сей образчик рода человеческого и подкрепил слова действием — изо всех сил метнул вниз увесистый, но тоже вполне обычный саног — вытершаяся воловья кожа, потускневшие серебряные бляшки и стертая подковка на каблуке. — Кто, я вас спрашиваю?! Мерзавцы! Всех поубиваю!

Обычно такое начало дня вызывало бурные отзывы соседей, ибо дело происходило в гостинице, постоялом дворе, трактире со сдачей наемных комнат — зовите как хотите. На первый и любой иной взгляд оно представляло из себя двухэтажное добротное строение из желтовато-оранжевого песчаника, затерявшееся посреди Третьего Обманного переулка шадизарского квартала Нарикано. Местечко именовалось таверной «Уютная нора», служа надежным прибежищем, штаб-квартирой и местом дружеских поисков для небольшой, однако весьма тесной и сплоченной компании, чей род занятий определялся одним веским словом — «противозаконный».

Один из этого маленького дружного сообщества, а именно карманник Ши Шелам, носивший также прозвища Ши Ловкач и Ши Умелые Руч-

ки, стоял сейчас на ветхой галерее, опоясывающей большой общий зал, впустую сотрясая мир обвинениями в адрес вероломных приятелей.

Ши почитал себя оскорблённым до глубины души и жаждал крови. Все имеет свои пределы, в том числе и дружеские розыгрыши! Ну скажите, как поведет себя человек, проснувшийся после разгульной вечеринки, мучимый головной болью, жаждой и необходимостью посетить отхожее место, обнаружив рядом с собой горделиво возвышающийся на подушке сапог? Причем грязный и давно не чищенный? Разумеется, вцепится в это произведение кожевенного искусства и швырнет, куда подальше!

Совершенно не обратив внимания на подозрительное обстоятельство, что к ремешкам сапога примотана тонкая, но крепкая жилка, и другой ее конец завершается в том месте, которое любой мужчина (кроме евнухов, само собой) бережет больше всего на свете...

Ши сполна расплатился за невнимательность, и теперь торчал на балконе, чувствуя себя самым несчастным человеком на свете или по крайней мере в этом городе. В какое-то мгновение перед ним возникло ужаснейшее видение: предмет его тихой гордости отрывается и летит вслед за сапогом. Что будет потом — лучше не задумываться, а сразу лезть в петлю головой. К его счастью, жилку затянули не слишком туго, потому Ши отдался самым большим кошмаром в своей жизни и вылетел на балкон — донести эту новость до всеобщего сведения.

Вчерашняя гулянка свалила с ног даже самых стойких выпивох. Ши убедился, что его вопли пропадают в туне и уныло присел на краю балкончика. Жизнь не имела смысла. Зачем он вчера так напился? Что он вообще тут делает, сидя поздним утром в чем мать родила на досках, грозящих вот-вот обломиться, и страдая, как проклятая душа на Равнинах Смерти? Пойти удавиться, что ли?

Сзади скрипнула дверь. Ши не оглянулся. Вот и первый желающий узнать, какого ляда он надрывается и мешает спать. Друзья, чтоб их всех горячка скрутила...

— Ши, дорогуша, что случилось?

Нежнейший голосок вполне мог принадлежать демонице-искусительнице или какой-нибудь небесной деве из свиты Иштар. За полнейшим отсутствием таковых в славном городе Шадизаре, им владела симпатичная девушка по имени Кэрли — вполне плотское создание с карими глазками и пышной шевелюрой каштанового цвета, разбавленной чисто-белыми прядками (Кэрли полагала, что они придают ее облику неповторимость и почти не ошибалась). Узкий круг людей знал, что милейшая Кэрли на самом деле довольно ловкая воровка на доверии, но с виду...

Ах, с виду — всего лишь еще одна милая девочка с пыльных улиц Шадизара.

Иное дело, что девочки с улиц Шадизара очень редко бывают по-настоящему милыми. Только когда им это необходимо.

— Сгинь, пропади и рассыпься,— буркнул Ши.— Все отвратительно, я прирожденный неудачник, и, о боги, как я хочу пить!..

— С этого бы и начинал,— невозмутимо сказала Кэрли, кутавшаяся в нечто длинное, цветасто-разевающееся и почти прозрачное.— Вставай.

— Зачем? — уныло вопросил Ши.— Мне и тут неплохо.

— Будет еще лучше,— посулила девушка, добавив: — У меня есть холодная вода и немного шемского.

— Ненавижу шемское,— искреннее заявил Ши и со слабым интересом уточнил: — Где вода?

— У меня в комнате,— Кэрли на всякий случай указала направление.

Ши тщетно попытался обдумать положение. С одной стороны, зашедший в комнату Кэрли так просто оттуда не выберется. С другой стороны, там есть вода. Может быть, даже холодная.

Последнее победило. Вдобавок нужно как-то убедиться, что пострадавший по милости друзей-приятелей орган действительно не оторвался и находится на своем законном месте!

А того умника, что проделал эту грязную выходку, вполне можно разыскать и потом... Куда он денется?

* * *

В комнате по соседству встревоженная криками девушка бормочет сквозь дрему:

— Что?..

Нынешней ночью здесь пронесся самум, ураган или шторм, безжалостно расшвыряв предметы обстановки, чью-то одежду и сохранив жизнь двум чудом уцелевшим жертвам кораблекрушения. Уткая лодочка, покачиваясь, несет их на встречу рассвету и спасительному берегу, но почему-то каждый из них втайне мечтает вновь оказаться посреди бушующего океана.

— Все в порядке,— успокаивающее произносит молодой человек, осторожно передвигая лежащую под головой подруги руку.— Колеса нашей жизни катятся по прежней колее. Судя по волеям, кто-то подбросил Ши в постель скорпиона и он чрезвычайно возмущен сим поступком.

— А-а...— сонно кивает Феруза ат'Джебеларик, гадалка и предсказательница, снова роняя голову на подушку. Золотисто-рыжие локоны поблескивают в свете льющихся из распахнутого окна солнечных лучей. Девушка вздрагивает во сне, и тогда ее приятель еле слышно нащептывает ей на ухо что-то успокаивающее.

Ферузе лет двадцать, она довольно привлекательна по любым меркам — Турана, откуда родом ее отец, или Шадизара, где она живет. Человек, лежащий рядом, твердо убежден, что небеса и земля вращаются ради нее одной. Неважно, хороша она собой или нет, он знал женщину куда красивее и искуснее. Дело в другом. С ней спокойно. Она словно недостающий кусочек его самого, тот самый уголок покоя, всегда ускользавший от него. Молодой человек ловит себя на

том, что поневоле улыбается — не как обычно, слегка презрительно и насмешливо — но дурацкой самодовольной ухмылкой юнца, наконец-то сумевшего улестить девицу, по которой сох уже год без малого.

Собственно, ему понадобилось почти три луны — невиданно затянувшийся срок. Благодарение легкости шадизарских нравов и стечению обстоятельств. Однако, заполучив желаемое, его надо умудриться сберечь. Как, скажите на милость, это сделать, если кругом одни проходимцы... да и сам ты ничуть не лучше? Плюнуть, забрать Ферузу и уехать?

Он задумывается, сдвигая темные брови. В нем вообще преобладает темная масть — обманчиво-серые глаза цвета трауриного агата, иссиня-черные волосы и смуглая кожа. Предки-шемиты наградили его хищным горбатым носом, неунывающим характером, вечно толкающим на авантюры, и имечком Аластор, что означает Дурной Глаз. Он действительно слегка косит, особенно когда увлекается спором. Общественное мнение полагает его лучшим взломщиком Шадизара за последние десять-пятнадцать лет (Аластор с этим утверждением не согласен, считая себя вторым) и редким красавчиком. Против последнего он не возражает, хотя не придает слишком большого значения.

Таверна потихоньку оживает. Слышны разговоры прибирающихся в общей зале слуг и звяканье сметаемых в кучку черепков разбитых на вчерашней гулянке кружек. С улицы прилетают

заунывные причитания разносчиков и громыхание телег. Низкий хрипловатый голос — не подумаешь, что женский — начинает командовать, заодно намекая постояльцам, что пора вставать. Это распоряжается хозяйка трактира, Лорна Бритунийка, белогривая амазонка средних лет (правда, без свойственных женщинам этого племени лурацких представлений насчет мужчин и их места в жизни) — особа решительная, строгая и воинственная. Лорну уважают и побаиваются — как соседи и жильцы ее заведения, так и заправилы квартала.

Феруза глубоко вздыхает и окончательно просыпается. Карие с золотистыми искрами глаза удивленно оглядываются, не узнавая комнаты. Припомнив вчерашний вечер, она зажмуривается и еле слышно хихикает.

— Тебе смешно, — с преувеличением трагизмом провозглашает Аластор. — А у меня, можно сказать, впервые в жизни появилась непреодолимая трудность.

— Какая же? — ласково интересуется предсказательница. Она приподнимается на локтях, с любопытством глядя на приятеля сверху вниз.

— Ты, — молодой человек зарывается лицом в спутанные волосы девушки, судорожно, до боли, стискивая ее в объятиях, беззвучно повторяя: — Не покидай меня, не покидай, никогда, слышишь?..

Взвизгивает распахиваемая дверь, кто-то лихо влетает внутрь, растерянно кашляет и торопливо выскакивает в коридор.

— Ой-лэ, и никакой тебе романтики,— с грустью заключает Феруза, устраиваясь поудобнее и наклоняясь, чтобы поцеловать странно примолкшего Аластора.— Пусть судьба рассудит, сколько нам быть вместе и кто кого покинет... Не надо об этом думать, ладно? — она вглядывается чуть расширившимися зрачками куда-то в пустоту или в осыпающуюся штукатурку на стенах комнаты, и кивает: — У нас еще есть время. Много времени.

Аластор хочет спросить, какое время она имеет в виду, но потом решает узнать это попозже. Раз отпущенного им времени много, его наверняка хватит и на разгадывание загадок, и на поиски ответов на заковыристые вопросы.

Но сейчас — сейчас мир состоит только из тихого шепота, прикосновений, неторопливых движений и мягкого, укачивающего тепла. Утонув в теплом облаке, они любят друг друга, снова и снова, пока не раздается настойчивый стук и чей-то голос не выкрикивает:

— Эй! Все понимаю, прошу прощения, но у нас неприятности! Вам стоит на это глянуть! Вылезайте!

Обширный двор таверны, вымощенный булыжником и некогда знавший лучшие деньки, нынче смахивает на поле неравного боя между людьми и природой. Бурьян, захватив дальние углы, упрямо пробивается сквозь потрескавшие-

ся камни. В центре двора торчит наполовину обвалившийся фонтан, и позеленевшая медная цапля с явным отвращением цедит из клюва мутную водяную струйку.

Двое, он и она, прощаются возле фонтана и никак не могут проститься. Он — гибкое, подвижное, беспокойное создание, похожее на хищного и сообразительного зверька, хорька или ласку. Выгоревшие на солнце песчано-рыжие длинные волосы то и дело падают молодому человеку на лицо, он мотает головой, продолжая в чем-то настойчиво убеждать подружку. Она — глазастая, с народой темно-каштановых кос, на кончиках которых раскаиваются, звякая, крохотные бубенцы. В отличие от парня, девушки производит впечатление особы из приличного семейства — торгового, а может, и дворянского.

Его зовут Хисс Змеиный Язык, он мопсенник, изготовитель поддельных драгоценностей и фальшивых документов, азартный игрок и, как уверяют молва, способен всучить кому угодно что угодно, да еще выручить на этом кругленькую сумму.

Ее имя — Аиа. Аиа Риалатио. Она родом из Мессантии Аргосской и служит у знатной оффирской дамы, графини Клелии Кассианы диа Лаурин. Молодые люди познакомились всего день назад при не совсем обычных обстоятельствах, но, кажется, прониклись взаимной симпатией.

Наконец им удается убедить друг друга, что любая разлука только предвещает новую встречу, Аиа протискивается в щель между никогда

не запирающимися створками ворот, и убегает вниз по Обманному переулку, торопясь вернуться к госпоже.

Хисс долго смотрит ей вслед, потом, покачиваясь, бредет через двор к крыльцу в три ступеньки и вдруг останавливается, озадаченно уставясь на неведомо откуда взявшийся предмет — нечто вроде крохотной молельни, устанавливаемой в честь кого-то из богов на перекрестках или площадях. Сооруженьице чуть пониже человеческого роста, выстроено из черного мрамора, украшено четырьмя витыми колоннами дымчато-серого хрусталия и завершается остроконечной крышей с тонким серебряным шпилем. Глубокая ниша, прорубленная на высоте двух третей от земли, ограждена мелкой железной сеткой, утопленной по краям в камень, и на первый взгляд пустует.

— Хм,— Рыжий обходит вокруг молельни. Боязливо тыкает в нее сначала подобранный щепкой, затем пальцем, убеждаясь, что белая горячка и последствия бурно проведенной ночи совершенно не при чем. Камень настоящий — твердый и холодноватый.

Ничего не решив и не поняв, Хисс взбирается по ступенькам, вламываясь в таверну и озираясь в поисках приятелей.

Нужно заставить кого-нибудь взглянуть на это диво. Двоим не может мерещиться одно и то же. Если молельню увидит другой человек, значит она самая что ни на есть всамделишная. Откуда она могла взяться?

У погасшего камина кто-то спит, по-звериному свернувшись и подстелив под себя вытертую овечью шкуру, обычно используемую как коврик перед лестницей на второй этаж. Хисс толкает спящего ногой и мгновенно отскакивает, привыкнув, что у этого типа реакция получше, чем у маленьких, но смертельно ядовитых змей.

Однако сегодня такой день, когда нарушаются любые правила. Человек не подает признаков жизни. Только после второго пинка слышится слабое недовольное ворчание.

— Подъем! — орет Хисс, заставляя слуг испуганно оглянуться.— Малыш, враги повсюду!

— Врешь ты все,— бурчит ломающийся юношеский голос с непривычным для здешних краев гортанным акцентом. Его обладатель пытается сесть, теряет равновесие, хватается за голову и изрекает несколько энергичных, но насквозь непонятных фраз. Хисс с затаенным удовольствием наблюдает за мучениями приятеля, ибо нет ничего приятнее глазу, чем вид страданий ближнего твоего. Смилиостивившись, Рыжий приносит один из заранее выставленных на стойку кувшинов с холодной водой и сует в руки юнцу.

Ночевавший на полу человек — именно юнец, пятнадцати или шестнадцати годков от рода, хотя обычно ему дают лет двадцать. Мальчишка выглядит странноватым даже для такого суматошного города, как Шадизар, где проживают обитатели почти всех стран Материка. Долговязый, жилистый подросток с гривой жестких во-

лос цвета оседающей на стенах каминов сажи, и ярко-голубыми глазами, из которых никогда не пропадает выражение бдительной настороженности. Как у животных, пребывающих в ожидании опасности даже тогда, когда мир вокруг совершенно спокоен.

Мальчишку зовут когда Малышом, когда Медвежонком. Его настоящее имя — Конан, название его родины, лежащей где-то на варварской Полуночи — Киммерия. Впрочем, тут не принято проявлять излишнее любопытство к вашей прошлой жизни и выяснить причины, по которым вы оказались там, где пребываете ныне. Малыш живет в «Норе» около трех лун, ничем особенным себя пока не проявил, и в основном занят безнадежными попытками осознать правила суматошной городской жизни.

В чем, бесспорно, нельзя отказать Малышу, так в редкостном здравомыслии. Поэтому Хисс и счел, что никто другой не сможет лучше развеять примерающийся ему морок в виде черной молельни.

Пока Хисс втолковывает мальчишке, что от него требуется, сверху спускается еще один постоляец, мающийся от последствий вчерашних возлияний. Джай Проныра, Джейвар Сигдим — местный уроженец до мозга костей и признанный глава Компании. Услышав сбивчивый рассказ Хисса, он вопросительно хмурится и решает, что пойти надо всем. Вдобавок, вчера вечером Ши плел что-то насчет очередных превращений их многострадального нужника.

Метаморфозы обычной деревянной будки на заднем дворе трактира уже седмицу служили предметом для волнений и обсуждений всех жильцов. Причиной сих странных явлений послужил непонятный золотой жезл, вроде бы обладавший магическими свойствами. В таверну его принесли Джай и Конан, прихватив в числе прочей добычи в доме члена городского Совета. Под веселую руку и по чистой случайности Феруза умудрилась оживить золотую спицу с аметистом на верхушке, и та проделала дыру в границе, разделяющей мир людей и потусторонних созданий. Сквозь это отверстие явился Пузырь — уродливое летающее создание, сплошная пасть и бездонный желудок. Общими усилиями незваного гостя выбросили за порог, и он отправился путешествовать по Шадизару, пожирая то, что казалось ему привлекательным.

К нынешнему дню за Пузырем числился разгром в игорном доме «Сбывающиеся надежды», обглоданные колонны дома городского Совета, обезглавленная статуя Митры перед главным городским храмом и десяток более мелких проделок. На людей он пока не нападал, а кое-кто из практикующих колдунов и магов предлагал изрядное вознаграждение смельчаку, готовому рискнуть и изловить непонятное существо для более близкого изучения.

Испуганный Ши Шелам, не долго думая, пзырнул загадочный жезл в выгребную яму.

Спустя день оттуда хлынул поток пестрой, однако безобидной нечисти — оранжевые сколопендры в зеленую полоску, синие кошки и скорпионы со стрекозинными крыльями. Затем облучившаяся деревянная будка обрела дар речи и начала проповедовать близящийся конец времен.

...Обитатели постоянного двора «Уютная нора» стоят вокруг неузнаваемо изменившегося нужника, растерянно переглядываются и пытаются сообразить, что же это такое. К Джою, Хиссу и Малышу присоединился Райгарх — трактирный вышибала и по совместительству приятель хозяинки, такой же, как и Лорна, бывший наемник на покое. Чуть попозже являются Ши и Кэрли, и замешкавшиеся Аластор и Феруза. Последней приходит Лорна. Увидев своеобразное добавление к постройкам таверны, бритунийка изумленно свистит и задает пока не высказанный никем вслух вопрос:

— Ребятки, что нам делать с этой штуковиной?

Глава первая

Похороны с пожаром и наводнением

одо Ходячий Кошмар поднимался по скрипучим ступенькам Старой Лестницы, лепившейся к склону холма, одновременно убеждая себя в том, что давно следовало привыкнуть к непредсказуемости этого расклятого города и его жителей. Кто-кто, а он изучил шадизарские порядки на собственной шкуре, пройдя долгий путь от вожака уличной шайки подростков до нынешнего завидного положения правой руки Назирхата уль-Вади, не признаваемого официальными законами старшины квартала Нарикано. Тем не менее, жизнь не уставала преподносить новые сюрпризы, и Кодо терялся в догадках — к добру эти перемены или к худу? Неужели он потерял доверие хозяина?

«Все беды — от расклятого зингарца, — зло размышлял Кодо. — Какой демон приволок сюда этого напыщенного благородного дона? Почему

Назирхат решил с ним связаться? Кто он такой? Кебрадо Эльдире лос Уракка, граф Ларгоно — нате, подавитесь! Спесивый расфуфыренный хрыч с толстым кошельком! Думает, раз у него полные карманы золота, так он король и бог? Как бы не так! Это наш город и наша страна! Никакие раззолоченные вонючки с Побережья никогда не станут здесь командовать!»

Для подобного раздражения имелись веские основания. Подозрительный гранд из Зингары явился не далее, как два дня назад, и завоеванные с потом и кровью позиции Кодо внезапно начали рушиться.

Начать с того, что Назирхат не позволил своему верному помощнику присутствовать на беседе с таинственным визитером с Полуденного Побережья, не пожелал раскрывать подробностей разговора и вообще низвел Кодо до уровня мальчика на побегушках.

Естественно, Кодо возмутился и потребовал объяснений.

Почтеннейший господин уль-Вади, сложив руки на внушительного вида брюшке и масляно прищурив узкие глазки от прыска заморийца и уличной девицы из Хаурана, втолковал разъяренному подручному: беспокоиться совершенно не о чем, любая шавка, посмевшая тявкнуть на Кодо, немедленно будет удушена собственным языком, а в его, Назирхата, голове ныиче родился небольшой замысел, деталей которого он пока не отшлифовал, но заранее уверен — Кодо понравится. Что до дона Кебрадо, пусть его пы-

жится и надувается. Главное — он щедро платит за нужные ему услуги и потому волен вести себя, как ему вздумается. Не стоит обращать внимания. Зингарцы такие, с рождения жареным петухом в задницу клюнутые. Вместо того, чтобы расстраиваться из-за пустяков, Кодо вполне мог бы заняться полезным делом.

— Каким? — мрачно спросил Кодо.

Выяснилось, что нужно навестить одного человека, проживающего в квартале Нарикано, и узнать, чему тот подумывает посвятить ближайшую седмицу. Кодо кивнул и вышел, ничуть не успокоенный, но еще более встревоженный:

Ибо человека, к которому отправил его Назирхат, звали Аластором. Аластором — Аурным Глазом, способным открыть любой замок и проникнуть в любую сокровищницу. Последний идти способен выстроить цепочку связей — раз уль-Вади потребовался Аластор, значит, готовится нечто крупное. Только что?

Перебрав все возможности, Кодо решил, что ни одна из них не кажется ему привлекательной и впал в тихую ярость.

Назирхат строит грандиозные планы, а его помощник, его правая рука на протяжении доброго десятка лет, не имеет представления о том, что происходит! Никак мир рушится? Или все-го-навсего подходит печальный конец карьеры Кодо Ночного Кошмара, Кодо — грозы должников, способного извлечь доход даже из камня? Неужели какая-то молодая, да ранняя сволочь метит на его место?

Финальной каплей, переполнившей чашу недовольства Кодо, стало маленькое досадное происшествие, случившееся в конце беседы громилы и его покровителя. Почтеннейший уль-Вади никогда не позволял себе подобных выходок, и Кодо несколько опешил, не зная, счесть эпизод попыткой оскорбления или очередной проверкой на верность и выдержанность.

Кодо, о чём знал весь Шадизар, владел обширным собранием традиционных воровских талисманов, так называемых Отмычек Бела, представлявших собой связку в пять-десять разнообразных ключей на едином кольце. Они, разумеется, ничего не открывали, служа лишь символом бога воровства и, по утверждению владельцев, принося удачу в деле. Коллекция Кодо насчитывала около трехсот амулетов, искусно выполненных из золота, серебра, бронзы и драгоценных камней, и не существовало лучшего способа подольститься к Ходячему Кошмару, чем преподнести ему новый экземпляр Отмычек.

Недавно угодивший в руки Кодо трофеи вполне заслуживал того, чтобы стать подлинной жемчужиной сокровищ. Громила захватил его у уличного ворюги Ши Шелама в качестве выкупа и никак не мог заставить себя расстаться с позякивающей, сверкающей гроздью, присовокупив ее к прочим сокровищам. Носил в кармане, доставал полюбоваться, крутил на пальце — пока не привлек внимания Назирхата. Тот пожелал ознакомиться с очередной добычей Кодо поближе. Правая рука уль-Вади не слишком охот-

но рассталась с блестящей побрякушкой, смутно предчувствуя готовящийся подвох.

Кодо не ошибся. Ключи так приглянулись Назирхату, что старшина квартала решил оставить их себе: «Ты ведь не возражаешь, правда?»

Проглотив крутящиеся на языке возмущенные реплики, Кодо ограничился вымученным кивком. Связка переменила владельца, и Ходячий Кошмар добавил к мысленному перечню поступков, требующих непременного возмездия, еще одну памятку. В конце концов, уль-Вади тоже смертный человек, совершающий ошибки, которые могут ему дорого обойтись.

...Старая лестница завершилась широкой площадкой, облюбованной продавцами всякой мелочи, зазывалами, уличными игроками в зернь и «Три скорлупки», выискивающими новую жертву, и неизменными девицами, бросающими по сторонам многообещающие взгляды. Появление в этом крохотном мирке Кодо и его свиты — трех зверообразных громил, не обремененных мозгами, зато с удовольствием выбивающими упомянутые мозги у других — вызвало ту же панику, что сопровождает визит щуки в тихую заводь. Не расплатившиеся должники, личности, догадывавшиеся, что ходят в немилости у Кодо или промышлявшие на чужой территории, стремительно брызнули по сторонам, растворившись в пропахшем пылью и нечистотами городском воздухе. Оставшиеся поторопились с изъявлениями безоговорочной преданности — лишний поклон спины не ломит. Кодо снисходительно

кинулся льстиво улыбавшимся красоткам, перекинулся парой слов с замшелым главой местного цеха нищих и ощутил слабый подъем настроения. Благородные задаваки приходят и уходят, Шадизар пребудет неизменным, а он, Кодо, постарается не отдать свое место без боя.

* * *

Возле стоявших приоткрытыми ворот трактира «Уютная нора» клубилось некое столпотворение — не слишком большое, но нездороно оживленное. Раздавались смешки, удивленные возгласы, кто-то заливисто присвистнул и расхохотался в голос. Кодо и его сопровождающим пришлось расталкивать толпу, пробиваясь в первые ряды.

Увидев творимое действие, Кодо озадаченно потряс коротко стриженной головой, затем утробно фыркнул и зашагал к крыльцу, обходя участников непонятного представления стороной и гадая, что они затеяли на сей раз.

Торжественно шествовавшая по двору процессия отчасти напоминала церемонию похорон. Возглавляли ее Ши Шелам, тщетно крививший постную физиономию, и мальчишка-варвар, приставший к Компании в конце весны. Они тащили носилки, заваленные ворохом разноцветных тканей, на которых красовалась большая китайская шкатулка — из тех, что купцы привозят из-за Вилайета через Туран. На лакированных черных боках коробки играли солнечные лучи,

среди причудливых цветов танцевали рогатые драконы в золотой броне и с перламутровыми глазами. Присмотревшись, Кодо заметил торчащий из шкатулки длинный чешуйчатый хвост какого-то животного, и недоуменно прищурился.

Позади траурных носилок следовали девушки — гадалка Феруза и разбитная мошенница Кэрли. Девицы рыдали в голос, иногда срываясь на истерическое хихиканье, заламывали руки, причитали и всячески старались подражать наемным плакальщицам. Между ними ковылял Хисс, прижимая к глазам огромный шелковый лоскут, выполнявший роль платка, и оглашая двор скорбными воплями — прикидывался безутешным наследником.

Иногда у него подкашивались ноги и он совершил попытку рухнуть на вытерпевшиеся булыжники. Кэрли и Феруза хватали его под руки, жалостно уговаривая не порывать с жизнью и не бросать осиротевшую семью на произвол судьбы. Троица украдкой передавала друг другу небольшой кувшин и, приложившись к источнику живительной влаги, надрывалась с удвоенной силой.

За девицами и Хиссом шли Джай Пропыра и кое-кто из зевак, решивших присоединиться к странным похоронам и изображавших толпу прихлебателей, падающих на поживиться на чужом горе. Как и положено, они громким и неупотом обсуждали убранство погребального катафалка, стяжания плакальщиц, возможное завещание покойного и сумму оставленных им долгов.

Разномастное сообщество рывками передвигалось вокруг издыхающего фонтана. На обвалившемся парапете восседал Райгарх, мрачный, как грозовая туча или прогоревший ростовщик-шемит, и пристально наблюдал за церемонией.

В дальнем углу двора громоздилось необычное сооружение — в свой прошлый визит Кодо его не заметил. Островерхая часовенка из черного с белесыми прожилками камня, украшенная тонким серебристым шпилем. Компания окончательно спятила, решив обзавестись собственным святыищем? Тогда какому богу оно посвящено? Кодо не припоминал ни одной местной религии, где требовалось возводить подобные молельни. Может, постояльцы «Норы» стянули загадочную штуковину у жрецов в надежде перепрородить к кому-нибудь собирателю редкостей?

На потрескавшемся крыльце в три ступеньки в обществе кувшина с вином и пары вываливших языки сторожевых псов расположилась Лорна, меланхолично созерцающая новую выходку своих жильцов. Увидев Кодо, трактирщица дружелюбно кивнула, подвинулась и хлопнула ладонью по пыльной ступеньке. Не усмотрев в приглашении ничего, могущего повредить его авторитету, Кодо грузно уселся рядом с бритунийкой и полюбопытствовал:

— Хозяйка, что у вас творится?

— Похороны, — бесстрастно отозвалась Лорна, в чьих серых глазах отплывал, кувыркался через голову и дразнился целый сонм проказливых демонят.

— И кого хоронят? — уточнил Кодо.

— Мириану.

— Какую Мириану? — не отставал громила.

— Райгархову, — трактирщица хмыкнула, решив, что достаточно помучила собеседника, и соизволила разъяснить подробнее: — Ксилю, турецкую пустынную ящерицу. Райгарх ее держал заместо кошки — вроде как домашняя любимица. Какой-то из оболтусов позавчера случайно на нее наступил. Разумеется, тварюга издохла. Райгарх узнал и взбесился. Начал кричать, что всех перебьет, но дознается, кто прикончил его ненаглядную скотинку. Этих идиотов хлебом не корми, дай дурака повалить. Они немедля предложили устроить бедной животине роскошные проводы, и целое утро таскаются с ней по двору.

— Ясненько, — протянул Кодо. Он отчетливо слышал протестующий визг своего разума, куда тщетно пыталась вместиться мысль о торжественных похоронах ящерицы-ксилю. — Вообще-то я к Аластору пришел... Он дома?

— Кто поминает имя мое всуе? — зловеще прошипели сзади. Кодо поспешно оглянулся. Трактирщица не шевельнулась.

Из-за приоткрытой двери таверны выбрался Аластор. Он раздобыл где-то просторный черный плащ, болтавшийся на нем, как на палке, и деревянную лицедейскую маску в виде оскалившего зубы черепа. Получился эдакий ходячий мертвец с подозрительно живыми зрачками, весело блестевшими в пустых глазницах личины.

— Гм,— протянул Кодо, не решив, как стоит воспринимать перевоплощение взломщика в Духа Смерти — высмеять или поддержать игру.

— И он туда же,— горько вздохнула Лорна.— Альс, тебе кой годик стукнул? Ренил на старости лет в фигляры податься?

— Вечно серьезное выражение лица, да будет тебе известно, плохо сказывается на работе желудка и приводит к излишнему скоплению зеленой желчи,— не замедлил с ответом Аластор.— Мое почтение, Кодо.

— Я насчет...— заикнулся подручный Назирхата.

Взломщик нетерпеливо отмахнулся «Потом, потом» и сиганул с крыльца, завывая и размахивая полами пакидки. Сие, как видно, обозначало приход гонца с Равнин Смерти за душой усопшего.

Носильщики, плакальщицы, наследник и гомонившая свита с готовностью рухнули на колени. Откуда-то (вероятно, с улицы) донеслась затаивно-тоскливая мелодия, перемежаемая надрывными всхлипами и позвякиванием железа о железо.

Аластор разразился выспренной и не слишком приличной речью, живописуя многочисленные душевные и телесные достоинства покойницы. В паузах, пока оратор переводил дух, участники церемонии дружно голосили, щедро посыпали друг друга подобранной тут же красноватой пылью и отчаянно старались не расхочататься.

— Детки-переростки,— снисходительно пробормотала трактирщица и отхлебнула из кувшина.— Никогда не повзрослеют.

Слегка охрипшее общество наконец перебралось к закутку между углом дома и птичником, где красовались заранее сложенные на старую повозку и щедро политье маслом вязанки хвороста: после вдумчивого обсуждения трупик Миррианы в соответствии с варварскими традициями решили предать огню. Шкатулку с подобающим трепетом закрыли крышкой и водрузили поверх сухих веток. Хисс завопил так, будто его пытались зарезать или охолостить, девицы повисли на нем с двух сторон, оттягивая в сторону от будущего кострища.

— Угомонитесь, угомонитесь,— Джай, присвоивший себе должность распорядителя, жестами и тычками расставил пестрое сборище полукругом.— Дух! — призыв относился к Аластору.— Не скаки, как игравый козел! Встань смиро и вой потихоньку! Где... э-э... ближайший родственник усопшей? Райгарх, поди сюда! Молви что-нибудь на прощание, да и спалим страдалицу.

Асир поднялся с парапета, тяжеловесно прошагав к заваленной суняком повозке. Общество слегка притихло — частично из уважения к разлуке вышибали с верной ящерицей, частично из опасения схлопотать подзатыльника за невовремя отпущенную остроту и тем испортить затею.

— Прожили мы вместе долгую и трудную жизнь,— сурово и мрачновато-торжественно на-

чал Райгарх,— повидали немало радостей, горестей и прочего добра, какого вам, дармоедам и лентяям, и не снилось...— он обвел слушателей подозрительным взглядом, выискивая скрытые ухмылки, таковых не обнаружил и проложил: — Однако никакое счастье не длится вечно. Потому сегодня, когда суждено нам навечно проститься с Мирианой, образцом благонравия, кротости и добродетельности среди ящериц...

Кэрли тихонько хихикнула. Райгарх понял, что увлекся, подражая турецкой высокопарности, и завершил речь просто и коротко:

— В последний раз спрашиваю, мерзавцы — кто? Кто угробил бедную невинную скотинку? Бить не буду, обещаю!

— Да в суматохе не заметили ее, вот и придали по случайности,— заикнулся Ши, отлично знаяший, кто виновен в смерти хвостатой твари. Вина целиком и полностью лежала на Конане. Природная способность ксилю менять окраску в зависимости от окружающих предметов сыграла с ней дурную шутку.

По ведомым только ей соображениям ящерица повторила очертания и цвет лежавшего на столе длинного кинжала в ножнах. Когда Малыш, уверенный, что перед ним обычное оружие, схватил ее за хвост, зверюга пустилась бежать. Мальчишка, не вдаваясь в долгие размышления, треснул удирающим «кинжалом» по краю стола.

Такого обращения, само собой, не выдержит самое стойкое животное...

Опасаясь справедливого возмездия, Ши предложил уложить трупик ящерицы на лестнице — авось, кто-нибудь наступит. Разумеется, принимать на себя ответственность и гнев владельца ксилю не хотелось никому, и покойница Мириана пережила ряд утомительных перемещений с места на место, пока чья-то добрая душа не спрятала ее на трактирном леднике.

По правде говоря, никто, кроме Райгарха, не испытал особого сожаления, узнав, что Мириана отдала концы. Ящерица была воровата, шкодлива и постоянно совала нос, куда не следует. Привлекательностью она тоже не отличалась — бородавчатая, в наростах и складках, с чрезвычайно напыщенной мордой, украшенной маленькими рожками.

* * *

Убедившись, что никто из друзей-приятелей не собирается каяться в совершенном убийстве, асир зловеще выпятил челюсть и рявкнул:

— Тогда слушайте, что я скажу! Вы будете хоронить ее столько раз, сколько потребуется той трусливой душонке, чтобы признаться! Поняли?

— Чего? — переспросил оторопевший Джай.— Райгарх, ты слушаем, на солнышке не перегрелся?

— Очень смешно,— Аластор снял личину черепа, откинул капюшон и изумленно уставился на вышибалу.— Райгарх, да что с тобой, в самом деле? Это всего лишь ящерица!

— Лорна не разрешит хранить ее в кладовке,— многозначительно вставил Ши, помахивая висящим на цепочке горшком с раскаленными углами внутри.— Так я поджигаю?

— Да!

— Нет. Ши, стоять!

На Райгарха снизошло знаменитое варварское упрямство, когда человек способен голыми руками разделаться с десятком вооруженных противников или поссориться с лучшими друзьями только ради того, чтобы настоять на своем. Зеваки, почувствовавшие, как веселая шутка грозит вот-вот обернуться чем-то опасным для жизни, предусмотрительно отступили к воротам. Маленькая толпа на улице на удивление быстро рассеялась. Лорна насторожилась и подалась вперед, готовая вскочить на ноги и вмешаться. Кодо, за компанию с трактирщицей приложившийся к кувшину, презрительно фыркнул. Хисс и девушки попятились. Впрочем, Феруза немедленно попыталась разрешить дело миром, прибегнув к доводам разума:

— Райгарх! Райгарх, послушай мне тоже жаль Мириану. Но какой прок в том, чтобы хранить то, что от нее осталось? Раз она была дорога тебе, не лучше ли достойно похоронить ее и затем искать виновного? Что толку, коли трактир про пахнет дохлой ящерицей? Она вполне могла погибнуть сама — от болезни или старости...

— Или от того, что ей проломили голову,— неумолимо продолжил вышибала. Феруза смеялась и умоляюще глянула на друзей в поис-

ках поддержки.— Я жду ответа! Или мы сейчас отнесем ее обратно, а завтра повторим все заново!

— Даже не мечтай,— бритунийка, только что скучавшая на крыльце, каким-то чудом оказалась рядом с Компанией.— С меня вполне достаточно двух дней, пока твоя драгоценная тухлятина валялась на леднике. Ши, заканчивай балаган.

— Угу,— воришко замахнулся, чтобы провести яркую огненную черту под жизнью турецкой песчаной ящерицы. Райгарх попытался нерехватить летящий горшок, но не успел — тот врезался в выступ на стене дома и с хрустом раскололся. Красно-черные угольки брызнули по сторонам, по большей части угодив на высушенный солнцем и пропитавшийся маслом хворост. Сушняк мгновенно вспыхнул, дрожащая волна жара заставила столпившихся вокруг людей отступить. Черные бока шкатулки украсились выпуклыми пузырями плавящегося лака, позолота на чешуйках драконов тоненькими ручейками потекла вниз. Запахло паленой древесиной и подгорающим мясом, к небу устремился сизовый дымок.

— И вознеслась душечка Мириана на ящерицы небеса, где полно мух величиной с цыпленка, а мокрицы сами прыгают в пасть,— вполголоса провозгласил Джай.— Туда ей и дорога.

— Ибо нет в мире ничего, заслуживающего названия «вечного», и любому из живущих суждено переступить порог, за которым начинается

Непознаваемое,— поддержал его низкий, раскатистый Голос, в котором смешивались безмерная усталость от жизни и эдакое затаснное самолюбование.

Постояльцам «Норы» уже доводилось слышать подобные речения (они доносились из непознаваемо переменившегося нужника), однако прежде таинственное создание не позволяло себе такой наглости — вмешиваться в людские дела. Преображенная будка тихо сидела около птичника, развлекаясь тем, что проповедовала совершенно равнодушным к ее речам гусям и уткам.

— Заткнись,— кратко огрызнулся Райгарх, невзлюбивший Голос с первого изданного им звука.

— Отвращающий слух свой от слов истины добровольно обрекает себя на вечную слепоту и глухоту,— не пожелал оставаться в долгу Голос. Теперь становилось ясно, откуда он доносится — из ниши мраморной молельни. Якобы намертво заделанная в камень решетка свободно покачивалась, чуть слышно поскрипывая, в глубине выемки мерцало призрачное голубовато-золотистое сияние, точно там обосновалось семейство светлячков. Философствующий бестелесный Голос иногда заглушался отдаленным пронзительным воем ветра и звуками, напоминающими бряцание тяжелых цепей.

— Как вы это делаете? — заинтригованный Кодо поднялся, вперевалку приблизился к странной кумирне и заглянул в нишу.— Запихали кого-нибудь внутрь?

— Само треплется,— рассеянно отозвалась Кэрли.

Хвост частично прогорел, облупившаяся и покоробившаяся шкатулка свалилась в глубины между вязанками. Дно повозки грозило вот-вот развалиться. Вдохновленный растерянным людским молчанием Голос разошелся вовсю:

— Как познать полноту и восторг Жизни, не существуй Смерти? Как оценить красоту дня, если в свой черед на землю не вступает ночь? Ночь, которая, как известно, старше и могущественнее дня, ибо сотворена первой? Кто сможет сказать, что изведал до конца все тайны ночных небес? Кто по праву произнесет: «Мне ведомо скрытое»? Истина кроется в молчании и тьме, и немного тех, кто отважится пройти ее до конца, кто шагнет за Порог не в страхе, но с разумом, открытым новым загадкам...

— Прелюбопытное учение,— озадаченно протянул Аластор. Он выглядел как человек, заподозривший нечто неладное, однако не разобравшийся толком, чем именно встревожен.— Смерть как ступень к новому познанию? Эхтендат Сольвийский, помнится, утверждал нечто подобное, так митрианцы быстренько заклеймили его расплитителем душ и на всякий случай выставили из города...

— Сейчас он у меня получит новые знания!

— Райгарх наконец обнаружил, на ком можно сорвать накопившуюся злость.— И подавится!

Не раздумывая о последствиях, асир ухватился за борт горящей повозки, толкнул изо всех

немалых сил и опрокинул — прямо на молельню из черного камня. Основание капища утонуло в рассыпавшихся горящих ветках и заволоклось едким дымом, мгновенно наполнившим нишу. Голос растерянно поперхнулся и умолк.

— Зря ты с ним так... — начал слегка обескураженный Ши. Договорить ему не дали.

Молельня неистово закачалась из стороны в сторону. Из-под объятого разгорающимся пламенем фундамента судорожно выпростались восемь уже виденных обитателями постоянного двора огромных паучьих лап, завершающихся где когтями, а где лошадиными конытами, и принялись торопливо затаптывать огонь.

Кодо растерянно моргнул, протер глаза, снова проморгался и подумал, что настала пора изрядно уменьшить число еженощных возлияний. Мало просто разговаривающей молельни, теперь у нее ноги выросли... Что дальше? Встанет и пойдет?

Словно отвечая человеческим мыслям, мраморное сооружение тяжко ухнуло и воздвиглось на выпрямившихся конечностях, оказавшихся локтями на два выше людей.

Короткая жесткая шерсть на лапах дымилась, покрываясь быстро расползающимися черными пятнами. Обитающее внутри существо зашлось в лающем кашле.

Восемь ног, пребывавших в сильнейшем разладе между собой, перепутались, из-за чего раскачивавшаяся, как корабль на штормовых волнах, молельня описала пару кругов вокруг соб-

ственной оси, полнаячиваясь, выбралась на середину двора и, перевалившись через парапет, свалилась в чашу фонтана. Изъеденная солнцем и ржавчиной медная цапля с хрустом переломилась: голова полетела в одну сторону, туловище с ногами в другую.

— Хорошая была птичка, — невпопад заметил Ши, предусмотрительно высматривая путь к бегству.

Неуклюже перебирающая лапами постройка продолжала кружиться, выворачивая булыжники, раскатисто чихая и бормоча нечто маловразумительное. Питавший фонтан источник, считавшийся почти пересохшим, неожиданно воскрес, выплюнув к сизо-голубоватому небу тугую струю воды и щедро окатив разбежавшихся зрителей. Досталось и молельне, шарахнувшееся в сторону и по счастливой случайности оказавшееся вблизи ворот.

Неизвестно, обладало ли сооружение зрением или его подобием, однако решения принимать оно умело. Часть ног согнулась, отчего молельня наклонилась, устремив вперед серебряный шпиль и став похожей на некий оживший таран. Лорна, сообразившая, что сейчас произойдет, яростно выругалась.

Бывший нужник трактира «Уютная нора» с треском врезался в полуоткрытые створки, скрушил их и вылетел на улицу, оставляя за собой слабо различимый дымный шлейф и разлапистые мокрые следы. Оказавшись снаружи, молельня повернулась к изумленно вытаращив-

шимся ей вслед людям и с отчетливо различимой язвительностью в голосе изрекла:

— Тратить слова на глупцов столь же бесмысленно, как извлекать воду из камня.

После чего, залихватски раскачиваясь, пошагала вниз по переулку, сопровождаемая испуганными воплями зевак, ругательствами и призываами о помощи ко всем богам сразу.

Разрушенный фонтан продолжал извергать воду, темными ручейками разбегавшуюся между пересохших камней и превратившую догорающие вязанки хвороста в кучу грязи.

— Догнать? — не слишком уверенно поинтересовался Конан, обращаясь к Лорне. — Ведь всю округу перенугает...

Трактирщица подумала и отрицательно покачала головой:

— Ну его к демонам. Пускай катится, куда хочет.

— Погодите, погодите! — Кодо наконец смирился с тем печальным фактом, что происходящие вокруг события ему не мерещатся. — Вы что, всерьез хотите отпустить это шляться по городу?

— Коли тебе нечем заняться, можешь открыть на него охоту, — не слишком любезно буркнул Аластор и, спасаясь от прибывающей воды, забрался на крыльцо, втащив за собой безостановочно хихикавшую Ферузу. — У нас, как видишь, своих забот по горло. Ты вроде хотел мне что-то сказать? Так я слушаю. Причем, заметь, очень внимательно.

— Э-э... — Кодо совершенно не хотелось передавать поручение в такой обстановке, но, похоже, другого выбора ему не оставили. — Видишь ли, какое дело...

Его заглушила Лорна, прошлепавшая к захлебывающейся водой старой бронзовой трубе. Оценив величину разрушений, трактирщица сердито заорала, приказывая настояльцам не торчать на месте, изучая собственные задницы, а шевелиться — волочить доски, мешки с песком, камни, в общем, любые предметы, годные для соружения временной затычки. Джай отправился посмотреть, что случилось с воротами, ныне валявшимися посреди улицы. Остальные, перегортиваясь и взаимно обвиняя друг друга в склонности и непредусмотрительности, нехотя принялись за работу.

* * *

Объединенные усилия иногда приносят не плохой результат. Теперь посреди авара громоздился неопрятный холмик из мешков, валунов и рассыпанной земли, зато фонтанирующая прорва утихла, оставив на память быстро высыхающие лужицы. Лорна бродила вокруг и озабоченно прикидывала, что выгоднее и обойдется дешевле: устроить новый водомет или вырыть колодец. Фонтан, конечно, доказывает обеспеченность владельца таверны и его хороший вкус, однако дополнительный колодец в задыхающемся без воды Шадизаре куда полезнее.

Одну створку ворот стараниями Джая, Конана и дававшего ценные указания Ши удалось кое-как приладить на место. Дела со второй обстояли хуже — спятившая молельня выворотила без того слабо державшиеся проржавевшие петли. Пришлось ограничиться тем, что втащить половинку бывших ворот во двор и прислонить к забору.

—...Ворота сломали, фонтан развалили, грязи навели,— хмуро перечисляла бритунийка, возясь за стойкой с закупоренным бочонком. Компания, убежденная, что ее честные и тяжкие труды заслуживают бесплатной выпивки за счет заведения, пропустила справедливые обвинения хозяйки «Норы» мимо ушей.— Не говоря уж о перебитой посуде и ломаных скамейках. Чует мое сердце, скоро вы не оставите от бедного трактира камня на камне. Мне придется пойти по миру с протянутой рукой!

— В которой будет зажат длиинный меч,— Проныра развел руки в стороны, наглядно показывая величину клинка.— Дабы ни у кого из встреченных на глухой лесной дороге путников не возникло сомнений — перед ними несчастная обобранная женщина, мечтающая только о пачочке медных монет.

— Золотых,— серьезно поправила трактирщица.— Неужели ты всерьез полагаешь, что мне хватит пары каких-то жалких медяков?

— Сматря для чего...

— Между прочим, вы даже не подозреваете, какую услугу нам оказали! — с заднего двора

явился Ши, строивший чрезвычайно загадочную физиономию.

— Гуси превратились в летающих свиней, курицы — в павлинов, утки сами начинились фисташками и изжарились,— меланхолично предположил Аластор.

— Гораздо хуже,— фыркнул Ши.— Идите посмотрите!

Уставшее и заполучившее свое угождение общество никуда идти не хотело. Ши хихикал и уверял, что на случившееся стоит взглянуть. Первой не выдержала и поднялась со скамьи Феруза, пробормотав, что любопытство губит не только копек. За ней понемногу потянулись и остальные.

Обещанное зрелище, впрочем, стоило краткой прогулки по черному ходу таверны.

Там, где прежде торчал сколоченный из невесть где прибранных досок и перекошенный на левый бок нужник, теперь красовалась выкопанная в песчаном грунте глубокая яма.

Окруженная пыльными лопухами, со слегка осыпавшимися краями, абсолютно пустая, сухая и чистая. Джай, в последние дни переставший доверять собственному зрению, осторожно приблизился к оплывшему срезу и носком сапога спихнул вглубь подвернувшийся камешек. Тот послушно капул вниз, вскоре долетел глухой звук удара.

— А жезла, который мы туда уронили, не видно? — Кэрли, вытянув шею и стараясь держаться подальше, боязливо заглянула в яму.

— Отсюда не разглядеть,— отозвался Ши.— Можно попробовать спустить вниз фонарь на веревке... или слазать кому-нибудь.

— Ты не хочешь? — любезно предложила трактирщица. Воришка замотал головой и на всякий случай сделал пару шагов назад, поближе к спасительной двери черного хода.

— Благодарствую, меня ужс пытались туда отправить.

— Тогда в самом деле раздобудь лампу,— распорядилась Лорна.— И бечевку подлиннее и покрепче. Глянем, не завалялось ли там чего полезного.

Надежды трактирщицы не оправдались — глинистое дно волнисто пустовало. Хисс и Кэрли быстро потеряли интерес к розыскам и, поспешившись, улизнули из трактира со своим делам. Аластор вежливо-ехидно осведомился, как Лорна собирается использовать яму, чудесным образом очистившуюся от непривлекательного на вид, цвет и запах содержимого?

Не следует ли теперь считать это место благословенным, распустить побольше слухов и брать деньги за разрешение хоть одним глазом увидеть небывалое?

Бритунийка привычно отругнулась и задумалась. Трактир лишился нужника, зато обзавелся подозрительной яминой.

Куда в ближайшее же время наверняка свалится какой-либо из постояльцев, находящийся в помраченном состоянии ума и духа. Придется вернуть яме ее первоначальный смысл. Проще

говоря, взять доски, гвозди, пилу и соорудить новый нужник.

Идею не одобрили. Вернее, дружно согласились с тем, что не годится оставлять посреди двора эдакий провал, однако каждый вспомнил о неотложном и срочном занятии. Ши поступил проще всех, откровенно заявив: физическая работа ему претит и вообще он в жизни не держал в руках ничего, хоть отдаленно напоминающего молоток.

— Найми кого-нибудь,— посоветовал воришка.

— Как крушить все подряд, так они первые. Как сколотить пару досок — позовите дядю,— немедленно заворчала трактирщица.— Дядя-то за «спасибо» трудиться не станет... Кто, между прочим, бросил туда треклятую штуковину?

Ши сделал вид, будто страдает врожденной глухотой и не понимает намеков.

— Я сделаю,— обозначил свое присутствие как обычно помалкивавший и пристально наблюдавший за приятелями Малыш.

— Во-во! — с готовностью поддержал Ши.— Пусть это отродье полуночных снегов принесет хоть какую-то пользу!

— От него в любом случае пользы больше, чем от тебя,— отрезала Лорна.— Вот что, дорогие мои. Шли бы вы отсюда куда подальше и возвращались вечером. А лучше — не показывались до следующего утра.

— За что такая немилость? — жалобно заныл Джай.

— Хватит с меня разрушений. Кто знает, что вы пожелаете разнести в следующий раз?

— Правильное решение,— согласился Аластор, увлекая за собой Ферузу и Джая. Ши, рассудив, что нет ничего приятнее, чем созерцать работу, которую выполняет за тебя кто-то другой, решил пока задержаться. Нельзя же упускать повод позубоскалить над Малышом?

— Ши,— Аластор задержался в дверях черного хода и жестом подозвал воришку. Огляделся, убедившись, что трактирщица и мальчишка-варвар увлеченно громыхают в сарае досками и кусками жести, отыскивая подходящий материал для постройки, и негромко поинтересовался: — Ты не мог бы оказать мне одну услугу?

— Всегда пожалуйста. Кого надо убить?

— Пока никого,— взломщик рассеянно забарабанил пальцами по дверному косяку.— Разузнай для меня последние городские новости. Кажется, ветер доносит запах большой паживы...

— Кодо и Назирхат что-то затевают? — на лету перехватил недоговоренную мысль Ши.

— Понятия не имею,— чуть разочарованно признался Аластор.— Он хотел узнать, занят ли я в ближайшие три-четыре дня и можно ли рассчитывать на мои услуги. Вел себя необычайно вежливо, отпустил пару крайне нелестных замечаний в сторону своего покровителя и, надо отдать ему должное, ничего особенного толком не сказал.

— Набирают людей для крупного дела? — предположил Ши и сам возразил: — Тогда непре-

менно пошли бы слухи. В Шадизаре невозможно долго хранить секреты.

— Потому я и хочу, чтобы ты держал уши открытыми. Кстати...— Аластор помолчал, обдумывая какую-то мысль.— Из недомовок Кодо я понял, что понадобятся несколько человек. Ты пошел бы со мной?

— Я с замками не работаю,— напомнил Ши, хотя первым его побуждением было закричать: «Конечно, пойду!» и он едва успел прикусить язык.— И мы не знаем, во что нас втягивают. Надо разузнать, о чем болтают на улицах.

— Конечно,— согласился Аластор, мотнув черными локонами.— Так в случае чего я могу на тебя рассчитывать?

— Ага.

Взломщик кивнул на прощание и ушел, оставив Ши развлекаться предположениями — не грядут ли в Городе Воров интересные времена, а если грядут, то как бы оказаться среди участников будущих событий?

Любопытно, куда сбежала ожившая молельня и чем собирается заняться? Не проповедовать же обитателям Шадизара свое учение? А что, замечательное получится сооружение — храм, который сам себе жрец!

Надо уговорить Малыша пошарить по окрестным кварталам, поискать беглый нужник. Бряд ли тот далеко ушел — даже восемь здоровенных ног не смогут долго таскать на себе увесистую мраморную глыбу. Наверняка обосновался где-то поблизости.

Глава вторая

Старые книги, редкие звери

интересно, куда подевалось то, что бултыхалось в яме? Не испарилось ведь, в самом деле? И жезл тоже сгинул...

— Ничто не пропадает бесследно. Значит, объявится в другом месте.

— Хочешь сказать, в каком-нибудь квартале с небес обрушится большая куча?..

— Ага.

— Вот кому-то не повезет... Значит, палочка тоже будет в этой куче?

— Может будет, может нет. Кто ее знает, что это за палочка. Сначала привела к нам этот летающий пузырь с зубами, потом наводнила весь трактир лысыми синими кошками и скорпионами в клеточку...

— В полосочку.

— Хоть в горошек! Скорпионы с крыльями равнозначны явлению розовых летающих овец!

И гляди, чем закончились превращения — модельней с болтливым Голосом внутри.

— Ты понимаешь, о чём он толковал? Я, признаюсь, ровным счетом ничего. Заумь какая-то.

— Как в любой религии. Главное — побольше зловещих и непонятных слов, дабы запугать не-посвященных и внушить им почтение. Великий Дух Нужника да пребудет с вами! Трепещите и внимайте!

— Между прочим, Ши вчера вечером на радостях выплеснул в бедный нужник полкувшина шемского. Может, оттого Голос так и разобрало, что он вылез из своего угла?

— С шемского, особенно с того, что закупает Лорна, кого хочешь разберет.

— Например, кое-кто из моих знакомых не-медля забирается под юбку к первой попавшейся на глаза особе... Как она, ничего? Стоит по-траченных на нее стараний?

Хисс сбился с шага, вопросительно покосился на безмятежно созерцающую сизовато-голубые небеса Кэрли и как можно равнодушнее поинтересовался:

— Ты о чём?

— Будто сам не догадываешься,— презрительно фыркнула девушка.

— В незапамятные времена, когда мы только-только имели несчастье познакомиться,— задушевно проговорил Хисс,— мы заключили определенное соглашение. Ты сама на нем настаивала. Как же оно звучало?.. Ага, вспомнил. Не лезть в личные дела друг друга, если таковые не

угрожают нашему общему промыслу. Вполне разумный договор, не находишь? Или ты решила его пересмотреть? С чего бы? Я вроде старался честно соблюдать условия. Помалкивал, когда ты вертала хвостом на все стороны и шлялась с кем не попадя. Или... — он хитро прищурился, — или мы имеем приступ обычной ревности? Ай-ай, дорогуша, ты меня разочаровываешь. Не хватает только, чтобы ты подкараулила Аиа и устроила драку с тяганием за волосы и истошными воплями на целый квартал. Мне, конечно, будет весьма лестно... Однако согласись: скандал — это вульгарно. Ты ведь не обворованная торговка, чтобы визжать, причитать и грозить десятю небесными карами?

Кэрли зло пнула подвернувшийся под ногу камешек и ничего не ответила. Конечно, Хисс прав, зря она затягала эту перебранку. Сама ничуть не лучше. Кто, спрашивается, ночь напролет любезничал с Ши Шеламом? И нечего ссыльаться на излишне выпитое и туман в голове — прекрасно соображала, что делала.

— Так что скажешь? — не отставал Хисс.

— Мы компании и друзья, — нехотя выделила Кэрли.

— Ими и останемся, — подвел итог Хисс, и, дабы уйти от тягостного разговора, со смешком полюбопытствовал: — Как полагаешь, чем занят беглый нужник?

— Подыскивает местечко для нового жилья и учится быть бродячим проповедником, — с апломбом заявила девушка и хмыкнула. — Если не

попадается на глаза особо рьяным последователям кого-нибудь из небожителей, может, и преуспеет.

— В нашем-то городе тысячи и одной веры, где большинству глубоко плевать на богов? — искренне удивился Хисс. — Да хоть объяви себя поклонником ритуального людоедства или всеобщего хождения на голове — никто не обратит внимания. Можно с полным основанием сказать: Шадизар — единственный город в мире, где разрешено все, что не запрещено, а запретов не существует. Признаемых, я имею в виду, — уточнил он после некоторого раздумья. — Официальные-то попадаются, только кто их соблюдает?

Хисс и Кэрли пробирались через торговый квартал Сахиль, краем уха ловя зазывные выкрики торговцев и обрывки утренних сплетен, привычно лавируя между застревающими в узких улицах повозками и мимолетно раскланиваясь со встречавшимися знакомыми. Сахиль, обиталище всяческого рода перекупщиков, купцов, ростовщиков, мастеровых и прочего подобного люда, бурлил обычной жизнью. Свершился бесконечный круговорот денег, услуг, договоров, расписок и товаров, неотъемлемой частью которого являлась парочка мошенников. Их охотничий угодья тянулись чуть дальше к полудню от Большого Каменного Рынка, в переулках возле длинной улицы Ишлаз — Пергаментной Аллеи, россыпи лавок книжников, антикваров, ювелиров и собирателей редкостей. Как утверждала молва, на Ишлазе можно найти что угодно — от

подлинной летописи эпохи Гибели Кхарийской Империи и Ахерона и монеты времен Эпимитриуса до свежесуказанного розового алмаза из королевской сокровищницы Немедии, почти неотличимого от настоящего.

Сперва в этот замкнутый мирок проник Хисс, питавший необъяснимую тягу к любым старинным вещам — оружию, книгам, амулетам, украшениям и просто безделушкам. Постепенно он заразил тягой к руконысям и подружку, ранее считавшую изыскания в библиотеках уделом сорбеных чудаковатых стариков, а ценность книг измерявшую количеством украшений и позолоты на переплетах.

Теперь Кэрли научилась довольно уверенно определять подлинность угодившего к ней в руки тома, приблизительное время и место его создания, имя переписчика или автора, стоимость, и самое главное — отыщется ли для находки заинтересованный покупатель с упитанным кошельком. Выслеживание редких сочинений оказалось увлекательнейшим и доходным занятием, ненамного безопаснее обычного мошенничества.

В качестве места встречи с возможными работодателями и любителями пергаментных сокровищ парочка облюбовала таверну «Цветок папируса» — тихое, уютное заведение из числа имеющихся «широко известными в узких кругах». Те, кому требовались услуги Хисса и Кэрли, заглядывали сюда, передавая вести через хозяина, и рано или поздно встречались с компаниями.

Ишлаз выгодно отличалась от прочих улиц города заметным спокойствием: здешние обитатели придерживались разумного мнения, что торопливость не приносит добрых плодов. Молодые люди, подчиняясь общему течению жизни, пошли медленнее, задерживаясь почти у каждого прилавка, разглядывая выставленные на продажу вещицы и заодно узнавая свежие новости.

Таковые в основном посвящались вчерашним событиям на Воловьей площади и сорвавшейся церемонии наказания попавшихся воров и мошенников. Очевидцы живописно описывали состояние бешенства, в котором пребывал ныне верховный дознаватель Шадизара, месьор Рекифес. Шептались о возможном суде над шайкой гномов из квартала Чамган, схваченных с поличным при попытке вывести из города награбленное добро, и о том, что поиски главаря жуликоватых карликов, некоего Альбриха, пока ни к чему не привели.

— Он, наверное, сковал от злости собственную бороду, — язвительно заметила Кэрли, ибо компания из «Уютной норы» могла добавить к рассказам сплетников много захватывающих подробностей, касающихся предприимчивого Альбриха и его делишек. — Удирает сейчас куда-нибудь в сторону Граскаала, честя нас последними словами.

— Я бы не слишком на это надеялся, — отозвался Хисс. — Мы невольно сорвали его планы и поссорили с сородичами. Как бы в его туповатую гномью голову не закралась мысль о мести.

— Кому, нам? — девушка легкомысленно махнула рукой. — Глупости! Ему намного важнее сберечь свою шкуру, чем отомстить каким-то жалким человеческим отродьям. Ты же знаешь, как подгорное племя относится к людям.

— Ему некуда бежать, — задумчиво протянул Хисс, изучая разложенные на деревянном лотке резные костяные фигурки из Кхитая. — И, по его мнению, виновны в этом мы...

— Да брось, — настаивала Кэрли. — Он давно смылся из Шадизара. Такой тип, как Альбрих, в любую щель без масла пролезет и устроится так, что обзавидуешься.

— Возможно, возможно, — рассеянно кивнул рыжеволосый мошенник, перебирая крохотные статуэтки. Ничего не выбрав, зашагал дальше. Отойдя на пару десятков шагов, ехидно ухмыльнулся, встряхнул кистью и на лету поймал выпавшую из рукава фигурку.

— Жабу спер, — удивилась Кэрли, разглядев добычу — изображение пузатой и чрезвычайно надменной лягушки, сидевшей на листе кувшинки. — Зачем она тебе понадобилась?

— Нравится, — Хисс погладил пучеглазую тварь по спинке.

— Она стоит сущую мелочь, мог бы просто так купить... А, поняла! — девушка обрадованно щелкнула пальцами. — Опять поклонение Великой Жабе, да?

— Какая ты догадливая, просто удивительно, — ядовито ответил Хисс и сунул приобретение в болтавшийся у пояса кошель. — К твоей

сообразительности добавить капельку ума — ценны б тебе не было.

Кэрли не обиделась. В конце концов, упоминание о «поклонении Жабе» — одна из распространенных шадизарских насмешек. Жаба или лягушка считалась символом жадности; таким образом, назвав человека «адептом Великой Жабы», ты просто-напросто обзываешь его скрягой. За Хиссом — что справедливо признавалось всеми его друзьями и даже им самим — водился подобный недостаток. Его подружка частенько страдала тем же недугом. Так, недавно она приобрела по случаю двадцать локтей ядовито-зеленого бархата и теперь ломала голову над тем, куда бы их приспособить. Ей совершенно не требовалось такое количество материи, но ведь отдавали задешево!

* * *

«Цветок папируса» встретил гостей долгожданной прохладой, шелестящими связками трав на стенах, сдержанными приветствиями завсегдатаев и обрадованным кивком хозяина, немедля выудившего из потайного ящика под стойкой увесистый квадратный пакет, тщательно замотанный в холстину и перевязанный тонкими веревочками.

— Велено передать, — с этими словами он вручил сверток Хиссу, присовокупив к нему две помятые оловянные кружки, традиционно заказываемый кувшин турецкого «Лунного сияния»

и тарелку со свежими медовыми лепешками.— Давненько вы не заглядывали. Заботы, хлопоты?

— Они, проклятущие,— Кэрли забрала блюдо.— Вертимся, крутимся, словно ослы на крупорушке, а толку — чуть.

— Тут с вами повидаться хотели,— трактирщик понизил голос и оглянулся.— Странноватый тип, я вам скажу... Поглядеть, так смахивает на последнего нищеброда, но золотишко у него водится, это точно.

— Этот тип не говорил, когда зайдет в следующий раз? — деловито уточнил Хисс, оторвавшись от вдумчивого развязывания веревок на посылке.

— Он тут живет,— с видом человека, открывшего страшную тайну, признался хозяин.— В пристройке на заднем дворе. Позвать?

Двое мошенников вопросительно переглянулись. Возможность заработать есть возможность заработать, а личность нанимателя никогда не имела для них особенного значения.

— Валяй,— решил Хисс.

Они только успели расположиться за отодвинутым в тихий угол столом, который уже привыкли считать своим, как рядом, пристукнув тяжелым дубовым посохом, возникла крайне загадочная фигура. Выцветший и обтрепавшийся по краям желтовато-коричневый дорожный плащ из тоистого сукна, низко надвинутый капюшон и скрывающие лицо многочисленные повязки создавали образ чего-то среднего между митрианским пилигримом и туранским пустынным ко-

чевником. Кэрли уловила идущий от незнакомца причудливый запах — смесь кисловатой выдубленной кожи и сущеных цветков шандры. По ее представлению, так пахли старые книги или мумии. Встревоженная девушка на всякий случай отодвинулась от стола и украдкой проверила спрятанный в складках широкой юбки кинжал.

Голос у неизвестного оказался под стать облику — скрипучий, словно исходящий из горла, натертого песчинками.

— Можете называть меня Леук,— сообщил он, прислоняя посох к стене и присаживаясь напротив озадаченных молодых людей. Кэрли попыталась разглядеть глаза собеседника, но ничего не получилось — они надежно прятались в тени.— Вы — Хисс и Кэрли?

Хисс сдержанно кивнул. Незнакомец ему не нравился.

В Шадизаре полно людей, к которым испытываешь неприязнь с первого взгляда, однако тут происходило нечто другое. Леук меньше всего походил на человека, интересующегося рукописями. Он, если на то пошло, вообще не поддавался определению.

И вдобавок это имя — в переводе с шемского диалекта не то «Преследователь», не то «Охотник». Наверняка вымышленное, причем с умыслом.

Может, не связываться? Но ведь до крайности любопытно, что он намеревается предложить...

— Итак? — не прияя к определенному выводу, осторожно и по возможности вежливо начал Хисс. — Чем можем быть полезны?

Из-под тряпок донесся глуховатый смешок.

— Я ищу потерявшуюся вещь, — взяточно проговорил Леук. — Меня заверили, будто вы неплохо разбираетесь в старинных книгах. Одна такая была похищена из частной коллекции и затерялась где-то в городе. Вы бы взялись ее разыскать? Предупреждаю, поиск может оказаться долгим и сложным — книгу наверняка неоднократно перепродаивали. Если согласитесь, оплату любых расходов я возьму на себя.

— И как давно пропал раритет? — уточнила Кэрли, рассеянно отципывая кусочки лепешки.

— Около трех лун назад, — немедля отозвался Леук.

— Почтеннейший Леук твердо уверен, что книга до сих пор в Шадизаре? — Хисс задумчиво вращал меж пальцев подобранную на столе тростинку.

Спрятанная под кашюпоном голова решительно наклонилась, подтверждая.

— Автор, внешний вид, приметы? — азартно перечислил Хисс. Плевать, кто такой этот замятный с ног до головы в драное тряпье Леук, главное — как выглядит его золото.

— Книга довольно большая, где-то две ладони длиной и полторы — шириной, — неторопливо, точно мысленно представляя себе похищенный том, начал описывать Леук. — Переплет выполнен из очень старой черной кожи с зеленоватыми

тыми пятнами. Корешок и обложка украшены бронзовыми накладками и застегиваются на два замка. Имя автора не сохранилось, однако на титульном листе имеется надпись — «Россыпь сочлененных песчинок». Язык... — он на мгновение замолчал, — кажется, древнекофийский, хотя поручиться не могу. Под заголовком рисунок красной тушью и золотом: солнечные часы, тень приближается к полудню. Слева от рисунка, если смотреть на просвет, проступает изображение черепа.

«Наверно, заумный философский трактат», — предположил Хисс, а вслух спросил:

— Приблизительное содержание? На тот случай, если... нынешний владелец вздумает поменять обложку.

— Сборник жизнеописаний. К сожалению, мне в точности неизвестно, чьи именно биографии туда включены, — в бесстрастном голосе Леука послышалось слабое разочарование. — Так беретесь за розыск?

— Угу, — небрежно бросил Хисс в ответ. — Напиши обычные условия: полсотни золотых немедийских ауреев вперед, дальнейшая оплата — в зависимости от обстоятельств. Каждые пять дней мы будем либо заглядывать сюда, либо оставлять весточки о том, как продвигаются дела. Если найдем — триста ауреев новой чеканки. Могут сгодиться и туранские империалы. Устраивает?

Вместо ответа Леук извлек из недр своей пыльной хламиды потертый кожаный мешочек,

молча положил его посреди столешницы, встал, забрал посох и, не говоря ни слова, ушел. Посетители «Цветка», мимо которых он проходил, невольно умолкали и неприязненно косились ему вслед. Нелепая фигура в тяжелом плаще миновала порог таверны и растворилась в солнечном мареве. Кто-то шумно и облегченно вздохнул,— кажется, хозяин.

— Однако...— протянула не на шутку удивленная Кэрли. Нагнулась и зачем-то заглянула под стол.

— Ты чего там потеряла?

— Хотела проверить — не сыпается ли из него песок,— серьезно объяснила девушка.— Он похож на оживленного покойника, тебе не показалось? Глянь, что он нам подкинул? Если обжали — разыщу и выпотрошу!

Хисс несколькими рывками ослабил завязки у горлышка кошеля, запустил внутрь два пальца и вытянул тяжелую, тускло поблескивающую монстру, слегка обтерпнуся по краям.

— Это что? — нахмурилась Кэрли.

— Офирский двуденарий,— Хисс повертел кругляш, прикидывая на вес и оценивая.— Отчеканен в правление короля Атриадала Скупица, то есть лет двести пятьдесят назад. У менял и собирателей монет идет по пяти империалов за штуку...— склонив голову набок, он потряс мешочек.— Тут их не меньше десятка.

Девушка без труда подсчитала общую сумму и вытаращилась на своего приятеля. Тот недоуменно пожал плечами.

Построить деревянную будку в сущности не так сложно — три стены, наклонная крыша, навесная дверь, да еще доска с вышиленной круглой дырой. Убедившись, что Малыш прекрасно справляется без ее помощи, Лорна вернулась в трактир, к привычным обязанностям.

Постояльцы разбежались кто куда — добывать хлеб насущный, плести новые интрижки и собирать на свою голову очередные приключения. Райгарх незамысловато напился и побрел отсыпаться. Ши покрутился на заднем дворе, давая приятелю советы, пока ему не наскучило это занятие и он не смылся в город. Аластор и Феруза тоже исчезли — судя по отсутствующему счастливому виду этой парочки, здраво рассудила Лорна, они не уйдут дальше дома гадалки, отстоящего на пару кварталов вверх по склону холма, и застрянут там до вечера, если не до следующего утра. Джай куда-то подевался — то ли поднялся наверх, вздремнуть, то ли ушел вслед за Ши.

Заваленный мешками фонтан подавал слабые признаки жизни, плюясь струйками воды. Над Шадизаром разгорался обычный летний день, тягостный и душный. Трактирщица свирепо покосилась на небо — ни единого облачка, нет даже малейшего намека на дождь. Опять жариться заживо.

И посетителей не предвидится — кто по добре воле выберется из дома в такой зной? Вот

стемнеет, похолодает, тогда можно рассчитывать на гостей и прибыль.

Лорна наведалась в кухню, лениво поболтала с прислугой, отчитала девчонку-служанку Рилну, разбившую с утра пару тарелок. Захватила кувшин с вином, щедросыпнула туда дорогих кусочков льда, плавившихся на глазах, и отправилась на задний двор — глянуть на успехи Малыша.

Мальчишка-варвар провозился до середины дня, однако справился с работой намного лучше, чем ожидала бритунийка. Трактирщица решила не обращать внимания на то, что дверь нужника висит слегка косовато и не закрывается до конца, равно как и на другое обстоятельство — строитель позабыл проделать хотя бы маленькие оконце. Мелкие огрехи она исправит сама или поручит Райгарху. В конце концов, самое важное — это добрые намерения. Ведь из шайки ее постояльцев, кроме Малыша, никто даже не почесался, чтобы помочь бедной женщине, еле сводящей концы с концами!

— Неплохо, — одобрила владелица трактира. Стоявший рядом Конан глядел на дело рук своих с таким удивлением, будто только теперь осознал, над чем трудился. — Очень даже неплохо. Куда симпатичнее уродины, что торчала здесь раньше... Есть хочешь? Я велю, чтобы тебе чего-нибудь приготовили.

— Лорна, Райгарх здорово расстроился из-за ящерицы? — неожиданно спросил Малыш. Судя по его вопросительному взгляду, ответ имел

большое значение, потому Лорна попыталась говорить можно честнее и точнее:

— Он, конечно, огорчился, но не настолько, чтобы считать жизнь прожитой зря. Через пару дней забудет про свою великую потерю. А что?

— Это я убил Мириану, — смотря куда-то в сторону, с явным трудом признался мальчишка и торопливо добавил: — Я не хотел. Так случайно получилось.

— Бедствие ты наше ходячее, — Лорна не выдержала и фыркнула. — Вечно-то у тебя все кувырком. Пошли, откроешь тайну, как ты прикончил бедную скотинку. Заодно и выпьем за помин ее души.

Повествование вышло недолгим — из-за привычки Конана к немногословности и потому, что рассказывать было особенно нечего. Трактирщица, слушая, изрядно повеселилась, заявив под конец, будто сама давно мечтала избавиться от ящерицы.

— Впрочем, если тебе приспичило искупить вину... — отсмеявшись, заметила она, — можешь добыть для Райгарха какую-нибудь особенную тварь. Только желательно тихую и спокойную. На худой конец, коли не найдешь ничего получше — купи собаку или кошку. Деньги найдутся? — кивок. — Знаешь, где в Сахиле расположен Блошиный рынок? — кивок. — Там продают всяческих редких животных. Сходи, это недалеко. Даже тебе не удастся всплынуть по дороге ни в какую историю. Иди, иди, нечего целыми днями торчать в трактире и маяться от скуки.

— Правда? — недоверчиво уточнил Малыш. Общество «Уютной норы» полагало, что ему пока не стоит соваться в город без сопровождения, дабы по незнанию местных обычаев не натворить бед. Лорна же считала, что мальчишка вполне способен как постоять за себя, так и отличить белое от черного.

По правде, трактирщица просто хотела отдохнуть после на редкость суматошного утра.

* * *

В Шадизаре очень любили двусмысленные загадки. Одна из них гласила: «Если на Зеленном рынке торгуют овоцами, на Тряпичном — одеждой и коврами, а на Овечьем — шерстью, то что продается на Блошином?» Кое-кто утверждал, что вшей, блох и прочих захребетников мира насекомых там насчитывается гораздо больше, чем торговцев и расхваливаемых ими животных.

Неписаная заповедь Города Воров гласила: «На продажу годится все, чему отыщется покупатель». Потому с течением времени пришлось создать несколько рынков для живности: уже упоминавшийся Овечий; Лошадиный — с делением на места для породистых скакунов и обычной тягловой скотины; Мясной или Телячий, где по неведомым причинам преобладали свиньи, и, наконец, наиболее шумливый и нестрый — Блошиный.

Сюда стекались привезенные из дальних краев необычные создания природы. Тут любой же

лающий мог приобрести животных, специально выращиваемых для азартных игр — от бойцовых гусей и петухов до огромных мрачных тарантулов траурно-черного цвета. Здесь торговали дурно орущими павлинами и крохотными радужными птичками из Черных королевств, зеленовато-пепельными стигийскими гадюками, обезьянками, белками, причудливыми турецкими ящерицами и даже яркими рыбками с Вилайета, плававшими в больших стеклянных посудинах.

Продается все, что может быть продано. Только плати.

Побродив между рядами прилавков, Конан слегка растерялся. Обитатели клеток, вольеров и загонов всрещали, рычали и щебетали, как оглаженные, явно стараясь перекричать своих владельцев. В различных углах рынка то и дело раздавались отчаянные вопли — либо животное укусило возможного покупателя, неосторожно сунувшего руку в клетку, либо какой-то зверь попытался удрать. Причем сбегали пленники не из стремления к свободе, а ради того, чтобы устроить славную кутерьму и заставить двуногих всласть погоняться за собой.

На глазах недоумевающего Малыша десяток человек с криками преследовал золотисто-коричневого зверька, похожего на упитанную крысу-переростка. Беглец весело шнырял между ящиками и мешками, вызывающее пищал и в конце концов, устав от беготни, добровольно вернулся в место своего заточения. Хозяин животного, узрев «беглую» крысу вossaедающей посреди клет-

ки и деловито разгрызающей орех, схватился за сердце и рухнул, где стоял. К сожалению, он приземлился на немедленно порвавшийся мешок с семечками и исчез в вихре налетевших прожорливых голубей.

Идей относительно достойной замены Мириане в голову пока не приходило. Можно, конечно, приобрести одного из ее сородичей — вон они, азартно копаются в горке песка посреди большой клетки. Однако Конан уже успел невольно проникнуться всеобщим легким сумасшествием, и сообразил, что появление второй Мирианы особой радости не вызовет. Вдобавок ящерица наверняка не понравится Лорне. Нужно придумать нечто иное.

В какой-то момент он решил, что обрел искомое: внутри шара из мутно-желтоватого стекла плыряли странноватые рыбы — плоские, серебристые, с зловеще-туповатыми мордами и выпирающими зубами. Рыбки лихо выпрыгивали из воды, хватая пролетающих мух и слепней, яростно набрасывались на кусочки мяса, бросаемые в воду, и цапнули за палец зеваку, решившего поиграть с судьбой.

К сожалению, кусачие рыбы пользовались спросом и раскупались быстрее, чем пирожки в разгар ярмарки. Малыш застал владельца рыб за лихорадочными попытками изловить маленьким сачком последних.

«Может, в самом деле собаку купить? — прислушавшись, мальчишка отлично различал разноголосый лай, долетавший из Песчаного Угла. —

Только Лорна без того держит двух, зачем приводить еще одну?»

Маленький загончик из небрежно ошкуренных жердей привлек внимание Малыша собравшейся толпой, удивленными возгласами и громкими разглагольствованиями продавца:

— Такого вы еще никогда не встречали, клянусь здоровьем моей мамы, чтоб она прожила тысячу лет! Сии поразительнейшие твари были с величайшими трудностями и опасностями изловлены не где-нибудь, но в самом Дарфаре — стране кровожадных людоедов! Если бы вы только могли представить, каких трудов стоило доставить их сюда, для развлечения и увеселения почтеннейшей публики, вы не смогли бы заснуть, опасаясь копмаров!

— А какая от них польза? — скептически заметил кто-то из зрителей.

— Польза бывает от капуунов и хряков, — не замедлил с ответом бойкий торговец. — Эти же творения поражают воображение и заставляют ваших недругов исходить завистью, ибо им негде раздобыть подобное диво!

Толпа уважительно запепталась. Если у тебя имеется нечто, чему завидуют остальные, значит, ты действительно сумел достичь успеха в жизни.

— Как они называются? — пискнул любопытный детский голосок.

— Что жрут? — добавил процветающего вида купец, за руку которого цеплялась вертлявая накрашенная девица.

— Сколько за штуку? — прозвучал самый главный вопрос, после которого начиналось самое захватывающее действие — торговля.

— В джунглях этого зверя прозывают «лекудо», что означает «носящий доспех», — важно сообщил торговец. — Кормить его следует свежим мясом, птичьими яйцами и фруктами. Кстати, он умеет ловить муравьев, змей и лягушек, отчего-таки приносит некий прок в хозяйстве. Что до цены, почтеннейшие, то...

Окончание фразы Конан прослушал, потому что сумел добраться до загона и увидеть зверя пекудо.

Обитатель дарфарских лесов оказался причудливым существом в локоть длиной, покрытым крупными светло-янтарными чешуйками. Спереди выглядывала лысоватая мордочка с парой блестящих глазок, приюхивающимся носом и дергающимися ушами, напоминавшими уменьшенные ослиные. Позади волочился длинный хвост, похожий на окованную железом дубинку. Зверьки, числом шесть или семь, пыхтя, быстро семенили по загону, иногда свертываясь в большие шары, задирали друг друга, пытались целеустремленно выкопать нору в окружавших бревнах и выглядели довольно забавно — эдакие живые сосновые шишки.

«Пожалуй, такой сойдет...»

Купец, к восторгу своей спутницы и несомненной выгоде продавца, сторговался на пятнадцать туранских полуимпериалах за животное. Плотный мешок с барахтавшейся внутри покуп-

кой вручили одному из сопровождавших купца слуг (без того нагруженному свертками), дополнив поручение грозным наказом смотреть в оба и беречь пуще глаза.

«Не умейте спорить о деньгах, поступай проще — набрось немного сверх того, что давал предыдущий покупатель, и постараитесь успеть прежде, чем налетят другие желающие. Если держаться достаточно уверенно, подействует», — наставлял подопечного Джай Проныра и совет не прошел даром.

...Следующего зверька, выложив аж целых восемнадцать полуимпериалов, унес хмурый молодой человек варварского обличья — не то охранник из богатого дома, не то вышибала при дорогом заведении, а может, чей-то дружок или просто временно разбогатевший воришка. Продавец заикнулся было разузнать, для каких целей приобретается столь редкостное существо, но, по быстрому рассуждению, решил, что это не имеет особенного значения. Да хотя бы зверя изжарят на медленном огне в репейном масле или запихнут в золоченую клетку и будут хвастаться перед друзьями. Барыш получен до последней монетки, дальнейшая судьба чешуйчатых тварей зависит только от их нового владельца.

Прочих раскусили почти сразу. За последнего давали аж тридцать империалов и он послужил поводом к изрядной ссоре. Обзавестись некудо желали разряженная в пух и прах содержанка местного богатея и не менее расфуфыренный турец, величавший себя поставщиком двора Всес-

властного и Славнейшего Владыки Илдиза. Победил туранец, раскошелившийся на тридцать пять золотых. Красотка презрительно фыркнула и гордо удалилась, не преминув высказать, что она думает о туранцах вообще и в частности.

«В следующий раз надо раздобыть не семь штук этих зверюг, а хотя бы два десятка,— благостно размышлял торговец спустя некоторое время, посиживая в тихой таверне и ласково поглаживая бок непримечательного мешка из се- рой холстины.— Еще пяток распродаж — и можно обзаводиться домиком в приличном квартале...»

Светлые надежды не сбылись — спустя два дня предприимчивого сбытчика редких животных обокрали.

* * *

Пекудо совершенно не нравилось сидеть в заточении, что он высказывал всеми доступными животному способами — хрюкал, царапался, пыхтел и рвался наружу. Чтобы угомонить зверька, пришлось спешно купить цыпленка и забросить в мешок. Оттуда раздалось сначала чихание, затем довольно похрустывание. Пекудо перестал метаться и занялся вдумчивым обгладыванием косточек.

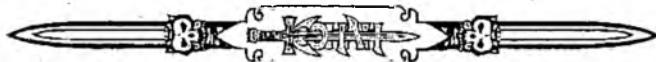
Спешить некуда. Подарок куплен, хотя на него ушли все невеликие сбережения. Можно не торопясь пройтись по городу, к наступлению сумерек вернувшись на постоянный двор.

И мальчик-варвар отправился наугад, в самом прямом смысле — куда ноги выведут. Обошел полуденную часть Сахиля, услышал сплетни о новом подвиге летучего Пузыря-с-Зубами (тот сожрал перекладину знаменитой городской виселицы Тетушки Амона, не побрезговав заодно болтавшимся на ней трупом), поглядел, как уличная стража разгоняет драку возле Каменного рынка, свернул в какой-то переулок и неожиданно очутился на крохотной площади, втиснувшейся между торговыми складами и купеческими домами. Площадь могла похвастаться относительно неповрежденной каменной мостовой и героически выдерживавшими солнечный жар старыми пластанами.

В углу площади торчала остроконечная вершина полотняного шатра. Украшавшие его некогда разноцветные полосы вылиняли, но жестяной флагок на макушке не потерял бодрости, многочисленные ленты и фестончики вяло трепыхались, а шумное скопление людей поблизости доказывало, что происходит нечто любопытное. Пекудо, кажется, объелся и заснул, отчего бы не глянуть на причину сбираща поближе?

Под сенью шатра скрывались деревянные подмостки. За ними торчал ярко размалеванный холцовый задник, изображавший вид на спускающиеся к морю зеленые холмы, и стояло впечатльного вида золотое кресло. Раскинувшийся в нем человек — красная мантия, съехавшая набок жестяная корона со множеством сверкающих камешков — тоскливо внимал яростной пе-

репалке двух женщин. Очередная реплика спорщиц вызвала бурный хохот зрителей и подсказала Малышу, что он видит.

Некогда его новому воспитателю, Джою Пронье, пришлось потратить немалое количество времени, слов и первов, растолковывая подростку из дикарских краев смысл такого простого и привычного в Заморе, равно как и иной цивилизованной стране развлечения, как лицедейское представление. Для Конана не существовало четкого различия между вымыщенным и действительным. Поначалу он твердо верил, что происходящее на сцене есть кусок обыденной жизни и льющаяся красная краска — настоящая кровь...

Отчаявшись вдолбить что-либо в тупую варварскую голову, Джай обратился за помощью к Аластору. Взломщик отнесся к просьбе неожиданно серьезно и сумел подобрать нужные слова, объяснив Малышу, как нужно воспринимать игру актеров и почему нельзя вмешиваться в ход показываемых событий. Мальчишка внимательно выслушал, поблагодарил, однако для себя решил, что подобные увеселения ему не нравятся. Слишком правдоподобные для выдумки. Однако коли в городах принято смотреть такое — он постарается привыкнуть и разобраться, что к чему.

Действо шло своим чередом и, когда присмотрелось, оказалось вполне понятным. Человек в кресле — судья. Толстуха в розовом — добродетельная мать семейства, возмущенная тем, что ее соседка содержит тайный веселый дом.

Красотка в зеленом и черном — обвиняемая, которая отнюдь не собирается признавать свою вину. Дамы орали друг на друга, пока судья не треснула по ручке трона и не велел спорщицам замолчать. Огласили приговор: бордель разгоняется, его хозяйка отправляется за решетку. Вышли стражники и увели продолжавшую возмущаться женщину.

Картина с морским берегом сменилась нарисованной каменной стеной с зарешеченым окошком — надо полагать, тюрьмой. Содержательница, закутанная в драный плащ, металась от стены к стене, с жаром доказывая, сколько благоденствий она оказала бедным девушким, трудившимся у нее, и сколь несправедлива жизнь. Отчаявшись, женщина бухнулась на колени и позвала к Покровительнице Всех Любящих — Иштар.

Позади тряпичного задника громыхнул раскат грома (поленом по медному листу), стена раздвинулась и в камеру сизошла богиня — как положено, вся в белом, с венком из роз на голове и потрепанным чучелом голубя в руке. Ее приветствовали смешками и радостным улюлюканьем.

Иштар принялась сердито отчитывать свою поклонницу: сначала за то, что та отвлекает небожительницу всякой ерундой, затем — за неумение вести дела, не понадаясь.

Содержательница послушно кивала головой, обещая впредь быть осмотрительнее, публика кричала что-то одобрительное, Малыш тоскливо

недоумевал. Кажется, в этом городе вообще не существовало такой вещи, как уважение к богам.

Обитатели Шадизара считали, что их небесные покровители вечно заняты другими хлопотами и не обращают внимания на выходки людей. Богов всегда можно задобрить богатым жертвованием храму или громким покаянием, украдкой продолжая их высмеивать.

—...И последний совет, дочь моя,— Тут актриса, изображавшая Иштар, кокетливо поправила сползший набок венок,— не вздумай опять именовать свое заведение тем, чем оно является. Это так — фи! — по-плебейски и так — фи! — вульгарно.

— Как же мне его назвать? — удивилась хозяйка.— Бордель — он и есть бордель, какое наименование ему не давай.

— Нет-нет,— богиня наставительно покачала указательным пальцем.— Я имела в виду совсем другое! Ты должна позаботиться, чтобы все думали, что ты, допустим, содержаишь приют для сирот... или вышивальную мастерскую... или помогаешь небогатым девицам найти подходящих женихов... В общем, что-нибудь приличное и благопристойное. Благопристойность и незаметность — вот что я ценю больше всего, моя милая! Всегда помни об этом, и не пропадешь! А чем вы там занимаетесь — какое мне дело?..

Позади Малыша звонко и искренне расхохотались, захлопав в ладоши. Не выдержав, он оглянулся.

Возле шершавого ствола платана стояла девица. Обычная шадизарская девчонка — лет восемнадцати или побольше, скорее всего из торгового сословия, в меру подкрашенная, одетая без особой роскоши, но и не серая мышка, с корзинкой на локте и легкомысленной улыбочкой. Гладкие волосы цвета бронзы вспыхивали на солнце красноватым отливом, из-под вытянутых к вискам бровей на мир взирали беспечные светло-фиолетовые глаза с темными крапинками.

Джай, Ши или Хисс без колебаний отнесли бы девицу к числу «хорошеньких», причем Ши непременно потащился бы за ней следом в надежде завязать знакомство. Аластор, поглядев на незнакомку, изрек бы задумчиво: «В ней что-то есть...»

Лорна назвала бы ее сметливой вертихвосткой. Кэрли почувствовала бы родственную душу — тяготеющую к легкому обману, игривому флирту и житию за чужой счет.

Феруза... Впрочем, кто знает, что сказала бы Феруза?

Конан, не обладавший опытом своих друзей, видел только хихикающую над представлением девчонку.

Затихший пекудо даже нарочно не смог бы выбрать лучшего момента для рывка к свободе. Очевидно, он занимался тем, что старательно распирял обнаруженную в углу мешка дырку. Тяжкий труд завершился полным успехом. Холст затрещал, зверек вывалился на камни мостовой,

встрихнулся и на удивление быстро заковылял в сторону шатра.

— Ой,— растерянно сказала девица, когда мимо нее прощокало коготками непонятное создание, и на редкость проницательно заметила, обращаясь к замешкавшемуся Малышу: — Это твой? Он сейчас убежит!

— Сам вижу,— огрызнулся мальчишка. Пекудо, словно издеваясь, прокладывал путь к скоплению зрителей, где шанс поймать его становился ничтожнее песчинки.

— Стой, никуда не ходи, не вздумай спереть мою корзинку — там все равно ничего нет! — с этими словами девушка отшвырнула корзину (в ней что-то разбилось) и рванула вслед за удравшим зверьком. Они поочередно врезались в толпу и исчезли, сопровождаемые недовольным ворчанием тех, кому наступили на ногу или толкнули в бок.

Оставшемуся в одиночестве Малышу выпало подобрать корзину, из которой вытекла тонкая молочная струйка, и ждать, почти не надеясь ни на возвращение девицы, ни на обретение смышейся зверюги. На смену бурчанию пришли раздраженные выкрики — преследовавшая четвероногого беглеца незнакомка вошла во вкус, прокладывая себе дорогу локтями и пинками. До несся отчаянный визг, затем заковыристое изречение, сулившее мучительную смерть тем, кто устраивает тут гонки за мерзкими тварями.

Шум, сопровождавший перемещения охотницы, добрался до подмостков, заставив актеров

прерваться и взглянуть, что происходит. Вспыхнула какая-то возня, и все затихло. «Наверное, Лорна права — мне всю жизнь суждено влиться в дурацкие передряги...» Запыхавшаяся девчонка вынырнула из людского скопища, как выдра из речного омута. Мало того, у нее на руках лежал свернувшийся желтоватым клубком пекудо!

— Поймала! — торжествующе доложила она. Изумленно поглядела сначала на зверька, потом, еще более изумленно — на Малыша, и снова на животное. — Слушай, если не секрет, зачем тебе... такое? И что это?

— Подарок, — брякнул Конан. Девица склонила голову набок и вопросительно помахала ресницами:

— Подарок?.. Ладно. Только в награду за то, что я носилась за этой тварью, мы сейчас пойдем куда-нибудь, где есть тень и где продают что-нибудь холодное, и ты мне все-все расскажешь — откуда взялась эта тварюшка, кто ты такой и по какому поводу преподносят столь странные дары. И вдобавок придется купить новый мешок, если ты не собираешься снова ловить своего зверя по всему городу.

— У тебя кувшин с молоком разбился, — неожиданно для самого себя проговорил Малыш.

Девица пренебрежительно отмахнулась:

— Со мной вечно что-то случается, не обращай внимания... Кстати, если интересно — меня зовут Диери. Диери Эйттола.

Она слегка подбросила чешуйчатый шар и выжижательно уставилась на нового знакомого.

Глава третья

Смятение от безответной любви

рупные неприятности всегда начинаются с мелочей. Таков пакостный закон жизни, о котором частенько забывают. Впрочем, как можно безошибочно отличить мелочь, ведущую к катастрофическим последствиям, от мелочи, возможно, сулящей выгоду?

— Ши! Ши, погоди, не удирай! — оклик застиг воришку на пороге таверны. Поскольку голос принадлежал Ферузе, свесившейся через перила верхней галереи, Ши послушно замер и вкрадчиво поинтересовался:

— Чего тебе надобно, звезда предсказаний и луна среди гадалок? Если ты желаешь, чтобы я избавил тебя от присутствия этого зануды Альса, то извини. При всей пламенной любви к тебе, мне еще дорога собственная никчемная жизнь.

— С Аластором я как-нибудь сама управляюсь, — пообещала Феруза, сбегая вниз. — Сделай

одолжение — пристрой куда-нибудь эту штуковину.

С этими словами она вытащила спрятанный в складках халата предмет, сперва принятый Ши за обычный апельсин. Однако плод хрустально поблескивал, отражая солнечные лучи, и при ближайшем вдумчивом рассмотрении оказался небольшим флаконом, наполненным густой ярко-оранжевой жидкостью.

— Подарили, теперь ума не приложу, что с ним делать, — жалобно сказала Феруза. — Кажется, это ароматическое снадобье, но мне такого количества хватит до конца жизни... Да и запах у него, признаться, не в моем вкусе — чересчур резкий. В общем, я взяла себе немножко, не пропадать же остальному зазря. Хочешь — продай, а лучше подари Элата, пусть разделит между приятельницами из этого, как его...

— «Золотого павлина», — напомнил Ши. Упомянутая Элата подрабатывала в этом трактире танцовщицей и считалась более-менее постоянной подружкой Ши. — Ладно, только ради тебя, — он забрал на удивление холодный флакон и, размыслив, опустил его в болтавшуюся на пояске сумку. Иногда приятелям Ши Шелама начинало вериться, что небольшой кожаный кошелек на самом деле способен вместить содержимое целой лавки, ибо Ши умудрялся забить его многоразличным барахлом в количествах, превышающих любые разумные представления.

— Спасибо! — пропела Феруза и улизнула наверх. Ши запоздало вспомнил, что надо бы спро-

сить у туранки, кто преподнес ей эту бездслушку и как она попала к дарителю. После случая с золотым жезлом он начал испытывать смутную тревогу в отношении неведомо откуда берущихся вещей. Флакон, впрочем, не спешил превращаться в дракона или ядовитую змею, послушно оставаясь искусной хрустальной поделкой. Ши вытащил плотно притертую пробку в виде зеленого листа, понюхал и скривился — действительно, запашок еще тот. Элате и ее подружкам, впрочем, может понравиться. В трактире как раз нужен аромат, способный перебить прочие запахи.

Ши наведался на задворки, к усердно трудившемуся Малышу. Горя искренним желанием помочь, дал совет: использовать трофеиную добычу — огромный страховидный меч, притащенный мальчишкой из своего прошлого — утверждая, что клинок зазубрен ничуть не хуже пилы. Малыш, относившийся к своему бесполезному оружию едва ли не с благоговейным трепетом, неразборчиво и злобно огрызнулся. Довольный собой Ши прошлепал по высыхающим лужицам переднего двора, помахал выглянувшей в дверь Лорне и выскочил на улицу, размышляя — чем бы заняться и заодно развлечься? Никакие похороны, даже похороны ящерицы, отнюдь не способствуют улучшению настроения.

Отправляясь в «Золотой павлин» прямо сейчас не имеет смысла — до наступления вечера трактир закрыт. Ши похлопал себя по потайным карманам, проверяя, не забыл ли он еще одно

подношение для Элаты, которое должно сделать ее намного сговорчивее и куда ласковее. Маленький сверток лежал на месте.

Подумав еще немного, Ши вспомнил о том, что обещал Аластору разнюхать, какие слухи носятся в пропитанном дымами от жаровен, специями, пылью и сладковатой воною городском воздухе. Рыбу ловят на глубине, антилопу подстерегают возле источника, наивернейшие последние новости из жизни слабых и сильных мира сего узнают в тавернах подле Большого Каменного рынка.

Прогрохотав по двумстам с небольшим жалобно скрипящим ступенькам Старой лестницы, Ши Шелам бесследно растворился в переулках города, которые многие именовали «зловонной ямой на лице земли», зато сам он считал хорошим местечком для житья.

* * *

Мельница сплетен крутилась беспрерывно, однако не принесла Ши ничего, стоящего внимания. Он позлорадствовал над судьбой угодивших в тенета людского правосудия гномов, мимолетно прикинула, где может сейчас находиться Альбрих, и, заглянув в очередной трактир, паткнулся на знакомую личность.

— А говорили, что ты на постое в Адронге, — удивился Ши.

— Почти не соврали, — кивнул собеседник, молодой человек, по обличью и выговору — ту-

ранец.— Два дня назад выставили — спасибо беспорядкам на Воловьей. Ты случайно не знаешь, что там стряслось?

— Случайно знаю,— к удовольствию оказавшихся поблизости посетителей, Ши поведал ту часть истории, к какой имела непосредственное отношение Компания из «Уютной норы». Рассказ пользовался успехом и вознаградился бесплатным угощением. Мейгелена, как звали приятеля Ши, такого же уличного ворюгу и мошенника, весьма позабавило упоминание о подростке-варваре по прозвищу Малыш — как выяснилось, они были соседями в камерах тюрьмы Алронг, и мальчишка произвел на собратьев по несчастью весьма благоприятное впечатление.

— Слегка упрям, как все варвары, но сообразителен,— вынес решение Мейгелен. Ши согласился, чуть заплетающимся языком подтвердив, что Малыш именно таков, но есть надежда, что заботами друзей он перевоспитается во что-нибудь приличное.

После того, как на столе появился третий или четвертый кувшин, хозяин трактира прислал служанку, сварливо заявившую, что здесь приличное заведение, а не какой-то притон, и не угодно ли молодым людям удалиться. Молодые люди для поддержания репутации немного поизмущались, расплачиваясь, украдкой подсунули служанке фальшивый серебряный талер, и ушли, чувствуя себя победителями.

На соседней улице парочка заметила нечто любопытное и остановилась поглядеть. Здесь рас-

полагался туранский постоянный двор, и потому неудивительно, что возле него частенько встречались верблюды — привязанные возле кормушек и поилок, разгружаемые, навьючивающие и неспешно отправляющиеся в дальний путь.

Такого представителя верблюжьего племени ни Ши, ни Мейгелену видеть еще не приходилось. Здоровенная мрачная тварь, зыркающая по сторонам налитыми кровью глазами, с душой, наверняка такой же черной, как косматая шкура цвета безлунной ночи над Стигией. Скверность характера животного удостоверяли уздечка с шипами, памордник, болтавшаяся на шее тяжеленная цепь и то обстоятельство, что поблизости не замечалось его собратьев.

— Ого,— восхитился Ши и тоном знатока заявил: — Бишаринская грузовая порода.

— Сам ты бишаринец,— невежливо откликнулся Мейгелен.— Это самый настоящий мулаид. Кусачий, лягучий и вонючий мулаидский верблюд. Близко не подходи — затопчет.

Словно услышав людские слова, зверь повернул голову и смерил приятелей столь надменным взглядом, как иному царедворцу изобразить не по силам.

Мейгелен состроил ему рожу и потянул дружка за собой, но Ши не двинулся с места. На него снизошло вдохновение.

— Тебе не кажется, что бедное животное страдает от жажды? — спросил он приторно-заболивым голосом.— Ну-ка, добудь ведро с водой!

В иное время туранец, знавший неумеренную страсть Ши ко всяческого рода розыгрышам, насторожился, но сейчас его умение быстро соображать несколько притупилось. Мейгелен размашисто кивнул, огляделся в поисках искомого предмета и позаимствовал таковой у ближайшей водопойной колоды.

— Та-ак,— Ши пристально осмотрел жестяной сосуд, наполненный мутноватой жидкостью, вытащил хрустальный флакончик и, поколебавшись, тщательно вылил в ведро с полтора десятка оранжевых капель. Мейгелен, наблюдавший за процессом затаив дыхание, осведомился:

— Что за отрава?

— Представления не имею, но, думаю, ему понравится,— Ши закупорил склянку, поднял ведро и осторожно, бочком, приблизился к верблюду.— Эй, зверюга! Угощайся, пока я добрый! Давай-давай, глотни водички...

Животное подозрительно обнюхало ведро и его содержимое, сунуло морду внутрь и неожиданно принялось шумно лакать, фыркая и хлюпая языком. Ши облегченно вздохнул — его расчет оказался верным, ремни намордника не мешали верблюду пить. Расправившись с подношением, мулаид внезапно качнулся, прислонившись к забору и часто икая. Потерявшиеся в густой шерсти глаза приобрели осоловелое выражение, как у запойного пьяницы.

— Он точно не отравится? — забеспокоился Мейгелен.— Они ж дорогие, сволочи, потом шуму не оберешься...

Верблюд внезапно ожила, проявив несвойственную ему игривость — отвесил пинка ведру, со звоном улетевшему вдаль по переулку, попытался встать на задние ноги, чему помешала затянувшаяся цепь, и издал звук, похожий одновременно на кудахтанье несущейся курицы и визг свиньи на бойне. Затем принялся ожесточенно дергать цепь, приковывающую его к стene.

— Пожалуй, стоит подыскать местечко по дальше,— Ши поспешил, хотя и не слишком ловко вскарабкался на карниз соседнего дома. Мейгелен последовал за ним, гадая, какими будут дальнейшие поступки черного двугорбого зверя.

Четвероногое, кажется, слегка помешалось. Оно безуспешно укусило привязь, проскрежетав зубами по звеньям. Развернулось головой к забору и начало пятиться, явно намереваясь любой ценой отделаться от цепи. Ши подбадривающее засвистел. Верблюд запыхтел, удвоил усилия — и ему повезло.

На славу откованная цепь выдержала, зато лопнуло крепление широкого опейника, украшенного длинными шишами. Мулаид от неожиданности отлетел назад, по-собачьи сев на подогнувшиеся задние ноги. Убедившись, что больше ничего не держит его возле опостылевшей стены, зверь поднялся, энергично встряхнулся и оглушительно взревел. Мейгелен скривился и зажал уши.

Вопли животного не пропали втуне. Переулок внезапно наполнился крайне обеспокоенными

людьми, а Ши счел нужным увеличить панику, проорав: «Ваша тварь взбесилась!»

В сущности, он был недалек от истины.

Вместе с ошейником верблюд избавился от уздечки и намордника, так что теперь ничто не препятствовало ему вволю плеваться и кусаться.

Обретший свободу зверь пинал любого, оказавшегося в пределах его досягаемости, целеустремленно пробиваясь к выходу из проулка. Помешать ему не смог даже явившийся на шум погонщик верблюдов со страховидным кнутом, самоуверенно заявивший, что сейчас проучит строптивую скотину.

Мулаид изловил нахала за воротник халата и с видимым удовольствием швырнул через забор. Ши и Мейгелен приветствовали полет залихватским свистом и издевательскими напутствиями.

Расчистив дорогу, верблюд неспешно потрусили на поиски приключений, оставив позади охаяющую, причитающую и угрожающую кучку туранцев, возглавляемую бывшим владельцем животного.

— За ним, за ним! — торжественно провозгласил Ши и сиганул с крыши, едва не приземлившись на чью-то голову. — Извините, мы спешим. Бенченый верблюд на мирных улицах Шадизара — зрелище, достойное внимания!

Черная косматая зверюга разнесла аккуратно сложенный у выхода из переулка штабель бочек, рявкнула на высунувшегося из-под ворот лса и, высоко поднимая ноги, промаршировала даль-

ше. Двое проходимцев следили за ним, прячась за углами домов.

* * *

Возможно, странствия удравшего верблюда по городу не закончились бы столь ужасающе. Возможно, на следующем перекрестке его бы удалось подманить горсткой фиников или загнать в тупик, а там набросить аркан. Однако сегодня звезды указывали на возникновение непредвиденных обстоятельств и благоприятствовали устроению кутерьмы.

Мулаид, вслед за которым в почтительном отдалении следовали караванщики и разъяренный хозяин, замер как вкопанный. Зверюга, вытаращив глаза, уставилась на другое живое создание.

На лошадь.

И не просто на обычную тягловую клячу, а на нервно приплясывающую, тонконогую кобылку буланой масти, золотистую, черногривую и наверняка обладательницу родословной, чья длина не уступала протяженности Дороги Королей. Кобылка со скучающе-жеманным видом топтгась подле крытой коновязи, пребывая под бдительной охраной двух угрюмых типов, больше похожих на грубошерстые обтесанные каменные блоки. Коновязь принадлежала дорогой и известной таверне «Коринфские сады», и, надо полагать, владелец лошади в данный момент гостила в этом заведении.

Верблюд вытянул шею, тоненько для такого крупного животного пискнул и едва ли не на цыпочках начал подкрадываться к ничего не подозревающей кобыле. Из приоткрытой пасти зверя пузырящимися хлопьями стекала грязно-белая пена, морда приобрела совершенно отсутствующее и идиотское выражение.

— Чего это с ним такое? — удивленно спросил Ши.

Спустя мгновение отвст пришел сам собой. Мулаид ринулся вперед, сокрушая любые преграды. Буланая лошадь, почувствовав неладное, оглянулась, увидела несущееся прямо на нее черное чудовище, прижала уши и пронзительно завизжала. Ее сторожа предприняли рискованную, но безнадежную попытку остановить неведомо откуда взявшегося монстра, за что поплатились — верблюд, даже не задерживаясь, свалил одного и хватанул другого за плечо внушительными желтыми зубами.

Смекнув, что пора самой позаботиться о себе, кобыла сделала свечку, оборвав тонкий повод, развернулась и лихо заехала мулаиду в бок обеими задними ногами. Блеснули шипы на легких подковах, нападающий утробно охнул.

Оскорбленный в лучших чувствах верблюд понялся, фыркая и мелко тряся головой — точь-в-точь подвыпивший и обнаглевший стражник, попытавшийся пристать к дворянке и получивший высокомерный отказ. Доказывая свое решение, золотистая кобылица злобно оскалилась и вызывающе топнула передней ногой.

— Так его! — проорали из успевшей собраться вокруг толпы. — Поддай еще разок!

— Что, говоришь, налито в этой склянечке? — задушевно осведомился Мейгелен. — Кстати, там, где ты ее раздобыл, не найдется второй такой же?

— Моя лошадь! — возмущенно охнул человек, появившийся на пороге таверны. — Эй, немедленно отгоните эту грязную тварь от моей лошади!

Ши, узнав голос, беспокойно заерзal. Такой оборот событий его никак не устраивал. Скажите на милость, почему из тысячи шадизарских таверн и трактиров этому типу понадобилось явиться именно сюда? И, само собой, поблизости маячит его верная тень, не слишком жалующая некоего Ши Шелама.

— Ой-ей, — процедил Мейгелен, тоже заметив новых действующих лиц. — Это почтеннейший Назирхат и Кодо Гроза Должников, если мне не изменяет зрение? В таком случае пора сматываться. Мне бы не хотелось очутиться в шкуре виноватого.

— Не тебе одному, — Ши отступил на шаг, потом другой, юркнул за выступ дома. — Они в жизни не станут разбираться, кто прав, кто виноват, — он не удержался и гнусно хмыкнул: — Бедная лошадка.

— Может, она впервые в жизни счастлива, — серьезно возразил Мейгелен. — Ты только глянь!

Верблюд, сообразив, что грубые наскоки ни к чему не приведут, сменил тактику и начал от-

теснять столь поразившую его скучное звериное воображение кобылу в угол двора. Та заметалась, ища пути к бегству. Ей не хватало места, чтобы повернуться и снова лягнуть нахала, а на ее укусы он не обращал внимания. Назирхат уль-Вади яростно тряс за шиворот хозяина верблюда, требуя прикончить паршивую скотину, тот причитал, взывая к Эрлику и проклиная злых духов, вселившихся в его лучшее животное. Кодо, убедившись, что его подчиненные ни к чему не способны, разумно предпочел не связываться с обезумевшим зверем, а подождать.

Буланая лошадь, угодившая в ловушку, тоскливо заржала. Косматый мулаид, от которого за добрый десяток шагов несло острым мускусным запахом, прижал ее в угол между стеной таверны и коновязью, и попытался взгромоздиться сверху. Разгибавшаяся кобылица отпихнула его. Черный верблюд оскорбленно заревел, брызгая слюной, и ринулся на приступ, к величайшему сожалению для лошади, увенчавшийся полным успехом.

Толпа изумленно притихла, если не считать раздававшихся то тут, то там изумленных смешков — такое событие было внове даже для Шадизара. Назирхат выпустил из рук ворот халата владельца мулаида, и, кажется, напрочь потерял дар речи. Драгоценная золотистая кобыла стояла с видом полной покорности судьбе, иногда протестующе вззвизгивая, верблюд оглушительно хрюпел, дергался и с небывалым прилежанием осуществлял свои незамысловатые желания.

— Интересно, что может родиться от такого союза? — потрясенно выговорил Ши. — Лохматая лошадь с горбами? Лысый верблюд?

— Ши Шелам? — голос прозвучал, точно напоминание о неотвратимости возмездия. — Это твоих рук дело?

Ши поднял взгляд, увидел стоящего в паре шагов Кодо, отчаянно жестикулирующего из-за его спины Мейгелена, и состроил физиономию невинно оскорблена праведника:

— Знаешь, Кодо, если у лошади уль-Вади такие странные вкусы, то при чем здесь я? Или ты решил вешать на меня вину за любые свои невзгоды? Так я тебе скажу...

Громила не пожелал тратить время на дальнейшее выяснение отношений, сплюнул и отправился заниматься делом — успокаивать оскорблена до глубины души покровителя и спасать то, что осталось от лошади.

Парочка мошенников украдкой скрылась, не дожидаясь развязки драмы.

* * *

Через пару кварталов приятели, не сговариваясь, свернули под навес винной лавки, слюхнулись на распятанную скамью и ошеломленно уставились друг на друга. Ши бережно достал флакончик, послуживший причиной такой суматохи, и водрузил перед собой. Оранжевая жидкость с редкими красноватыми блестками заполняла еще около трех четвертей склянки.

— Коварная штуковина,— сказал Мейгелен, протянув руку к флакончику, но не рискнув до- тронуться.— Кое-кто отдал бы немало блестя- щих монеток за пару капель такого зелья...

— Вдруг оно действует только на животных? — высказал предположение Ши.— Или вызывает у любого неумеренную тягу к лошадям?

— Верблюду незаслуженно повезло,— заметил турец. Оба проходимца вполголоса захихика- ли.— Думаю, есть единственный верный способ проверить, как эта отрава влияет на людей...

— Я ее пить не стану,— торопливо откристил- ся Ши и задумался, на миг представив потря- сающую шутку: вернуться в «Уютную нору», проникнуть на кухню и плеснуть оранжевой во- дицы в котел, где варится похлебка. Хотя нет, угощать всех —чересчур жестоко. Подпоить, до- пустим, Райгарха... или Малыша... Запоминаю- щийся выдастся вечерок, нечего сказать.

— Тебе и не предлагают. Надо найти кого-ни- будь подходящего. Я даже придумал, где. Идем, тут недалеко.

С сожалением выбравшись из-под редкой тени навеса, приятели углубились в дебри проход- ных лвров, черных ходов и известных только старожилам проулков, таких тесных, что там с трудом расходились два человека. Прогулка за- вершилась в месте, которое Ши признал с перво- го взгляда, ибо сам порой сюда наведывался.

— Эй, это ведь задворки Ак-Сорельяны?

— Они самые,— кивнул Мейгелен, рыская взглядом по сторонам в поисках личности, дос-

тойной испытать на себе действие загадочного напитка.

Если Сахиль — копель Шадизара, то Ак-Со- рельяна, Улица Тысячи Соблазнов — его душа и разум.

Здесь по обе стороны широкого проезда вы- строились лучшие заведения, прославившиеся далеко за пределами Заморы, здесь обитают са- мые красивые и дорогие женщины, здесь особен- но яростен поддельный блеск роскоши Города Воров. Тут выполняется любая ваша прихоть, любое сумасбродство, но и цены за осущест- вление мечты способны кого угодно повергнуть в обморок.

Ши и ему подобные преимущественно нано- сили визиты в нижнюю, дешевую часть Ак-Со- рельяны. Ночка в худшем из борделей Улицы Соблазнов обходилась Ши Шеламу в сумму, на- капливаемую в течении одной-двух лун, так что частых развлечений он себе позволить никак не мог и оттого чувствовал себя обделенным судь- бой.

Спрятанные от глаз гостей задние дворы за- ведений кипели приглушенной, незатихающей жизнью. Сюда наведывались торговцы провизи- ей, винами, тканями, украшениями и иным по- лезным барахлом, приходили девушки в поисках места — для начала хотя бы служанки, крути- лись какие-то подозрительно востроглазые лич- ности, разговаривавшие на редкость вкрадчивым шепотом, и, само собой, промышляла уйма ни- щих любого пола и возраста.

По мнению Ши, для их целей подошел бы первый попавшийся субъект. Мейгелен, однако, разыскивал кого-то определенного.

— Вот он,— наконец обрадованно проговорил туранец.

— Почему именно он? — не понял Ши, разглядывая намеченную жертву — лысоватый тип средних лет, подпирающий стену и лениво глязящий на мелькающих мимо прохожих. Рядом с нищебродом стоит пустая глиняная чашка для подаяний и лежит наполовину обгрызенная лепешка.

— Не признал, что ли? — удивился Мейгелен.— Смотри внимательнее.

— Плешивец,— ахнул Ши, последовав совету и взглянувшись.— Плешивец Салдус, бывший городской палач с Воловьей площади! Вот он куда подевался! А болтали, будто он повесился, когда Рекифес выкинул его с должности!

— Нет, пристроился сюда,— опроверг сплетни Мейгелен.— Как, угостим господина разжалованного душегуба молочком из-под бешеной коровки? Пусть хоть разок порадуется!

— Угостим! — согласился Ши. Как всякий обитатель Шадизара, он испытывал традиционную неприязнь к власти предержащим и не упускал случая, дабы слегка осложнить им существование.

Кувшин с дешевым туранским вином дружки прикупили заранее, по дороге. Возник краткий спор о числе добавляемых капель, сошлись на трех — человек все-таки намного меньше верб-

люда, как бы не отдал концы. Взболтав содержимое кувшина, Ши с самым независимым видом направился мимо Плешивца, но запнулся, услышав робкое: «Подайте на пропитание».

Обычно городские попрошайки вели себя куда нахальнее. Бывший палач, видно, не успел за пару дней освоить новое ремесло.

— С утра не подаю,— бросил Ши и, вполне похоже изобразив колебание, добавил, ставя кувшин поблизости от нищего: — С тебя и этого вполне хватит. Только сиди в углу, чтобы хозяйка не заметила.

Салдус вцепился в кувшин, как утопающий в соломинку — видно, его скромные доходы не позволяли раскошелиться даже на самое скверное пойло. Ши, юркнувший за гору пустых ящиков, и дожидавшийся его Мейгелен собственными глазами убедились, что Плешивец употребил щедрое подаяние по назначению, и теперь нетерпеливо ожидали последствий.

Те не замедлили проявиться.

Для начала Плешивец обеспокоено задергался, нехорошо озираясь и провожая жадным взглядом любую пробегавшую через двор женщину — от горбатой старухи-посудомойки до решившей наведаться в город танцовщицы из Хоарезма, один разговор с которой оценивался в полсотни золотых.

Созерцание не помогло. Салдус неуклюже поднялся на ноги, заковыляя к черному входу и постучался. Открыла встрепанная девушка-служанка, угрожающе выставившая перед собой

шивабру с мокрой тряпкой. Плешивец принял что-то настойчиво ей втолковывать, подкрепляя слова переходившими из рук в руки монетами.

— Значит, у него водятся деньги? — нахмурился Ши. — Чего ж тогда он просиживает тут задницу, прикидываясь нищим?

Девица неохотно отступила назад, пропустив Салдуса внутрь. Дверь захлопнулась, оставив пару жуликов в крайнем недоумении.

— Я должен это видеть, — упрямо заявил Ши Шелам. — Слушай, какое это заведение?

— «Алмазный водопад», — растерянно сказал Мейгелен. — Лучший шадизарский притон, и его туда впустили? Тут что-то не так...

— Может, он знаком с кем-то из прислуги? — высказал предположение Ши и, убедившись, что за ними никто не наблюдает, бочком приблизился к двери. Та запиралась изнутри на засов, но щель между створкой и косяком выглядела достаточно широкой, чтобы пропустить лезвие кинжала. Короткое движение вверх и чуть вбок — путь свободен.

— Если поймают, прикончат на месте, — бодро напомнил турец и первым исчез за порогом.

Разыскать Плешивца оказалось проще проштого. Он нырнул в крохотную кладовку рядом с входом, втащив за собой неосмотрительно впустившую его девчонку. Зажал ей рот, задрал юбку и, в точности уподобясь спятившему верблюду-мулаиду, с неслыханной для его возраста прытью вершил бесхитростнейшее из действ.

Слабые попытки девицы вырываться немедля пресекались.

— Однако... — фыркнул Ши. — Бойкий старичик...

— Надо его вышвырнуть отсюда, пока никто не заметил, — сердито буркнул Мейгелен.

Кончив труды, Салдус отпихнул всхлипывавшую служанку и, не задерживаясь, чтобы привести себя в порядок, целеустремленно двинулся к жилым помещениям. Девица сползла по стене и осталась лежать кучкой пестрого тряпья.

— Дедуля, тебе не в ту сторону, — Ши загородил Плешивцу дорогу, мельком отметив, что крохотные глазки бывшего палача лишились малейшей капли разума, а зрачки стянулись в крохотную точку. — Стой, стой, туда нельзя!

Ши не сомневался, что без труда скрутит Плешивца, однако не учел действия снадобья. Миг назад воришка протягивал руку, чтобы сгрести разошедшегося Салдуса за шиворот и выволочь на улицу, а в следующее мгновение мир качнулся, и Ши со всего размаху врезался в деревянную стену коридора. Взлетело облачко беловатой пыли — осыпающаяся побелка. Ши не устоял на ногах и не слишком ловко приземлился на пол.

Плешивец равнодушно перешагнул через валяющееся под ногами тело и запагал дальше.

— Мамочка моя дорогая, — с трудом произнес Ши, и на пробу боязливо пошевелил различными конечностями. Вроде ничего не сломалось, однако возникло неприятное ощущение, будто

по спине промчалось стадо буйволов. Мейгелен, присевший возле служанки и пытавшийся привести ее в чувство, уставился на приятеля со смесью недоверия и искреннего потрясения.

— Кажется, шутка зашла слишком далеко,— встревожено заметил турец. Доказывая его опасения, невдалеке хлоинула дверь и раздался женский визг, подхваченный двумя или тремя голосами. Визг смеялся испуганными воплями, кто-то помчался по коридору, топча и зовя на помощь. Очнувшаяся девчонка тупо уставилась на приятелей, отползла в сторону и спряталась за сундуком, не прекращая всхлипывать.— Он ведь может таких дел наворотить...

— Есть предложения? — Ши осторожно встал, цепляясь за стену.

— Давай хотя бы глянем, чем он занят.

— Известно чем... Сейчас набегут тутошние вышибалы, как бы и им не досталось...

— Зато нас в суматохе не заметят. На худой конец что-нибудь соврем. И надо узнать, какой срок действия твоей отравы.

— Вдруг трех капель хватает на год? — испугался Ши.— Этого ж ни один человек не выдержит!

— На год — это перебор,— усомнился Мейгелен.— На полдня, от силы на день. В следующий раз нальем поменьше.

«Следующего раза не будет»,— хотел сказать Ши. Его заглушил всплеск разноголосых воплей, перемежаемый свирепыми проклятиями, шумной возней и безутешными рыданиями.

Звуки потасовки объяснялись чрезвычайно незамысловато — примчавшиеся на призывы о помощи здешние блюстители порядка (в количестве трех человек) тщетно старались оторвать Плешивца от приглянувшейся ему особы. Когда Ши и Мейгелен, соблюдая всяческую предосторожность, выглянули из занавешенных циновкой дверей черного хода, бывший городской плач как раз отделялся от последнего повисшего на нем громилы, сбросив его в занимавший середину залы мелкий бассейн с искусственным водопадом, и вернулся к столь грубо прерванному занятию. Вторая после служанки жертва Салдуса, кутавшаяся в обрывки некогда дорогого платья, полулежала на ступеньках ведущей наверх лестницы и заливалась слезами. С площадки второго этажа через перила свешивался выводок хорошеньких, но перепуганных до полусмерти девиц, при малейшей опасности шаражавшихся назад и заходившихся пронзительным верещанием.

Получив требуемое, Плешивец мгновенно потерял интерес к своей добыче и направился к лестнице. Зрительницы в панике разбежались, в точности как цыплята при виде мелькнувшего над птичником коршуна.

— Что здесь творится? Кто пустил сюда это отребье?..

Требовательный и въедливый голосок обозначил явление нового лица — пухленькой, моло-

жавой женщины с копной черных кудряшек, разряженной в просторное одеяние, переливающееся красными, золотыми и малиновыми оттенками. Не то самолично разгневанная хозяйка, не то ее ближайшая помощница. Дама удивленно оглядела поверженных охранников вкуне с плачущими девицами, безшибочно установила виновника — карабкающегося по ступеням ничего, и решила, не дожидаясь подкрепления, лично встать на охрану заведения.

— Вон отсюда! — столь высокий тон мог без труда расколоть алмаз на мелкие кристаллы, но результат оказался совсем иным. Салдус узрел существо женского пола и, прихрамывая, устремился вниз.

— Н-не подходи,— женщина запоздало догадалась, что творится нечто жуткое и в «Водопад» проник не просто спятавший попрошайка, но настоящий безумец.— Убирайся, убирайся! Эй, кто-нибудь!..

Один из ерзавших на полу выпидал попытался удержать Плещивца за ногу, но получил сокрушительный удар по носу и затих. Опешившая чернявая красотка пятилась, пока не уткнулась в стену. Наверху сдавленно охнули — у какой-то из обитательниц заведения хватило смелости вернуться.

Плещивец рассудил, что пойманная женщина его вполне устраивает и схватил ее за руку, не обращая внимания на щедро отвениваемые пинки, крики и даже попытки кусаться. Дама оказалась с норовом и сдаваться запросто не собира-

лась, хотя особых успехов в сопротивлении не достигла.

— Все имеет свои границы,— не выдержал Мейгелен, когда Салдус ловалил отбивавшуюся добычу на пол и принялся деловито сдирать с нее одежду.— Мы ведь просто хотели попутить!

— Да ничего ей не сделается, наверняка не в первый раз...— промямлил Ши, ощущавший некоторую смутную вину за творившиеся безобразия. Мейгелен не стал дослушивать.

Его широкий жест ничего не изменил. Плещивец умудрился заметить подкрадывающегося человека, бросил женщину, развернулся к тому, кто вознамерился ему помешать, и вскоре уличный грабитель из Турана присоединился к потерпевшим поражение охранникам. Женщина, воспользовавшись ситуацией, хотела улизнуть и почти добежала до спасительных дверей, но Салдус без труда догнал ее и потащил обратно.

«Может, он справится с этой красавицей и уговорится? — тоскливо подумал Ши.— А если нет? Вдруг он окончательно спятил? Что же тогда, придется его убивать? Как? И кому? Только не мне!»

Ши посмотрел вокруг, убедился, что помочь ждать неоткуда, мысленно проклял все зелья мира и собственное любопытство, и потянулся за спрятанным в сапоге ножом. Значит, иного выхода ему не оставили. С другой стороны, если ему повезет и он спасет девицу, можно смело рассчитывать на определенное вознаграждение...

— Эй, уродина лысая! Глянь сюда!

Физиономия обернувшегося на крик Салдуса в целом по-прежнему походила на человеческое лицо, если не считать перекосившегося рта и съехавшихся к переносице бессмысленных глазок. Их выражение не изменилось даже при виде остро блеснувшего лезвия, и Ши запоздало усомнился в исходе своей затеи. Обычные люди побаиваются оружия и предпочитают не связываться с тем, кто небрежно помахивает кинжалом.

На Плещивца всеобщее правило не распространялось. Встав, тот двинулся прямиком на Ши — не угрожая, просто желая поскорее разделаться с досадной помехой.

Последующие мгновения запомнились Ши как весьма неприятные: он выманивал Салдуса поближе к бассейну, на свободное место, сумел дважды или трижды достать бывшего палача ножом, но с равным успехом мог полосовать каменную стену. Плещивец, похоже, не чувствовал боли и хотел одного: прикончить Ши и отыскать себе новую подружку поневоле.

Беготня по залу окончилась плачевно. Воришка наступил на черепок от разбитой вазы и поскользнулся. Отчаянным усилием метнул кинжал, вошедший где положено — чуть ниже ключицы. Кровь не потекла, а треклятый Плещивец только жизнерадостно ухмыльнулся. Ши мимолетно помечтал о том, чтобы сегодняшнее утро прошло иначе, увернулся от тянувшейся к нему руки, метнулся вниз и вбок, но пропустил подножку и слепнулся на гладкий, натертый вос-

ком пол из ореховых дощечек. Салдус постоял над ним, раздумывая, и наклонился, собираясь то ли свернуть шею, то ли от души треснуть о стену. Ни тот, ни другой исход Ши не устраивал, однако спросить его мнение забыли.

Нечто стремительно вихрем пронеслось вниз по лестнице, очутилось за спиной Плещивца, подпрыгнуло и с азартным воплем ударило бывшего палача по затылку. На краткий миг лицо Салдуса стало осмысленным и крайне изумленным, точно он хотел спросить: «Куда это меня занесло?» Затем он качнулся назад и тяжеловесно рухнул на не успевшего отползти Ши, придавив того к стене. Воришка засипел, тщетно втягивая хоть немного воздуха.

— Погоди дрыгаться, я сейчас тебя вытащу, — произнес мелодичный, слегка суховатый и переполненный скрытой язвительности женский голос. В поле зрения Ши появилась сначала опустившаяся на пол тяжелая бронзовая ваза, только что сведшая близкое знакомство с лысым черепом Салдуса. Затем возникли две тонкие сильные руки, перехваченные в запястье тяжелыми кольцами браслетов. Длинные пальцы с ногтями, выкрашенными в бледно-желтоватый цвет, цепко ухватили Плещивца за лохмотья на плечах и потащили в сторону. — Джемина, ты цела?

В ответ раздался надрывный кашель, сменившийся красочными и яростными ругательствами, неопровергимо доказывавшими, что рассудок чернявой красотки ничуть не пострадал, в отличие от всего остального.

Тупица Салдуса заерзала и скатилась вбок, позволив Ши вдохнуть.

— На редкость вовремя,— прохрипел он, упираясь слегка расплывающимся взглядом в пару очень длинных и чрезвычайно стройных ножек, обутых в посеребренные сандалии. Ши поднял глаза выше, убеждаясь, что ноги переходят в достойную всяческого восхищения фигуру, затянутую в голубовато-серебристый шелк. Вдобавок у фигуры имелись русые с ярко-рыжим отливом волосы, точеное узкое лицо с зеленоватыми глазами и весьма ироничная усмешка. Ши всегда подозревал, что подобные жениницы, словно родившиеся из воспаленного юношеского воображения, должны существовать, но наяву никогда с такими не сталкивался. До последнего дня.

— Привет, герой,— со смешком произнесла незнакомка.— Ты живой или нет? Что за мерзкое чудовище осквернило наш тихий уголок и кому мы обязаны спасением?

— Салдус Плещивец, бывший палач,— с трудом выговорил Ши и, не очень соображая, что болтает, продолжил: — Его опоили, и он свихнулся. Мы с приятелем хотели посмотреть, что из этого выйдет. Не выдавай нас хозяйке, ладно? Мы сейчас уберемся...

— Не выдам,— пообещала красавица в голубом и, нахмутившись, вопросительно посмотрела на Салдуса. Чернявая дама, звавшаяся Джеминой, сумела с помощью воскресших охранников подняться на ноги, подоплахла ближе и размашисто пнула неподвижного Плещивца.

— Вот скотина! Убила бы!

— Тихо, Джеми, тихо,— успокоила ее блондинка.— Сейчас мы с ним разберемся. Мальчики, если вы вернулись в мир живых, поднимите это создание.

Двое охранников, недовольно ворча, сгребли лежавшего на брюхе и издававшего булькающие звуки Салдуса, собираясь рывком поставить на ноги. Тот замычал, слабо отмахиваясь, рыгнул, выпустив лужицу желчи (прекрасная незнакомка и Джемина одинаково брезгливо сморшились, попятившись), перевалился на спину и мелко затрясся.

— Надеюсь, он не болен какой-нибудь заразой,— тревожно пробормотала зеленоглазая девица.

Позабытый всеми Ши яростно затеребил не подававшего признаков жизни Мейгелена:

— Вставай, надо сматываться.

Туранец не шевелился — похоже, ему здорово досталось.

Плещивца вдруг выгнуло дугой, он по-поросичьи взвизгнул, стучась лысой макушкой о пол, и стих, закатив глаза под самый лоб. Общество тревожно поглядело друг на друга.

— Пихните его, да покрепче,— шепотом распорядилась кудрявая Джемина. Стоявший поблизости вышибала с явным удовольствием выполнил ее приказ и растерянно проговорил:

— Да он сдох!

— Как сдох? — переспросила блондинка, вопросительно изгибая бровь.

— С высоко поднятым копьем,— вяло со-
стрил Ши, намекая на то, что мужское достоин-
ство Салдуса Плещивца продолжало стоять торч-
ком и слегка покачивалось.— В бою на поле
любви...

— Только этого не хватало,— дама в голубом
устало прислонилась к стене.— Ладно, раз он по-
мер, выкиньте его куда-нибудь, и чтобы потом
сюда не таскались с расспросами стражники...
Хотя стойте!

Она скривила гримаску, присела на корточки
возле останков Плещивца (Ши судорожно и бы-
стро сглотнул, покосившись на ее тугу обтянутую
блескивающим шелком округлый задик) и с явным отвращением приюхалась к исходя-
щему из приоткрытого рта нищего запаху. На-
клонила голову, озадаченно постучала себя паль-
цем по острому подбородку. Перевела взгляд на
переминавшегося с ноги на ногу Ши. Встала,
кинула охранникам, разрешая убрать труп. Тс,
схватив Плещивца за руки и за ноги, спешно
уволокли его по черному ходу во двор.

— Говориши, опоили? — задумчиво повторила
красавица. Ши пожалел, что замешкался и во-
время не убрался с глаз долой.— Мне известны
кое-какие составы, от которых человеком завла-
девает похожее безумие, однако... Ты, надо пола-
гать, видел, как это все происходило?

Ши неосторожно глянул в прозрачно-зелено-
ватые, точно иранистанские изумруды, глаза
женщины, заворожено кинул и заплатающимся
языком пробормотал:

— Мне... нам нужно убраться отсюда, пока
нас не заметили местные мордовороты. Иначе
они вполне могут решит, что мы во всем вино-
ватель и доложить владелице заведения. Со здеш-
ней хозяйкой, как говорят, лучше не связывать-
ся. Спасибо за помошь, конечно, и все такое, но
нам пора. Если хочешь помочь — отвлеки гро-
мил.

— Бежать никуда не надо,— спокойно возра-
зила девица.— Я и есть хозяйка.

— Че-го? — воришка, без того слабо держав-
шийся на ногах, обмяк.

— Я хозяйка этого заведения,— с легкой по-
луулыбкой повторила особы в голубом.— Госпо-
жа Кэто Сувейба, к вашим услугам. Твоему другу, между прочим, необходимы помошь и покой,
а тебе, думаю, не помешает бокал вина. Кроме
того, я хотела бы знать, с какой радости отстра-
ненные от дел палачи носятся по городу, напа-
дая на беззащитных девушки, и при чем тут ва-
ша наверняка весьма предприимчивая пароч-
ка...— она огляделась по сторонам.— Джемина,
займись девочками, наведи порядок. Срочно разыщите
хорошего лекаря... Да шевелитесь, в конце концов! — она вдруг сорвалась на крик,
потеряв изрядную часть своей холодной красо-
ты.— Что вылупились, мертвцевов не видели? А
ну, за работу, быстро!

Оклик подействовал. Чернявая Джемина, забыв о собственных горестях, заворковала над ле-
жавшей возле бассейна жертвой Салдуса. Сверху
боязливо спустилось трои притихших девиц и

увело другую пострадавшую, ту, что рыдала на ступеньках.

— Пойдем, поговорим в более подходящем месте,— госпожа Кэто, похоже, обладала редкой способностью мгновенно переходить от одного настроения к другому. Сейчас она стала воплощенной любезностью. Ши открыл рот и безмолвно закрыл, ибо подходящие слова улетучились. Первую вспыхнувшую в воображении идею он предпочел сразу задавить, горестно полюбовавшись сопровождавшей ее картинкой с участием госпожи Кэто, но вторая... Вторая, если повести дело с толком, сулила кой-какие выгоды. Главное — помалкивать о хрустальном флаконе с оранжевой жидкостью. И любым способом не позволить восхитительной Кэто сделать из него одуревшего от страсти верблюда с высунутым языком и единственной мыслью в голове!

Глава четвертая

Розыгрыши и последствия

рек захлопывающейся двери заставил немногочисленных посетителей «Уютной норы» оглянуться в немом вопросе, но оказалось, что всего-навсего вернулся из города Ши Шеллам. Не задерживаясь, чтобы поприветствовать завсегдатаев или перекинуться словечком с хозяйкой, воришка резво пронесся между столами и юркнул в прятавшийся под лестницей темноватый чулан.

Прибравшиеся слуги и даже сама бесстрашная трактирщица предпочитали не заглядывать лишний раз в маленький закуток, облюбованный Хиссом, Кэрли и Ши. Там хранились пузатые бутыли с подозрительного вида настоями, связки лурно пахнущих трав, валялись толстые книги в замшелых от старости переплетах и загадочные амулеты, а со шкафов на головы случайным посетителям обрушивались потрепанные чучела

небывалых тварей вроде детеныша мантихоры или крылатого змея.

Стремительное появление Ши и его поспешное исчезновение в недрах чулана означало, по мнению опытной Лорны, только одно: у воришки наклевывалась очередная авантюра и для нее требовалось срочно изготовить «колдовской отвар» или «приворотный напиток». Лорна от души надеялась, что в один прекрасный день посторонним не придет в голову блестящая идея начать стряпать дешевые и надежные яды. Ей вполне хватало того, что Ши и Хисс время от времени разводили на заднем дворе костер, вешали котелок и варили какую-то отраву, включающую сушеные цветы желтых лотосов, созревшие коробочки мака и тонкис полоски коры омелы.

Получалось густое желе коричневато-медового цвета, которое приятели разрезали на крохотные кусочки и продавали любителям дурманящих зелий.

Возился Ши довольно долго. Из комнатушки прилетел горький аромат растираемого миндаля, затем — приторно-сладкий, удущливый запах настойки шалфея, сменившийся звоном бьющегося стекла. Забеспокоившись, как бы в приступе творчества Ши не спалил заведение, трактирщица выбралась из-за стойки и отправилась глянуть, чем занят воришка.

— Сгинь, пропади! — раздраженно бросил Ши, стоя к ней спиной и увлеченно колдуя над крохотной жаровней, испускавшей клубы сизо-

ватого дыма.— Закрой дверь с той стороны, чтоб духу твоего здесь не было!

— Вообще-то тут как бы мой трактир, — мягко напомнила Лорна. Ши заполошно обернулся, едва не перевернув стоявшую в опасной близости к краю стола кхитайскую фарфоровую плошку.

— Ой... Я думал, какая-нибудь морда лезет мешаться под ногами... Будь другом, помоги! — и, не успела Лорна возразить, как ей сунули медный ковшик, наполненный булькающей кашицей, велев держать над огнем, но ни в коем случае не давать закипеть. Кашица имела неприятный сизоватый цвет и воняла прогорклым жиром, но Ши хлопотал вокруг нее с таким старанием, будто готовил порцию амброзии. Наконец, он счел, что мерзкое даже на вид варево достигло нужной густоты, прощедил его через грязноватые ветошки, смешал с другой жидкостью, подозрительно смахивающей на разведенное туранское вино, и по капельке перелил свежую отраву в изящный округлый флакончик.

— Они чем-нибудь различаются? — с тревогой в голосе спросил он, ставя перед трактирщицей две склянки. На первый взгляд, в обоих находилось нечто ярко-оранжевое. Завороженная действиями Ши, Лорна послушно взяла.

— Вроде нет... Таси на свет, посмотрим там.

Флаконы переместились на стойку, поближе к пробивающимся через маленькие тусклые окна лучам заходящего солнца и трепещущим огонькам свечей.

— Этот чуток мутнее,— Лорна постучала ногтем по склянке справа.— Но, если не присматриваться — очень похоже... Слушай, отравитель недоделанный, какую гадость ты сотворил на сей раз?

— Вовсе не гадость,— обиделся Ши, любовно созерцая флаконы.— Очень хорошую и даже просто замечательную вещь. Кто из наших дома?

— Райгарх дрыхнет наверху. Остальные разбежались, даже Малыш,— бритунийка облокотилась на стойку и изучающе взорвилась на Ши: — Ищешь, на ком бы опробовать свое пойло?

— Уже нашел,— расплывчато ответил воришка и сдавленно хрюкнул.— В твоем так называемом трактире найдется что-нибудь выпить, кроме протухшей воды из фонтана?

— Будешь хулиить мою таверну, получишь пошее,— беззлобно пригрозила Лорна, вытащила початый кувшин розового шемского и плюснула в два кружки.— Твое здоровье, маленький прохиндей. Не осчастливишь скучающую хозяйку сказанием о том, во что ты встриял или намереваешься встрять? Зачем тебе понадобились эти склянки?

Ши нахмурился. Ему очень хотелось поделиться с кем-нибудь россыпью событий сего днешнего дня, однако кое-что в будущем расскаже совершенно не предназначалось для женских ушей. С другой стороны, это ведь Лорна, свой человек, ей не привыкать к соленым историям... Только про заключенную Ши сделку ей знать во-

все не обязательно. Каждый имеет право на парочку-другую тайн.

Воришка торжественно откашлялся и начал повествование. Правдивое, если не считать кое-каких дополнительных украшений. Впрочем, в Шадизаре считалось хорошим тоном добавить к реальным событиям пару-тройку выразительных штрихов из области фантазии. Дабы надежнее поразить слушателей до глубины души.

Уже на описании любовных похождений черного верблюда Лорна фыркнула в кружку, расплескав половину содержимого. Происшествие в «Алмазном водопаде» вызвало у трактирщицы приступ здорового варварского хохота и искреннее сочувствие невезучим девицам. Ши только собрался красочно расписать свое близкое знакомство с госпожой Кэто (имевшее место пока только в его воображении), как рядом жалостно хрустнули дубовые плашки стойки и знакомый голос прогудел:

— Умеют некоторые душевно врать...

— Не нравится — не слушай,— отозвался Ши.— Тебя поздравить с наступлением нового вечера нашей жизни или выразить соболезнование?

— Чего? — спросонья, да вдобавок с невыветрившегося до конца похмелья Райгарх плохохато соображал. Однако у него хватило догадливости сгрести красовавшиеся поблизости флакончики и полюбопытствовать: — Что за деръмо?

— Не трогай! — испуганно взвизгнул Ши.— Лорна, отбери у него!

Трактирщица молча забрала у приятеля склянки с оранжевой жидкостью, заменив их внушительной глиняной кружкой, украшенной белой шапкой пены. Ши тщательно спрятал флаконы и ехидно прищурился, обдумывая свой замысел. Требовалось обождать, когда Райгарх придет в себя — это должно случиться очень скоро — и можно приступать к следующей части плана. Хорошо бы в «Уютную нору» вернулся еще кто-нибудь из Компании. Скажем, Джай или Хисс...

Знамением свыше дверь открылась, впуская Проныру. Не оглядываясь по сторонам, он прошагал к стойке, кивнул приятелям и состроил загадочно-ошарашенную физиономию, уставившись куда-то на закопченные потолочные балки.

— А с тобой что стряслось? — привычно осведомилась Лорна, нацеживая очередную кружку и водружая ее перед Джаем.

— Вы не поверите...

— Поверим, поверим, — встрепенулся Ши. Любопытно, какую байку о прожитом дне принес с собой Джейвар.

— Иду я сегодня днем через Сахиль, — Джай отхлебнул и перевел дух, — знаете неподалеку от Каменного рынка площадь, где раскинут шатер лицедеев? Ну, компании, что недавно приехала из Офира? У них еще старшим этот красавчик дворянского сословия, как его?

— Амиль ди Кьеза, — вспомнил мудреное имя Ши.

— Кто же не знает, — кивком подтвердила трактирщица.

— Дай, думаю, посмотрю, чем сегодня добрых людей потешают. Они дают свое лучшее — «Женские секреты». Достоял до конца, пошел дальше — и вдруг случайно замечаю, неподалеку от меня топает знаете кто?

Он выдержал надлежащую паузу. Ши, Лорна и оживившийся Райгарх нетерпеливо подались вперед, ожидая продолжения.

— Малыш! — закатив глаза, выдохнул Джай. — Не спешите кривиться и спрашивать: «Что в этом такого?». Наш варвар на лицедейском представлении — явление само по себе потрясающее, но удивительнее другое — он был с девушкой!

— Ты обознался, — уверенно заявил Ши. — Медвежонок и девушки — вещи несовместимые. Медвежонок и уличная потасовка — еще туда-сюда, но общество женщин? Минует добрый десяток лет, прежде чем он уразумеет, с какими целями боги разделили людей на два пола. И то я сильно сомневаюсь.

— Я решил точно так же, — согласился Проныра. — Посему решил прогуляться за этой подозрительной парочкой. В конце концов, в городе наверняка отыщутся юнцы, издалека смахивающие на нашего дикого горного волосатика.

— И? — вопросительно склонила голову набок Лорна.

— Это был он, — трагично провозгласил Джай и пристукнул кружкой по стойке. — Собственной персоной!

— Испортили ребенка, — вздохнула трактирщица. — Что за девка с ним таскалась? Уличная

вертихвостка, готовая за медный талер на все и чуток больше?

— Не-а,— удивленно помотал головой Проныра.— В том-то и дело! Приличная девица, не то служанка из хорошего дома, не то вообще купечская дочурка. Идут едва ли не под ручку, воркуют, ровно два голубка...

— Ой-ей-ей,— предвкушающе прощел Ши.— Теперь Малыша можно смело не ждать к ужину. Хотя... С него становится напичкать доверчивую девочку душепитательными рассказнями о тяготах варварского бытия, честно проводить до дома и уйти. Он ведь у нас ходячее сборище благочинных добродетелей. Как он выживет в этом жестоком мире без помощи верных друзей — не представляю!

— Если не будет слушать советов таких проходимцев, как ты — проживет вполне прилично,— съязвила бритунийка и, поглядев через голову Ши, вполголоса заметила: — Легок на помине. Джай, Ши, сделайте милость, не дразните мальчика. Иначе я рассержуся.

— Как страшно,— испуганно пискнул воришка, делая вид, будто хочет спрятаться под скамью.

Конан перешагнул через низкий порог и направился к обществу возле стойки, небрежно помахивая холцовым мешком. Выглядел и вел себя он как обычно — смесь настороженного внимания и затаенного подросткового нахальства.

— Купил? — осведомилась трактирщица, кивая на мешок, в котором, если приглядеться, за-

мечалось некое робкое трепыхание.— Покажи, кого?

Малыш безмолвно развязал котомку и вытряхнул на стойку чешуйчатый шар желтовато-янтарного цвета. Не ожидавшие подвоха Джай и Ши шарахнулись в стороны, причем Джай перевернул свою кружку. Шар подкатился к Райгарху и остановился. Вышибала уставился на него рассеянным взглядом, пытаясь решить — мешается ему или странный предмет присутствует наяву.

— Что это? — слегка присвистнув, полюбопытствовал Джай.

Лорна осторожно потыкала свернувшееся в клубок существо кончиком ножа — тварь не шлохнулась.

— Оно живое? — боязливо спросил Ши и на всякий случай отодвинулся подальше.

Словно отвечая на его вопрос, таинственное создание развернулось. Из-под чешуйчатых пластин высунулись принююхающийся черный нос, пара дергающихся ушей и четыре короткие лапы. Непонятный зверь сунулся рыльцем в разлитую по стойке лужицу шемского вина, отчетливо чихнул и бодро потопал вперед. Доковыляв до края доски, существо, не колеблясь, продолжило движение и свалилось вниз. Падение на пол его ничуть не обескуражило.

Чешуйчатый зверек покрутился на месте, решая, куда пойти, и, щокая коготками, устремился прямиком к скамье, занимаемой Райгархом. С размаху ткнувшись мордой в сапог вышибалы,

существо фыркнуло и деловито заскребло передними лапами по толстой коже сапога, пытаясь выполнить нору.

Асир еще несколько мгновений задумчиво созергал возящегося зверька, затем наклонился и аккуратно поднял его, перевернув кверху брюхом. Создание хотело свернуться в клубок, но передумало и осталось лежать, поджав лапы и выставив круглый морщинистый живот, поросший редкой серой шерстью. Лорна перегнулась через стойку и согнутым пальцем почесала зверьку пузо, как обычно постуцала с кончиками. Существо довольно хрюкнуло. Ши не выдержал и захихикал — неведомая зверушка выглядела забавной и слегка глуповатой.

— Это пекудо, — не очень уверенно представил четвероногого незнакомца Малыш.

— Приятно познакомиться, — буркнул Джай.

— «Пекудо» — только название. Ему нужно настоящее имя, — заявил Ши, который тоже рискнул потрогать странную чешуйчатую зверюшку и убедился, что на первый взгляд она безвредна.

— Таран, — со смешком предложила Лорна. — Надеюсь, у него нет привычки устраивать подкопы под стенами?

— Тогда Гробокопатель, — высказался Проньра.

Райгарх вернул зверька на пол, где тот немедленно принялся царапать стойку, и решительно заявил:

— А он мне нравится!

— Молчаливый и туповатый, как кое-кто из моих знакомых, — вполголоса добавил Джай.

— И пусть будет... ага, Пушок!

— Почему Пушок? — изумилась трактирщица. — Он ведь лысый, как колено!

— Вовсе незачем напоминать бедному созданию о его недостатках, — серьезно возразил асир, аккуратно отодвинул пекудо от стойки (тот уже успел нанести ущерб имуществу трактира, отодрав две длинных щепки) и развернулся в сторону залы. Зверек подумал и рысью потрусил исследовать новое место жительства, не обращая внимания на испуганные или сердитые окрики посетителей, топая прямо по ногам и ведя себя самым нахальным образом.

Лорна и Конан понимающе переглянулись. У Мирианы оказался достойный преемник.

— Сколько отдал? — полюбопытствовала бритунийка.

— Восемнадцать.

— Восемнадцать — чего? Денариев, империалов, ауреев?

— Полуимпериалов, чеканки Илдиза, — неохотно признался Конан. Лорна присвистнула.

Ши, вспомнив о своем грандиозном замысле, жестом призвал Райгарха и Проныру сесть поближе.

Троица сдвинула головы и о чем-то зашепталаась, иногда подозрительно косясь на перетирающую кружки трактирщицу. Придя к общему решению, дружки внезапно сорвались с места и устремились к выходу из таверны.

— Эй! — возмутилась Лорна.— Райгарх! Ты куда собрался? А работать кто будет?

— Я ненадолго,— смутно отозвался вышибала и скрылся за дверью. Бритунийка только головой покачала, гадая, какая же новая идея зародилась в умах Компании и зачем Ши понадобились фляконы с двумя похожими жидкостями.

* * *

По давней традиции веселые заведения Ак-Сорельяны закрывались к полудню. С наступлением сумерек многочисленные двери вновь гостеприимно распахивались навстречу гостям, однако днем заглядывать сюда не имеет смысла — даже самые щедрые посулы и настойчивые просьбы не смягчат сердца владельцев радости и их подопечных. Ак-Сорельяна, Улица Тысячи Соблазнов, отдыхает — гаснут ярко-красные слюдяные и склеенные из тонкого пергамента фонари, опускаются шторы, лягтают тяжелые засовы. Наберись терпения и жди вечера, а если невмоготу — ступай вниз по широкому проезду, где скромно приткнулись дешевые бордели, открытые днем и ночью. Десяток медных шемских дебенов — и ты наверняка обретешь желаемое, правда, оно не будет идти ни в какое сравнение с тем, что можно получить в домах самой Ак-Сорельяны.

Троє последних загулявших посетителей «Алмазного водопада», по праву считавшегося одним из самых дорогих и роскошных заведений

Улицы Соблазнов, покинули его уютные стены непривычно поздно: куранты над башней Городского Совета как раз хрюпло вызвонили второй послеполуденный колокол. Чрезвычайно довольная собой и проведенной ночью троица состояла из седого гиганта варварского обличья и двух парней-заморийцев — одного постарше, другого помоложе.

К удивлению дремавших под стенами «Водопада» нищих и громыхавшего по пустынной улице на своей повозке торговца зеленью, их провожала сама хозяйка, прекрасная Кэто, выглядевшая на редкость усталой и недовольной. Младший из заморийцев, прежде чем спуститься по истертym ступенькам, вручил хозяйке какой-то маленький предмет, тщательно замотанный в отрез розового шелка. Госпожа Кэто развернула таинственное подношение, ослепительно сверкнувшее в лучах солнца, удовлетворенно кивнула надменно посаженной головкой и скрылась в темноте за дверями. Веселые дружки, слегка пошатываясь и пытаясь голосить что-то не слишком пристойное, заковыляли вверх по Ак-Сорельяне, свернули в сторону квартала Нарикано и исчезли в узких переулках.

— ...Значит, госпоже очень нужно заполучить тот напиток, которым угостили беднягу Плешивца? — спросил вчерашним вечером Ши Шелам у владелицы «Алмазного водопада», зелено-глазой Кэто Сувейбы, судя по имени и внешности, происходившей не то из Хаурана, не то из Полуночной Стигии.— Настолько нужно, что

она готова заплатить любую разумную сумму и воздержаться от расспросов?

— А ты сможешь его достать? — в лучших привычках шемских торговцев ответила вопросом на вопрос госпожа Кэто.

— Я могу попытаться... если мы договоримся, — Ши выразительно покосился на вычурный хрустальный с серебром графин, наполненный густым и сладким «Золотом Офира». Его пустовавший бокал немедленно наполнился. Ши разумно счел, что нужно суметь воспользоваться всеми предоставляющимися благами, дабы потом не сожалеть об упущеных возможностях.

— Твои условия? — Кэто налила и себе, но нить не стала, медленно поворачивая бокал в тонких пальцах. Ши изобразил на физиономии глубочайшее раздумье:

— Ну-у... Похоже, это ваше снадобье стоит подороже, чем бутылка хорошей аргосской выпивки. Вдобавок мне придется потратить немало своего красноречия и сообразительности, добывая вашу безделушку...

Кэто поставила бокал на стол и начала нетерпеливо постукивать ногтем по золотистому ободку. Воришка понял, что время ходить вокруг да около прошло, пора называть цену.

— Один вечер в вашем замечательном заведении для меня и моих друзей, — твердо произнес он. — Один-единственный вечер, а утром вы получите свое сокровище.

Вопреки его ожиданиям, госпожа Сувейба не позвала охранников, дабы те выкинули из ее

комнаты нахальное порождение улиц Шадизара, и не зашлась в вопле, призывая на голову Ши всевозможные божественные кары. Она лишь тяжело вздохнула и уточнила:

— Надеюсь, число твоих друзей не превышает десятка?

...Теперь драгоценный пропавший флакон в виде апельсинового плода возвратился к своей законной владелице. Кэто дорого бы дала за то, чтобы узнать, какие приключения выпали на долю хрустальной склянки и какими извилистыми путями она попал в Шадизар.

Однако, если вдуматься, это не имело большого значения. Украденный флакон здесь, он стоит на ее туалетном столике розового дерева, бросает на обтянутые сиреневым шелком стены радужные отблески и не собирается никуда исчезать. Он достался Кэто куда дешевле, чем она смела надеяться — всего лишь вечер за счет заведения для троих проходимцев. Потуги их небогатой фантазии уложились ровненько в триста сорок девять империалов полновесной турецкой чеканки.

Для верности Кэто попросила свою верную помощницу Джемину составить для нее список оказанных гостям услуг, и сейчас перечитывала его, презрительно усмехаясь. В иные дни, случалось, в ее заведении оставляли целые состояния, эта же компания являла собой образчик провинциальной убогости. Да и вообще — она по горло сыта этим шумным и вонючим городком, населенным сплошными жуликами. Завтра-послезав-

тра она покинет его, переложив дела на незаменимую Джеми, и отправится домой. Она разузнала все, что хотела. Пусть другие делают выводы и принимают решения.

Жаль, что ей не удалось разыскать кое-кого из местных обитателей, но все дороги рано или поздно сходятся к одному перекрестку. Не встретились сегодня — встретятся завтра... или в следующей жизни.

Кэто взяла фланчик, тяжелый и прохладный, полюбовалась игрой искр. Аккуратно отвернула тугую пробку, вырезанную из темно-зеленого нефрита, и поднесла склянку поближе к лицу. Точеные ноздри затрепетали, втягивая знакомый запах.

Внезапно женщина отодвинула фланчик и пахнула — содержимое должно было пахнуть увядющей розой и слегка отдавать ароматом лавандового масла. Привкус лаванды отчетливо присутствовал, но какой-то не такой... Более густой, что ли?

Не слишком доверяя запахам, Кэто наклонила фланчик, вылив на ладонь густую маслянную каплю золотисто-оранжевого цвета. Опасливо, по-кошачьи, слизнула ее острым розовым язычком, задумчиво покатала во рту. Вроде бы похоже — приторно-сладкий вкус с еле заметной горчинкой.

Как все-таки ее собственность могла угодить в лапы здешних мошенников? Воистину, правьте из смертных, что утверждают — мир с каждым днем становится все хуже и хуже.

Госпожа Кэто решительно спрятала хрустальный оранжевый фланчик в шкатулку с секретным замком, шкатулку затолкала в потайной ящик стола и отправилась ругаться с поставщиком вин. Сей недостойный тип позволял себе драть с бедной содержательницы «Алмазного водопада» три шкуры, а привозимый товар день ото дня становился все хуже. Кэто Сувейба не считала себя скрягой, но полагала, что каждый золотой, заработанный честными трудами ее девочек, должен оборачиваться достойным вложением. В заведении госпожи Кэто будет подаваться все самое лучшее — от вин до красавиц, и тот, кто попытается надуть госпожу хозяйку, горько пожалеет!

День выдался хлопотливым, вечер и ночь — доходными, однако на редкость суматошными. Для начала пожаловали туранцы, шумная и привередливая компания торговцев, успешно обдевавших свои делишки на просторах Немедийской Империи и теперь возвращавшихся домой. За ними притащился Марди Крохобор с верными прихвостнями и слегка обалдевшим от обилия впечатлений аренджунским компаньоном, коего знакомили с достопримечательностями Марди держал под своей рукой Каменный рынок и потому считался персоной значительной. Кэто пришлось нацепить на лицо самую любезную из улыбок и, скрывая отвращение, почти полколокола провести в обществе Марди и его дружков. Среди мелькающих гостей проскользнула настороженная физиономия кого-то из городских со-

ветников, слившего человеком строгих правил и ужасно боявшегося за свою репутацию, явилась кучка молодых и богатых заезжих бездельников из Коринфии, весело проматывающих папашины наследства в домах Ак-Сорельяны

Порой Кэто всерьез начинала верить в то, что внезапно пришедшая в голову шальная идея — стать владелицей престижного веселого заведения, дабы время от времени окунаться в непрерывно вращающуюся вокруг «Водопада» блестящую карусель чужих жизней — очень даже неплоха. Это давало ей возможность краткого избавления от постоянной скуки, которая была и оставалась неизлечимой болезнью как самой госпожи Кэто, так и подобных ей созданий. «Когда обладаешь слишком многим, берегись заскучать», — говорили ее друзья, и Кэто знала, что они правы.

Ночь незаметно перетекла в утро, «Водопад» пустел, девицы, зевая, разбредались по комнатам. В большой нижней зале вполголоса сплетничали служанки, убирая следы вчерашнего веселья.

Кэто постояла на галерее, бездумно прислушиваясь к их стрекоту, убедилась, что двери дома свиданий закрыты на засовы до следующего вечера, и отправилась вздремнуть. Может, стоит задержаться в Шадизаре еще на денек-другой? Да, это не самое лучшее место на Закатном Материке, но ему нельзя отказать в некоем порочном очаровании... А порок всегда был и оставался истинной стихией Кэто.

Проснулась она около седьмого посленулденного колокола — между полуопущенными оконными шторами пробивался шафранный от свет лучей заходящего солнца. Снаружи долетали бодрые выкрики разносчиков и уличных торговцев, из глубин дома звучали женские смешки, повизгивания и легкий топоток ног. «Алмазный водопад» и его прекрасные обитательницы готовились к приему новых гостей. Кэто еще немного полежала, раздумывая над тем, что предстоит сделать нынешним вечером и вспоминая, какие известные персоны обещали навестить ее сегодня. Потом рывком откинула покрывало, встала и вирипрыжку поскакала к самому главному предмету обстановки комнаты — туалетному столику. По дороге дважды дернула за шнур колокольчика, вызывая служанку с тазиком горячей воды и заодно Джемину с отчетом о прибылях и тратах предыдущей ночи.

Зеркало госпожи Сувейбы, висевшее над установленным баночками, флаконами и крохотными кувшинчиками столом, уже давно стало предметом всеобщей женской зависти. Это была не обычная хорошо полированная серебряная или бронзовая пластина, но доставленный из самой Венеции большой лист толстого стекла в вычурной золотой оправе, покрытый изнутри толстым слоем блестящего металла. Зеркало давало великолепное отражение — почти как картина или гладкая поверхность чистой, незамутненной

воды. Кэто обожала свою редкостную игрушку и могла провортертесь перед ней хоть целый день, мастеря различные прически, подводя глаза и меняя украшения.

Но сегодня в ясных глубинах вендинской диковины вместо привычного облика прекрасной рыжеволосой хозяйки «Алмазного водопада» появилось нечто странное. Непонятное и пугающее. Настолько странное, что Кэто несколько раз провела по скользкому зеркалу шелковым лоскутом, решив, что ей показалось спросонья.

Кошмар не исчезал.

Госпожа Кэто ощупью подвинула к себе разлапистый трехногий табурет и не села, но скорее упала на него, едва не промахнувшись. Сглотнула, по-птичьи дернув головой. Дотронулась пальцами до лица, затем для чего-то постучала по зеркалу.

Оттуда на нее таращилось выпущенными от ужаса ярко-зелеными глазищами чудовище. Иного названия это создание не заслуживало. Обтянутая бледно-сероватой кожей, с поджатыми узкими губами цвета перезрелой сливы, лишенное бровей и ресниц, с совершенно голым черепом, покосившим пежино-сизоватым пушком, тварь жалобно пялилась на женщину, неопровержимо подтверждая, что оно и есть блистательная Кэто Сувейба.

Торчали в разные стороны ставшие неожиданно большими уши, и в них, точно для пущего контраста, болтались длинные изумрудные серьги.

— Так,— деревянным голосом произнесла Кэто. Подняла руку и провела ладонью по своей макушке, ощущив щекочущее прикосновение короткой шерстки — как на животе новорожденного котенка.— Значит, вот так...

Она замедленно оглянулась, только сейчас заметив, что на подушке осталось лежать что-то блестяще-золотистое, вьющееся колечками. Надо полагать, вчера вечером это были ее собственные, тщательно холимые-лелеемые локонь.

— Спокойно,— как можно тверже сказала Кэто, обращаясь к мелко вздрагивавшему и явно собиравшемуся удариться в слезы отражению.— Главное — не паниковать...

Она попыталась следовать этому совету. Закрыла глаза, опустила голову, глубоко вдохнула. Вытянула перед собой руки, собрав пальцы щепотью. Какие-то мгновения она оставалась сидеть так, потом резко подняла лицо и распахнула глаза.

Отражение в зеркале на миг изменилось — там возникла и тут же пропала прежняя госпожа Сувейба. Кэто в ярости треснула кулаком по краю стола, отстраненно заметив, что длинные ногти потрескались, приобретя коричневатый оттенок, а кожа на руках высохла и теперь может похвастаться дивными перламутровыми переливами, какие появляются на внутренностях давно стухшей рыбы. Звякнули потревоженные баночки с красками и духами.

Кэто внезапно наклонилась, словно переломившись в поясе, и принялась лихорадочно

рыться во внутренностях столика, безжалостно расшвыривая по полу содержимое ящиков. Найдя заветную шкатулку, перевернула ее, выхватила флакон в виде апельсинового плода.

Оранжевая жидкость за прошедшие день и ночь сильно изменилась. Теперь она стала желтоватой, с плавающими внутри мутными бурыми комками. Кэто трясущимися руками откупорила склянку, принюхалась... и с размаху швырнула в стену.

Флакон разбрался. Жидкость бесформенным пятном растеклась по сиреневому узорчатому шелку бесценных кхитайских обоев, и те вдруг покернели, облезая и распадаясь на неопрятные лохмотья.

Кэто обхватила облысевшую голову руками и закачалась из стороны в сторону, еле слышно подывая и повторяя одно слово: «Обманули, обманули, обманули...»

По двери выбили быструю дробь. Не дожидалась ответа, распахнули тонкие ажурные створки, сделанные на турецкий лад. Пятась, вошла служанка с дымящимся медным тазом и кувшином, за ней следовала толстушка Джемина, кокетливо помахавшая в воздухе распустившейся тигровой лилией на длинном стебле. К цветку золотистой тесьмой крепился свернутый в трубочку пергамент.

— Угадай, кто желает с утра засвидетельствовать тебе свое низайшее... — игриво начала Джеми и осеклась, точно прикусив язык. Служанка выронила таз, залив кипятком лежавший у по-

рога дорогой иранистанский коврик, закатила глаза и открыла рот, намереваясь огласить все заведение пронзительным воплем.

Соображавшая куда быстрее Джемина с размаху заткнула девчонке рот принесенным для хозяйки посланием и пинком выставила в коридор, прошипев:

— Вякнешь — окажешься на помойке! Поняла?

Служанка растерянно кивнула. Помощница Кэто захлопнула дверь, бойким шариком прокатилась по комнате, но остановилась, не решаясь дотронуться до столь разительно поменявшейся госпожи.

— Иштар-заступница, что ж такое делается?... — суетливо бормотала Джемина. — Кэто, когда... когда это случилось? Неужели порчу навели, завистницы кривоногие? Наверняка Юлайма из «Страстоцвета», больше некому! Дрянь пучеглазая, вечно шастает, вынюхивает, подслушивает... Вот беда-то... Там внизу к тебе молодые господа пришли, те, что прошлого дня у нас гостили... Хотят у нас вечеринку устроить... Кэто, скажи хоть слово! Ну пожалуйста! Может, за лекарем сбегать? За лучшим, Шанталем Кофийцем?

— Не надо лекаря, — с трудом выговорила Кэто, с внезапной радостью поняв, что хотя бы голос остался прежним. — Скажи, что я никого не принимаю. Сегодня мы работать не будем. «Водопад» закрыт... Да убирайся же! — визгливо прокричала хозяйка, заставив и без того испу-

геннуу Джемину шаахнуться к двери.— Нечего на меня глазеть! Уходи!! Быстро!!!

Помощница стрелой вылетела наружу, споткнувшись об уроненный таз.

— Я вам этого так не оставлю! — Кэто размашисто смахнула со стола флакончики-баночки, продолжая метаться по комнате и бессвязно выкрикивать: — Думаете, самые хитрые? Вы мне за все ответите! Приползете прощения вынапи-вать!! Вам еще бордели поперек горла встанут!!! Вы мне ответите! Причем прямо сейчас, мерзавцы, немедля! Попомните, как смеяться над... Над... Надо мною!

Джемина стояла в коридоре, прижав руки к сердцу и вздрагивая от каждого нового вопля хозяйки, всхлипывала и думала, что за лекарем все одно придется посыпать, ибо добрая и щедрая госпожа Сувейба, кажется, сошла с ума.

Словно в подтверждение раздался треск бьющегося стекла (надо полагать, Кэто вдребезги расколотила драгоценное венецианское зеркало), затем шум падающего на кровать тела и горькие рыдания.

«Кому ж теперь достанется «Водопад»? — пытаясь сообразить растерянная Джеми.— Если раньше госпожа была... буквально богиней, то сейчас... Ужас!»

* * *

Виновник печальных изменений, случившихся с госпожой Кэто Сувейбой, пробудился сле-

дующим утром на другом конце города, будучи в превосходном состоянии духа и тела. Ши Шелам никогда не страдал приступами совестливости, не ведал, что такое раскаяние, и опасался только одного — быть застигнутым врасплох на месте преступления. Он сделал все, чтобы госпожа Кэто (ежели она догадается, как лихо ее обвели вокруг пальца) не сумела отыскать мошенников: настрого запретил приятелям напиваться вдрызг, упоминать свои настоящие имена, разбалтывать девочкам из заведения что-либо о себе и настоятельно советовал не увлекаться. И без того их затея выглядела достаточно опасной, так не хватало еще огrestи дополнительных неприятностей!

Потому Ши честно вручил прелестной хозяйке заведения хрустальный флакон и отправился в «Уютную нору» — отсыпаться, приходить в себя и решать, как поступить с подлинной склянкой. Ши грызло искушение: рискнуть и самому попробовать оранжевую жидкость. Только одну крохотную капельку! Вряд ли она сможет привести много вреда, зато какие невероятные открытия его ждут!

Однако, поразмыслив, Ши рассудил за лучшее не испытывать судьбу. Не хватало только разделить участь бедолаги Плешивца. Не-ет, он поступит умнее — прибережет флакончик для подходящего случая. Уж тогда, будьте уверены, Ши Шелам своего не упустит!

Веселье в «Алмазном водопаде» случилось ровно два солнечных круга назад, а наступление

третьего дня Ши встретил в одном из своих любимых убежищ — в маленькой комнатушке, спрятавшейся под крышей трактира «Золотой павлин».

Подобные каморки занимали весь обширный второй этаж этого примечательного в своем роде и начинающего слегка ветшать здания неподалеку от площади Скачущих Коней. Тут обитали служанки, танцовщицы и с десяток гловорчих девиц, согласных за парочку серебряных монет быстренько наделить своими ласками любого посетителя трактира.

Ши умудрялся поддерживать хорошие отношения почти со всеми танцовщицами, но его почти официальной и более-менее постоянной подружкой считалась некая Элата. Глухенькая, смуглая, с вышуклыми карими глазищами и мелко курчавящимися волосами дочурка пунтской рабыни и оставшегося неизвестным бродячего торговца из Шема обладала, по мнению Ши, многими несомненными достоинствами и одним существенным недостатком — слишком капризным характером. Стоило Ши позабыть о ней хотя бы на три-четыре дня, Элата немедленно угрожала найти себе нового приятеля, а также требовала подарков и развлечений. Ши пересчитывал свои невеликие сбережения, махал на все рукой и разрешал подружке запустить цепкие пальчики в свой кошелек. Элата мгновенно меняла гнев на милость, становилась милой и покладистой, и тогда с ней можно было неплохо провести время.

Вчера вечером Элата, завидев Ши, устраивавшегося на своем постоянном месте (поближе к двери и подальше от хозяина трактира), немедленно сделала вид, что просто с ним не знакома. В отместку Ши принялся откровенно волочиться за постоянной соперницей Элаты, смешливой немедийкой Тилли.

Заметив столь низкое вероломство, разъяренная Элата примчалась выяснить отношения. Ши, не отвечая на ее расспросы, молча показал возмущенной приятельнице одну из жемчужин ожерелья, некогда принадлежавшего знатной леди Клелии Кассиане из Офира.

Элата озадаченно примолкла, Тилли восхищенно заахала. Ши небрежно ткнул пальцем в сторону лестницы, ведущей на второй этаж трактира. Девицы понимающие глянули друг на друга — две кошки, нацелившиеся на одну и ту же тоастную мышь.

— Я не могу исчезнуть прямо сейчас, — мрачно сказала Элата. — Хозяин заметит. Через пол-колокола, не раньше...

— Зато я могу! — с готовностью заявила Тилли и хихикнула. Элата исподтишка показала ей согнутые крючком пальцы, означавшие — «не тронь мою добычу, пожалеешь».

Бело-розоватая жемчужина, еле слышно постукивая, прокатилась по столешнице и исчезла в жадно стиснувшейся ладонке Тилли. Немедийка обольстительно (как ей казалось) улыбнулась и, ловко проскальзывая между столами, направилась к лестнице.

— Ши, негодяй! — взвыла оскорбленная до глубины души Элата.— А как же я?

— Загляни попозже, может, и тебе что перепадет...— снисходительно предложил Ши. Танцовщица недовольно закусила губу и отвернулась, собираясь уйти. Ши поймал ее за руку.— Ладно, не дуйся. Я кое-что раздобыл — хватит даже наведаться в «Коринфийские сады». Хочешь?

— Спрашиваешь! — просияла Элата и тут же нахмурилась: — А ты, друг мой, слuchаем не врешь?

— Провалиться мне на этом месте! — искренне поклялся Ши, выбирайсь из-за стола.— Где меня найти — сама сообразишь. И давай быстрее, не то все сливки достанутся крошке Тилли.

— Тогда я гляделки ее бесстыжие выцапаю,— мрачно пообещала девушка.

Из «Коринфийских садов» развеселое общество, куда входили Ши Шелам, две танцовщицы и встреченный по дороге знакомый Тилли, перебралось в «Звездный мост». Там к ним пожелали присоединиться случайно забежавшие на огонек друзья Ши, настойчиво звавшие зайти в «Одиночную красотку» и утверждавшие, будто нигде, кроме как в подвалах этого заведения, не найдется стол обширного выбора вин. После «Красотки» изрядно расширившаяся и вошедшая во вкус гулянки компания заглянула в «Змею и скорпиона», затем — в «Пещеру демона», навестив, таким образом, пятерку лучших таверн квартала Менджи.

Богатенькая госпожа Клелия наверняка была бы очень недовольна, узнав, на что пошел ее жемчуг...

Выбравшись из «Пещеры», Ши взглянул на ночное небо, где созвездия решительно отказывались стоять на положенных местах, качнулся, ухватился за плечо верной Элаты и провозгласил:

— С меня хватит! Идем домой!

— Домой, конечно, домой,— проворковала девушка, разворачивая захмелевшего приятеля в нужную сторону.

Последние героические усилия Ши Шелам потратил на преодоление крутых лестниц «Золотого павлина» и на то, чтобы войти в комнату танцовщицы, не своротив дверь.

А теперь Ши проснулся, смутно припоминая вчерашние похождения, однако твердо зная, кто он такой, где находится и чем собирается заняться. Воришка обладал счастливой способностью почти не испытывать похмелья и не жаловаться с утра на многочисленные невзгоды.

Элата безмятежно дрыхла среди скомканых грязноватых простыней, зарывшись лицом в подушку и тихонько посапывая. На ее шее красовалась тонкая нитка драгоценного бледно-розового жемчуга, и Ши озадаченно поскреб в затылке, соображая, когда и при каких обстоятельствах умудрился одарить подружку приготовленным сюрпризом. Кажется, это случилось по пути из «Звездного моста» в «Одиночную красотку»? Или позже?

Безуспешно поломав голову над неразрешимым вопросом, Ши додумался до очень простого решения: надо разбудить Элату и спросить у нее!

Перекатившись на другой бок, Ши бесцеремонно потряс танцовщицу за плечо. Элата, не открывая глаз, проворчала что-то вроде «Отстань, еще рано».

Ши проявил настойчивость. Девушка сонно захихикала, потянулась... а спустя миг уставилась на Ши испуганно расширившимися глазищами, взвизгнула и одним великолепным прыжком оказалась вне пределов досягаемости Ши Шелама, своротив по пути громыхнувший медный кувшин.

— Ты кто? — слегка дрожащим голосом освадомилась Элата.— Ты что здесь делаешь?

— Слышал я про короткую девичью память, но чтоб настолько короткую...— опешил Ши.— Ну ты даешь, подруга! Протри глазки! Это же я!

— Я тебе не подруга,— Элата отступила к громоздившемуся подле стены внушительных размеров сундуку и резким жестом схватила лежавший на крышке короткий кинжал.— Убирайся отсюда! Быстро, не то закричу!

Ши понял: так и начинается сумасшествие. Непонятно только, у кого — у него или у Элаты?

— Дорогуша, да что с тобой случилось? — он попытался говорить как можно мягче и спокойнее. Не хватало еще быть зарезанным внезапно спятившей девчонкой из трактира.— Положи-ка

ножичек, пока бед не натворила. Это я, Ши Шелам, мы с тобой знакомы сто лет без малого...

— Придумай что-нибудь получше! — огрызнулась Элата.— Вылезай из моей постели, сучка чокнутая!

— Это ты зря,— укоризненно протянул Ши, и тут его взгляд случайно зацепился за болтавшееся на стене зеркальце. Дешевое бронзовое зеркальце в деревянной рамке, за которую Элата заталкивала пучки сущеных цветов, разноцветные ленточки и записочки от поклонников.

Увидев мелькнувшее отражение, Ши позабыл и про Элата, и про неудачно начавшееся утро. Как завороженный, он сполз с кровати и потянулся к тусклому металлическому квадрату, мельком отметив, что ощущает себя как-то необычно. Ноги подкашивались и отказывались слушаться. Танцовщица подозрительно косилась на него, явно решая — может, лучше выскочить из комнаты и позвать на помощь?

Желтоватая полированная бронза послушно изобразила чуть перекошенный и расплывчатый облик молоденькой симпатичной девушки, типичной уроженки Шадизара. Девушки с яркими темными глазами, блестевшими, как ягоды туфовника. Наверняка в иные дни эти глаза хранили лукаво-дразнящее выражение, но сейчас, съехавшись к переносице, они производили жутковатое впечатление. По сторонам скуластого лица незнакомки свисали встрапанные пряди жестких угольно-черных волос. Точно пребывая в затянувшемся кошмаре, Ши опустил голову, нагляд-

но убедившись: зеркало не лгало. Либо он в самом деле сошел с ума, либо надо признать невероятное — заснув мужчиной, он проснулся в облике женщины.

Попытка сделать шаг в сторону безнадежно провалилась. Ши оступился и не слишком изящно приземлился на пол. Сознание, игристо подхихикавая, убегало вдаль по склону зеленого холма. Кто-то — судя по голосу, вышибала — настойчиво стучался в дверь комнаты, спрашивая: «Эла, у тебя все в порядке?».

— Меня зовут Ши, — туповато повторил воинушка, словно звук собственного имени обладал силой восстановить истину. — Я родился в Шадизаре, мне девятнадцать лет, и, мамочка моя дорогая, я же не девчонка! Не девчонка!!

— Элата, чтоб тебя! — рявкнули из-за двери, сопроводив окрик изрядной силы пинком по створкам. — Открой! Что там за грохот?

Танцовщица глянула на беспомощно съежившегося на полу приятеля... бывшего приятеля. Перевела взгляд на хлипкую дверь. Что-то прикинула в уме.

— Кувшин уронила, — отчетливо и громко произнесла она. — Все в порядке. Я сейчас спущусь вниз, — и шепотом добавила: — Перестань визжать! Замолчи!

Охранник потоптался за дверями, убедился, что из комнаты Элаты не доносится никаких подозрительных звуков, и тяжело зашагал прочь. Ши благодарно перевел дух, но, как оказалось, поторопился сделать выводы.

— Не хватало, чтобы меня оставили трибадой, — зло процедила Элата. — Не знаю, кто ты и как сюда пробралась, но сделай одолжение — проваливай!

— Послушай, — Ши отчаянно цеплялся за последнюю возможность толком осознать происходящее, — неужели ты ничего не помнишь? Я не знаю, что со мной случилось, но я — Ши...

— Да не знаю я никакого Ши! — в голос выкрикнула танцовщица и кинжал в ее руке опасно блеснул. — Вот что, милая — считаю до трех и зову Кетля. Скажу, что ты воровка и забралась в окно. Он тебя быстро научит уму-разуму.

— Но... куда же я пойду? — растерянно спросил Ши. — И как?

— Ногами! — отрезала Элата. Огляделась по сторонам, подняла с пола сине-красную тряпку, скомкала и бросила ее в Ши. — Вот твое барахло. Раз!

Ши стекленеющим взглядом уставился на валившийся рядом с ним ворох легкой ткани, не представляя, что с ним делать.

— Два!.. Два с половиной!..

Ему удалось выбраться в коридор и добрести до лестницы, но на ступеньках ноги опять подвели. Очевидно, в женской походке имелись свои тайны, доселе Ши неведомые. Он намертво вцепился в трухлявые перила, всхлипывая и пытаясь не закричать. Сине-красное короткое платьице жало в самых неожиданных местах и казалось слишком уж облегающим. Пробегавшие по

лестнице трактирные служанки недоуменно косились на незнакомку, выглядевшую не то пьяной, не то слегка тронувшейся умом. Элата, похоже, напрочь забыла, что у нее когда имелся друг по имени Ши Шелам.

Если это поветрие распространилось на прочих знакомых Ши, то радостной и легкомысленной жизни уличного воришки Ши Шелама пришел конец. Его просто не существует. Есть какая-то девчонка...

Стоп. Не будем впадать в отчаяние раньше времени. Предположим, Ши куда-то временно отлучился. Взамен осталась его сестренка. Шелла. Точно, назовем ее Шеллой Шелам. Что ей предстоит сделать? Не падая и не спотыкаясь, осторожно спуститься вниз по лестнице, выйти из «Золотого павлина», миновать пару кварталов и добраться до постоянного двора «Уютная нора». Дальше? Дальше будет видно.

При мысли о том, что в таком виде придется куда-то идти, Ши пробил холод. Он упал на ступеньку, отчаянно напоминая себе, что в Шадизаре обитает по меньшей мере пять или десять тысяч женщин различного возраста и сословия, которые ежедневно навещают рынки, бегают в гости к подружкам, торгуют и промышляют на улицах, ничуть не опасаясь за свою жизнь. Сейчас разгар дня. Никому в голову не придет, что испуганная девчонка и небезызвестный Ши Шелам — одно и то же лицо. Главное, не привлекать излишнего внимания, вести себя, как свойственно женщинам...

Немного успокоившись, Ши (точнее, Шеллә) поднялся на ноги, благополучно миновал лестницы и коридоры таверны, выбрался на хозяйственный двор, прищурился, оказавшись на дневном солнце и разумно потратил некоторое время на пристальное изучение того, как ходят и двигаются девушки из «Павлина». Оказалось, подражать им не очень сложно, хотя с непривычки трудновато.

Скучающий подле ворот охранник залихватски присвистнул вслед угловатой, но привлекательной темноволосой девчонке, шедшей, слегка покачиваясь — наверняка вчера изрядно повеселилась. Та боязливо оглянулась через плечо. Стражник подбросил в воздух медную монетку, сопроводив ее недвусмысленным жестом. Девица в ответ презрительно сплюнула и показала маленький жилистый кулачок. Охранник хмыкнул — ишь, гордячка выискалась.

Черноволосая вышла на улицу, постояла, прислонившись к глиняному забору, решительно тряхнула головой и направилась в сторону площади Скачущих Коней.

Глава пятая

Тяжкая женская доля

ак это ни странно, преодоление нескольких десятков шагов вернуло Ши толику былой уверенности. Никто не тыкал в Шеллу пальцами, никто не кричал: «Смотрите, Ши Шелам надумал пойти в лицедеи и прикинулся девицей!», никто не бросал в его сторону нехорошо оценивающих взглядов. Дабы окончательно прийти в себя, Ши мимоходом увел кошель упитанной домохозяйки, слишком рьяно препиравшейся с молочницей.

В кошеле обнаружилась приятно позывывающая россыпь «скотного двора», как в обиходе именовали мелкое серебро офорской чеканки, и с десяток медных туранских кафаров. Шелла немедля пустила добычу в ход: обзавелась дешевыми сандалиями, ибо удрала из «Павлина» босиком, купила парочку свернутых углом пирожков с требухой и кисть винограда.

Она плакала, поплевывая косточками, и пыталась здраво рассудить: что могло произойти с Ши Шеламом нынешней ночью? Шелла тщательно перебрала все возможные предположения, не оставив без внимания даже кажущиеся лихорадочным бредом. Кто-то мог навести морок на Элату, из-за чего танцовщица напрочь забыла своего милого дружка Ши, воспринимая его как девчонку. Кто-то мог затуманить голову самому Ши и теперь он всерьез полагает, что стал женщиной, оставаясь тем, кем был всегда, то есть парнем. Либо — что самое неприятное! — Ши действительно превратился в девушки.

Вопрос: кому и зачем понадобилось так усложнять жизнь обычного уличного воришки? И каким способом можно проделать столь изощренный трюк? Заклинанием? Применение такого заклятия, если оно существует, должно стоить заказчику немалых денег. Ши представления не имел, способен ли кто-то из шадизарских колдунов на такую серьезную ворожбу. Здешние маги, за редкими исключениями, большей частью обычные мошенники и жулики, как и прочие обитатели Города Воров.

А самое главное — кто? Как относиться к перевоплощению: как к мести, жестокому розыгрышу или вообще случайности? Может, Ши просто оказался в неподходящее время в ненужном месте? Скажем, некая личность пытается свести счеты с Элатой?

Как ни крути и ни прикидывай, легче не становилось. Одна надежда — дойти до спаситель-

ных стен «Норы». Вдруг по дороге морок развеется? Или друзья-приятели, поглядев на Ши, ехидно спросят: «С какой это радости ты, красавчик, вырядился в девчоночьи тряпки? Решил сойти за ночную курочку?» Позора, намеков и смешков будет — не оберешься!

Шадизару все равно, что выставлять на продажу. Смазливые мордочки и красивые тела — товар не менее обыденный, чем коровьи туши или кувшины с вином. Город переполняли блудливые девы: уличные и обитающие в веселых домах, промышлявшие при тавернах, банях и игорных заведениях. Их именовали «кошечками», «сумеречными фиалками», «волчицами», «бешеными кобылками», «черными овечками», «увядшими лилиями», «безрогими телочками» и еще тысячу и одним прозвищем. «Ночные курочки» кормились из той же кормушки, приторговывая своими ласками и порой вступая с девицами в смертельную вражду из-за богатенького клиента. Разница заключалась в одной мелочи — «цыплята» относились к мужскому полу.

Девицы, само собой, конкурентов не жаловали. Дело частенько доходило до драк с вырыванием волос, выцарапыванием глаз и разбиванием голов о мостовую. Потому «курочки» облюбовали для трудов праведных одну из уединенных городских площадей и предпочитали держаться стайкой. Прежнее название площади за давностью лет забылось, теперь она была известна как Птичник. Располагался Птичник по соседству со Скачущими Конями и «Золотым Павлином»,

иногда Ши заносило туда лихими ветрами: то удирал от погони, то наведывался пощипать кошельки любителей свеженькой курятины, то заглядывал в гости (воришко придерживался здравой мысли, что друзей и осведомителей необходимо иметь везде — в Городском Совете и среди размалеванных, жеманных «цыплят» Птичника. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь).

Шелла в мыслях не имела сворачивать и идти через Птичник (одинокая девчонка, имевшая вид непрятательной шлюшки, вполне могла схлопотать от мающихся похмельем и бездельем «курочек» подзатыльник или получить сгнившим яблоком в спину — дабы впредь не забрела в чужие владения), но тут в соседнем проулке мелькнул чей-то смутно узнаваемый силуэт. Девушка юркнула в подворотню, осторожно выглянула, присмотрелась. Высокий, крупный мужчина в неприметном зеленоватом плаще, капюшон низко надвинут, скрывая лицо, однако в походке и движениях кроется нечто знакомое. Где-то Шелла уже с ним сталкивалась, но где?

Неизвестный в плаще вел себя чрезвычайно странно. Поначалу он вроде бы целеустремленно направился к Птичнику, но, не дойдя до входа на площадь, столь же решительно свернул и остановился в арке какого-то зажиточного дома. Вскоре появился хмурый сторож и пригрозил спустить на незнакомца собак, если тот не уберется. Высокий перешел на другую сторону улицы и притаился за полуобрушившейся колон-

ной, украшавшей угол дома, небезуспешно пытаясь слиться с ней.

На площади обозначилось некоторое оживление: из дверей маленькой таверны «Бык и кольцо» появилась парочка ранних пташек. Странные создания, издалека напоминавшие обычных гуляющих девиц средней руки, о чем-то взахлеб щебетали, хихикали и передавали друг другу куклек с вишнями. Им повезло — довольно скоро на Птичника пожаловал старавшийся держаться в тени тип туранского обличья и явно купеческого сословия. Жестами подозвал «цыплят» к себе, о чем-то тихо заговорил, те кивнули и невозмутимо отправились вслед за покупателем, продолжая болтать и смеяться.

Поднадзорный Шеллы дернулся, мотнув головой, выбрался из своего закутка и сделал шаг к площади. Вдоль проулка загрохотала тележка продавца фруктов, незнакомец мгновенно скрылся в неглубокой стенной нише.

Обитатели Птичника один за другим появлялись на свет. Кто-то уходил бродить по окрестным улицам, кто-то оставался дожидаться случая на площади. Время от времени наведывались клиенты, уводя приглянувшихся «курочек» с собой или скрываясь за дверями «Быка и кольца». Шелла без труда вычислила местных «хозяек», распоряжавшихся на площади, мысленно отделив тех, кто командует и получает деньги, от тех, кто находится в подчинении. Знакомое распределение ролей — точно также охотятся на своих жертв уличные проститутки.

Знакомый незнакомец продолжал подпирать стены. Похоже, он пришел сюда впервые и никак не мог набраться духа, дабы приблизиться к коварному Птичнику. Шелла не знала, что делать — продолжать выслеживать или уйти? Какая ей разница, знает она этого человека или нет? Если знает, ей же выйдет хуже — никто не хочет, чтобы его застукали во время охоты на «цыплят». К тому же у Шеллы (то есть Ши!) полно собственных забот. Да, надо уходить. Что торчать здесь без толку?

За Шеллу решил случай. К колебавшемуся неизвестному в зеленоватом плаще приблизилась одна из «курочек» — юная белокурая особа в голубой разлетающейся тунике, позякивающая сверкающими фальшивым золотом сережками, браслетами и ожерельями. Заговорила, хотя ей не ответили. Игриво положила узкую ладонь на сгиб руки незнакомца. Тот сделал движение, будто собирался резко оттолкнуть навязчивого «цыпленка». Парень в обличье девицы ловко увернулся, продолжая настаивать и пальчиком маня возможного клиента за собой. Человек в зеленом плаще огрызнулся, однако как-то неуверенно.

И тут Шелла неприлично открыла рот. Она узнала голос. Она еще надеялась, что ошиблась, но незнакомец обменялся с «курочкой» несколькими фразами, и последние сомнения растаяли утренним туманом.

Блондинка в голубом рассыпчато-звонко засмелилась и взяла узнанного Шеллой человека

под руку. Он послушно поплелся за жизнерадостной «курочкой» — точно бык на заклание. Парочка миновала Птичник и направилась вверх по Лошадиной улице. «Цыпленок», видимо, имел неподалеку собственное пристанище, куда приглашал своих мимолетных знакомых.

Они ушли.

Шелле пришлось злобно укусить себя за кончик языка, прогоняя тяжелое оцепенение, вроде того, что охватывает слишком долго пробывшего на солнце человека. Сорвавшись с места, она неуклюже побежала прочь от Птичника, к родному кварталу Нарикано.

Возле Каменного рынка Шелле пришла в голову одна догадка, от которой девушку, некогда являвшуюся Ши Шеламом, бросило в холод и жар одновременно. Остро захотелось присесть и выпить чего-нибудь прохладного. Шелла огляделась, увидела вывеску знакомой таверны, зашла и упала на свободную скамью. Ее колотила мелкая дрожь и она едва не выронила принесенную ей кружку белого шемского.

Потому неудивительно, что, когда ей на плечо легла чья-то тяжелая рука, Шелла подпрыгнула и взвизгнула, да так, что посетители за соседними столами оглянулись.

* * *

— Нет.

— Да брось ты! Тебе чего, деньги не нужны?
— Нужны. Но сейчас я тороплюсь.

— Значит, обернешься по-быстрому и побежишь дальше. Договорились?

— Я же сказала — нет, нет и нет! Отвали!

— Зря ты так, детка. Люди, можно сказать, к тебе со всей душой, а ты грубишь... Ладно, не хочешь по-хорошему, придется по-плохому. Не передумала?

Любой житель Шадизара не раз созерцал подобную ситуацию: двое-трое парней (из тех, что самоуверенно полагают себя крупной рыбой в мелком озерце) начинают упорно приставать к приглянувшейся им девице легкого поведения. Далес следует легкая перепалка, в которую окружающие не вмешиваются, с интересом заключая пари, кто одержит верх. Как правило, девица, посопротивлявшись для виду, сдается и удаляется вместе со своими новыми друзьями.

Видеть со стороны, как выяснилось, это одно. Оказаться же на месте помянутой девицы — совсем другое...

Ши слишком поздно сообразил, что громоздит ошибку на ошибку. Не стоило огрызаться, проще было для виду согласиться, выйти на улицу и там попытаться ударить. Для человека, с детства назубок изучившего закоулки и проходные дворы торгового квартала Сахиль, это не составило бы особой трудности. Вместо этого он имел глупость разозлить привязавшихся к Шелле типов.

Ухудшало дело то обстоятельство, что Ши не плохо знал эту мрачноватого вида парочку. Акчи Рохля когда-то проиграл воришке круглень-

кую сумму в двадцать туранских империалов, а Стиккин, неизвестно почему заработавший прозвище «Брешущий Пес», не раз наведывался в трактир «Уютная нора». Наведывался не просто так, посидеть за кружечкой Лорниного пива, но сопровождая своего грозного патрона.

Рохля и Брешущий Пес ходили в своре костоломов Кодо. Попытка договориться с этими людьми заранее обречена на провал. Тем более — принимая во внимание различные гадости, в запальчивости брякнутые Ши.

Остается одно: бежать. Бежать как можно быстрее.

— Значит, не передумала? — уточнил Акчи Рохля. Шелла упрямо мотнула головой. — Что ж, тогда пойдем, прогуляемся. Давай-давай, шевелись, красотка.

Он цепко сгреб упрямую девицу за ворот платья... вернее, попытался сгрести, ибо девчонка стремительно крутанулась на скамье и с размаху врезала обеими ногами Рохле по лодыжке. Громила качнулся, теряя равновесие, и оттого не успел уклониться от предельно точно запущенного ему в голову увесистого кувшина. В суде еще оставалось вино, радостно брызнувшее во все стороны вперемешку с черепками. Рохля шатнулся и грузно осел на пол.

Расправа чернявой девицы с Акчи вызвала в таверне одобряющий гомон и свист. Не дожидалась, пока ее поймает опешивший Стиккин, Шелла птичкой взлетела на стол, сжалась в комок и прыгнула, надеясь на шальной удачу и целя

ступней в голову противнику. Раздался треск рвущейся ткани (Ши забыл, что в узком платье особо не попрыгаешь), но маневр увенчался успехом: плетеная сандалия врезалась Брешущему Псу в лоб. Шелла-Ши тихо взыскала — показалось, что она пытается бить каменную стену. Однако Стиккин в замешательстве отступил, открывая ей путь к бегству, в таверне возникла суматоха и девушка беспрепятственно помчалась к выходу, перевернув по пути несколько скамей и опрокинув подвернувшиеся под руку тарелки и кувшины. Брешущий Пес бросился за ней, но поскользнулся на разлитом вине.

Она уже считала себя в безопасности, когда врезалась в кого-то огромного, загородившего весь дверной проем. Шелла метнулась вправо-влево, вспоминая, где тут черный ход, и тут ее схватили за руку, умелым движением вывернув кисть назад. Шелла завопила, брыкаясь и отбиваясь свободной левой рукой, но второй рыбовок, грозивший оставить ее с переломанным запястьем, вынудил девушку замереть неподвижно. Высказывать недовольство она могла только яростным шипением сквозь зубы.

— Что происходит? — спокойно осведомился человек, поймавший Шеллу. Рохля с помощью приятеля и зрителей поднялся на ноги, хрюкнул и разъяренным кабаном попер на оскорбившую его девчонку. — Акчи, угомонись. Нечего затевать драку из-за пустяка. Идем.

Тут Шелла догадалась повернуть голову и посмотреть, кто же, собственно, помешал ей сбе-

жать. Увидев, слогнула и невольно сжалась в комочек.

Кодо собственной персоной. Можно было догадаться: раз его верные прихвостни тут, значит, и хозяин обретается неподалеку.

— Эта маленькая дрянь... — возмущенно начал Рохля, когда все четверо вышли из полумрака таверны на залитый солнцем двор. Кодо по-прежнему мертввой хваткой удерживал притихшую девушку, мысленно проклинившую весь мир и свой слишком длинный язык.

— Эта маленькая дрянь отчего-то не захотела согласиться на твое лестное предложение и уделить тебе немного внимания, — равнодушно завершил фразу Кодо. Похоже, его заботило нечто иное, чем выходки подчиненных. — Так? — Он легонько встряхнул Шеллу.

— Твои приятели могли быть чуточку повежливее, — буркнула девушка, поняв, что от судьбы не уйдешь. Если она продолжит упираться, ей сильно не поздоровится.

— Она согласна, — подвел итог Кодо и толкнул Шеллу к потиравшему голову Брешущему Псу. — Если она вам еще нужна, можете отвести ее домой. Предупреждаю — без воплей и увечий. И заплатите ей, я проверю. Эй, как тебя зовут?

— Шелла, — чуть запнувшись, назвалась девушка. — Шелла... из квартала Сахиль.

Но Кодо уже потерял к ней интерес и отвернулся.

Волочась между двумя громилами, каждый из которых превышал его ростом по крайней ме-

ре на голову, Ши с мрачным юмором на разные лады задавал себе один и тот же вопрос — любопытно, Шелла девственница или нет? И как только его угораздило всплынуть в эдакую передрягу? Тысячу раз права умница Феруза, говорившая: «Тебе, мой друг, нет необходимости разыскивать неприятности. Они сами бегут за тобой, точно верные собаки.»

* * *

Полбеды, что Шелла оказалась-таки девицей. Вторая половина состояла в том, что Рохля и Брешущий Пес решили отыграться за нанесенный упрямой девчонкой ущерб и сделали широкий жест — кликнули своих друзей. Шелла не могла сказать точно, сколько их было, но чувствовала она себя после состоявшихся «близких знакомств» отвратительно. Хотелось немедленно умереть, но сперва отомстить. Желательно отомстить со вкусом и размахом.

Все ушли. Она валялась поперек низкой широкой кровати, боролась с очередным приступом дурноты и злилась. От злости меньше чувствовалась боль. Ши доставалось и раньше — в уличных и трактирных драках, от городских стражников, от наставников в воровском искусстве и от конкурентов — однако он представления не имел, что в человеческом теле есть столько болезненных мест...

Припомнив кое-что из недавно пережитого, Шелла, постанывая, доползла до края постели и

весилась вниз, уверенная, что ее сейчас вырвет. К счастью, обошлось долгим приступом кашля.

Какая-то добрая душа оставила в пределах досягаемости вместительный медный кувшин. Шелла дотянулась до него, ухватила за узкое горлышко, подтащила ближе. Внутри плескалась вода — теплая и противная на вкус. Девушка смогла заставить себя выпить только один глоток, остальным с горем пополам вымылась, мечтая об огромном бассейне, выложенном зеленоватыми плитками малахита и наполненном чистейшей родниковой водой.

Со второй попытки она смогла встать. Ноги дрожали и гнулись в коленях, голова кружилась.

«Успокойся. Возьми себя в руки. Тысячи женщин ежедневно проделывают вещи куда хуже, и живут припеваючи. Ты легко отделалась. Хватай вещи и убирайся поскорее, пока о тебе не вспомнили».

Аккуратно свернутое платье отыскалось на скамье. Поверх лежал холцовый кошелек, украшенный дешевенькими самоцветами. Шелла заглянула внутрь, с тихим удивлением полюбовалась на тусклый блеск золотых монет. Кажется, ее старания и мучения оценили довольно высоко. Может, бросить воровство, податься в девочки для удовольствий?

Держась за стену и пошатываясь, Шелла боязливо выглянула в коридор. Она находилась в каком-то большом и запутанном доме («В гостях у Назирхата уль-Вади», — робко подсказала память). Акчи и Стиккин тащили ее вверх по сту-

пенькам. Значит, она на втором этаже. Куда идти, налево или направо?

Поразмыслив, она свернула налево. Миновала две или три запертые двери. Выглянула в узкое окно, увидев под собой крохотный ухоженный садик с фонтаном, обнесенный высокой глинянитной стеной. Толкнулась в очередную дверь, та неожиданно подалась и распахнулась.

За ней начиналась освещенная тусклыми масляными лампами узкая спиральная лестница — один из многочисленных черных ходов, традиционно пронизывающих шадизарские дома, словно лазы жуков-точильщиков, изгрызших трухлявое бревно.

Девушка покрепче ухватилась за медную полосу поручня и начала спускаться. Одолела прошел из десяти ступенек, остановилась передохнуть и краем уха уловила доносившиеся из-за стены голоса. Отдельные слова не различались, только невнятное бормотание.

Шелла знала, что ей нужно удирать. Вместе с тем ей нестерпимо хотелось знать, о чем идет разговор. Может, там громилы Кодо дуются в кости и обмениваются сплетнями, а может...

Она закрутила головой, пытаясь определить, откуда именно исходит звук. На черных лестницах всегда устраиваются отдушины, слуховые трубы и дырочки для подсматривания. Если такие полезные мелочи имеются в скромном трактире Лорны, то здесь стены наверняка просто начинены ими. Нужно только догадаться, где исскать. Скажем, почему эта лампа висит чуть кри-

вовато, а тот кирпич слегка выделяется среди своих красноватых собратьев?

Шелла осторожно поправила лампу. Вздрогнул в застоявшемся воздухе язычок оранжевого пламени. Где-то приглушенно скрипнуло, притянутый кирпич бесшумно повернулся вокруг своей оси, открывая спрятанный за ним глазок.

— Ага,— девушка мгновенно позабыла о своих горестях. Она встала на цыпочки и нетерпеливо заглянула в отверстие. С другой стороны оно, должно быть, маскировалось под алебастровую розетку или какое-нибудь настенное украшение, расположенное чуть выше человеческого роста.

Перед ней возникла часть богато обставленной комнаты, а голоса зазвучали намного отчетливее. Она легко опознала одного из собеседников, сидевшего чуть левее и спиной к ней — вошедшую в уличные байки расшитую плоскую шапочку почтенного Назирхата уль-Вади не спутаешь ни с чем. Вдобавок Шелле (вернее, Ши) была знакома его манера разговора и привычка снисходительно растягивать фразы, переплетая их рассеянными междометиями вроде «ну-у...» или «мнэ-э...».

Гостя уль-Вади, сидевшего лицом к наблюдательному глазку, Шелла видела первый раз в жизни и слегка удивилась — люди такого обличья редко ходили одними дорогами с Назирхатом и подобными ему личностями. Уроженцы Полуденного Побережья вообще не часто заглядывали в Замору, а этот тип, вне всякого сомнения,

ния, происходил именно оттуда и относился к людям, с рождения привыкшим отдавать приказы. Каким-то шестым чувством Шелла понимала: странный гость Назирхата не пытается выдать себя за знатного господина, но является таким по праву крови. Хотелось бы знать, ради чего явилась в Шадизар эта редкая черная птица? «Черная», ибо незнакомец предпочитал в одежде темные цвета. Его внешность напомнила Шелле виденного как-то на Блошином рынке морского орла с берегов Вилайета — крючконосый, нахохленный, мрачный и очень опасный. Когда он бросил случайный взгляд в сторону незримого соглядатая, девушка разглядела злые каре-желтоватые глаза и поежилась.

Прислушавшись, она узнала имя незнакомца. Дон Кебрадо. Иногда Назирхат почтительно называл визитера «вашей светлостью Ларгонь». Шелла имела весьма смутные представления о законах титулования, однако уверенно предположила, что «его светлость» занимает не самое низкое место на крутой лестнице благородных сословий, и окончательно впала в недоумение. Какая связь между старшиной квартала в отдаленном заморийском городе и надменным выходцем с Побережья Закатного Океана?

Говорили о пустяках. Уль-Вади заливался соловьем, гость нервничал, отмалчивался и пил (до Шеллы доносилось бульканье льющегося вина и звяканье опускаемого на стол кувшина). Оба, похоже, коротали время в ожидании каких-то новостей.

Их терпение вскоре вознаградилось. Вдалеке приглушенно брякнул колокольчик. Явился кто-то из доверенных лиц Назирхата, оставшийся вне поля зрения девушки, приблизился к хозяину и что-то зашептал на ухо — почти тепло и быстро. Уль-Вади дважды кивнул, посланец на цыпочках удалился.

— Вот теперь, смею заверить вашу светлость, все окончательно готово, слажено и расставлено по местам, — сообщил Назирхат. — Через три дня мое сердце омрачится скорбью, ибо вы обретете свою утраченную фамильную драгоценность, покинете мое скромное жилище (Шелла ехидно фыркнула) и наш убогий городишко (тут девушка рьяно закивала, соглашаясь)...

— Если все готово, зачем нужно тянуть еще три дня? — недовольно осведомился человек, называемый доном Кебрадо. Говорил он с непривычным Шелле акцентом, комкая окончания и точно выплевывая эвонкие согласные.

— Потому, что есть обстоятельства, с существованием которых приходится мириться, и веши, происходящие только в назначенный срок, — терпеливо и туманно растолковал уль-Вади. — Я безмерно уважаю желания вашей светлости, но я вынужден дорожить жизнями никчемных бездельников, ходящих под моей рукой. Если можно было бы совершить назначенное сегодня, я бы так и сказал: «Дети мои, начинаем и долой промедления, ибо его светлость торонится!..»

Кебрадо скривился. Видимо, разглагольствования господина Назирхата уже встали ему ко-

стью поперек горла. Уль-Вади, не обращая внимания на недовольство собеседника, продолжал:

— Вы сами должны понимать, что казна городского Совета не идет ни в какое сравнение с запертым на пару ржавых замков сундуком престарелой тетушки Байданы. Это — единственная крепость нашего городка, по праву считающаяся неприступной. Вы пожелали нанять лучших людей? Прекрасно, я разыскал их и озабочился их участием в грядущем предприятии. Однако... (Шелла будто наяву увидела, как уль-Вади разочарованно щелкает пальцами) любые сборы требуют времени и, само собой, денег. Вдобавок вы непременно хотите видеть среди прочих мастеров своего дела определенную личность... Не имею в виду ничего дурного, просто хочу заметить, что мои грубые и простодушные мальчики, не колеблясь, признали бы в замыслах вашей светлости обычнейшее сведение счетов.

— Это никого не касается! — рыкнул дон Кебрадо.

— Не касается, — обманчиво-добродушно согласился старшина квартала Нарикано. — Но, если просочится хотя бы призрак слуха о моей причастности к странному и внезапному исчезновению взломщика Аластора, которого некоторые полагают едва ли не символом города... Такие сплетни, знаете ли, отнюдь не способствуют укреплению репутации и приобретению друзей.

За стеной Шелла едва успела подавить изумленный вскрик. Значит, Назирхат собирает шайку для налета на городскую казну? А там, как

известно кое-кому из посвященных, за семью печатями и десятью дверями доселе пребывают сокровища, изъятые у вороватых гномов Чамгана... И Назирхату обязательно нужно, чтобы в деле участвовал Аластор, ибо заезжая шишка имеет какой-то серьезный зуб на их беспечного приятеля...

— Мама дорогая,— пробормотала Шелла и попятилась от отверстия в стене, точно увидела выползающую из глазка ядовитую змею.— Из огня да в полымя... Что же творится-то в нашем тихом городке?

Не додумав, она заковыляла вниз и снова замерла, настороженно вслушиваясь в звуки большого дома.

Сверху, пока еще невидимый из-за изгибов спиральной лестницы, спускался человек. Грузный и, судя по звукам, старающийся ступать как можно тише. Еще один любитель подслушивать чужие разговоры или подручный Назирхата?

Какая разница?! Надо сматываться!

Девушка торопливо поскакала вниз, приказав себе забыть о синяках, болящих ногах и тошноте. Она надеялась, что неизвестный скроется в какой-нибудь из выходящих на лестницу дверей, однако тот упорно шел вслед за ней. Неужели услышал? Или тоже хочет уйти незамеченным?

Лестница уткнулась в обшитую железом дверь. Шелла едва не взвыла от досады, когда поняла, что дверь не открывается, но спустя миг облегченно перевела дух — ей преграждал путь всего лишь задвинутый засов. Аккуратно выта-

щить его из пазов, приоткрыть створку, убедиться, что поблизости никого нет

— Стой! Ты что здесь делаешь?

Шелла бросила один-единственный взгляд через плечо, убедительно доказавший, что сегодня не ее день и она не в чести у покровителя краудущих, подслушивающих и вынюхивающих. Нарочно не придумаешь — по лестнице за ней, оказывается, шел не кто иной, как Кодо. С того времени, как они виделись (то есть с утра) настроение Ночного Кошмара стало еще хуже.

Девушка не стала задерживаться для выяснения отношений, а опрометью рванула по усыпанной мелким коричневатым песком дорожке внутреннего садика. Уже на бегу она смекнула, что перебраться через утыканную железными остриями стену не сможет (разве что срочно отрастить крылья и научиться летать). Значит, надо пробираться к ведущим на улицу воротам. Для этого требуется обогнуть сад и повернуть во-он под ту низкую арку. Тогда она окажется в обширном дворе, где в любой час дня и ночи полно скучающих дармоедов из числа преданных собачек Назирхата.

Славный выдался денек, ничего не скажешь...

— Ловите девку! — громогласно взывал отстававший шагов на пять Кодо.— Эй, обормоты, хватайте ее!

Беглянка неожиданно повернула и сиганула через нежно журчащий фонтан. Кости простетствующе взвыли. Кодо не удалось повторить ее воздушный полет — до Шеллы донесся громкий

плеск, сопровождаемый красочным фейерверком ругательств. Из-за кустов вынырнула охранник — девушка удачно проскочила у него под рукой, на последнем издыхании пробежала под аркой и влетела во двор.

Ей незаслуженно повезло. Внушительного вида ворота стояли открытыми, в них медленно вползала тяжело груженая повозка, а из стороны присутствовало от силы десяток человек, всецело занятых перебранкой с возчиком. Помня, что главное при побеге — не останавливаться, Шелла с разбегу ввинтилась в крохотный зазор между опорой ворот и бортом повозки, безжалостно обдираясь о камни и щепки, прорвавшись наружу и порысила вниз по улице.

Раздавшиеся позади громкие разноголосые вопли, должно быть, означали, что Кодо выбрался из фонтана и погоня неизбежна.

* * *

Держалась она только на упрямстве и мысли о том, что с ней произойдет, если развеселым ребяткам Кодо удастся ее схватить. Неважно, слышала она что-нибудь или нет, утащила из владений Назирхата какую-нибудь ценную безделушку или нет. Она убегала — ее ловили. Таков неизбежный и вечный порядок вещей в славном городе Шадизаре.

Часть преследователей упустила Шеллу в паутине переулков возле Каменного рынка. Остальные — человек пять или шесть — оказались уп-

рямыми и знающими головоломный лабиринт проходов между лавками и складами не хуже нее. Вдобавок девушка задыхалась и едва не падала. Она пыталась затаиться, взобраться на крышу, прыгнуть в едущую мимо повозку или юркнуть в какой-нибудь незаметный проулок, но ей не давали остановиться. Вскоре она догадалась, что ее гонят к тунику подле кожевенных лавок. Там — свалка выброшенных шкур, злые, плепиевые бродячие собаки и облака жужжащих мух. Оттуда не выбраться. Остается только задрать лапки вверх и сказать «Ваша взяла»...

Да никогда в жизни!

Последним усилием Шелла вскарабкалась на жиенький заборчик из неструганных жердей, перевалилась на другую сторону, едва не плюхнувшись в навозную кучу, и, хромая, побежала к близкой желтовато-оранжевой громаде Каменного Рынка. Если она сумеет добраться туда, то остается шанс скрыться среди тысячи лавок и лавочонок, раствориться в многоликой толпе и обмануть погоню.

Какое-то мгновение ей казалось, что она спасена. Погоня отстала, впереди виднелась одна из торговых улиц, ведущих к рынку, а на ней — желанное столпотворение. Затем Шелла заметила торчащего на углу верзилу, настороженно озирающего подходы к улице, признала в нем охранника из дома Назирхата уль-Вади и едва не расплакалась. Она больше не могла убегать, но твердо знала — сдаваться нельзя и заметалась в поисках пути к спасению.

— Помоги же мне! — этот безмолвный крик души девушки обратила к украсившему вывеску расположенной по соседству хлебной лавки знакомому символу: пять ключей на кольце и голова ухмыляющегося бычка. Бел — божество не только воров, но и торговцев, потому купцы частенько цепляли изображение его талисманов над входом в дом.— Пропадаю! Как есть пропадаю!

Она бросила быстрый взгляд по сторонам — далеко ли погоня? — и оторопело застыла.

Шагах в десяти от нее, под навесом оружейной лавки преспокойно стояли, перебирая разложенные кинжалы и обсуждая их недостатки, Аластор, Медвежонок и незнакомая девица. Как Шелла не заметила их раньше — уму непостижимо.

— Боги есть,— заплетающимся языком пробормотала Шелла.— С меня десять империалов в храм на Кривоколенном. И кладу столько же... нет, в три... в пять раз больше сверху, если мне вернут нормальный облик... Альс! Альс, спаси меня!

Она птицей пролетела через улицу и, споткнувшись, растянулась как раз под ногами у приятелей. Караульный на перекрестке заметил ее и целеустремленно направился к лавке, жизнерадостно помахивая рукой возникшим из переулка остальным участникам погони. Шелла отстраненно пересчитала их, глядя снизу вверх (три человека), и ощутила сильнейшее желание упасть в обморок.

— Разве мы знакомы? — взломщик наклонился, удивленно-вопросительно смотря на растрепанную черноволосую девчонку в драном платье, свалившуюся на него почти что с неба.— Милочка, ты кто такая и что хотят от тебя эти симпатичные ребята? Малыш,— добавил он вполголоса,— будь добр, не устраивай драку прежде времени.

Просьба оказалась к месту — мальчишка-варвар, вроде бы только что стоявший спокойно, подобрался, исподлобья настороженно изучая приближающуюся компанию. Незнакомка тихонько ойкнула и незаметно позаимствовала с прилавка короткий нож. Торговец на всякий случай тоже потянулся за оружием.

— Я не...— с трудом выговорила Шелла.— Я... В общем, я — Ши. Не спрашивай, что случилось, я сам не понимаю. Это — люди Назирахата. Не отдавай меня им, а то мне конец! Альс, я действительно не девчонка! Я Ши!

На сидевшую в пыли и тихо подывающую Шеллу уставились три пары донельзя изумленных зрачков: агатово-черные, принадлежавшие Аластору, светло-синие — Малыша, фиолетовые — неизвестной девицы.

— Врет? — кратко осведомился Конан.

Шелла отчетливо поняла, что нужно немедля доказать свои слова чем-то, что известно только компании из «Уютной норы». Иначе...

— Золотой жезл с аметистом,— на одном дыхании выпалила девушка.— Кто его оживил? Что началось потом? Нужник, синие скорпионы

в зеленую полоску, говорящая молельня из черного камня! Зеркальце в оправе из кораллов — кому ты его подарил? — она лихорадочно соображала, припоминая: — Сапог на подушке третьего дня, неужели не помнишь?

— Погоди тарактеть,— Аластор двумя пальцами подцепил Шеллу за подбородок, заставив поднять голову и посмотреть себе в глаза. На краткий удар сердца ей почудилось, будто она падает в озеро непроглядно-черной воды, затем Альс отпустил ее и растерянно присвистнул: — Малыш, мы наблюдаем дивную вещь, именуемую мудрым словом «парадокс». Внешне сия особа — непорочная девушка, но внутри нее, провалиться мне на этом месте, пребывает наш общий знакомый Ши Шелам!

— Такого не может быть,— робко заметила незнакомка.

— Диери, давно пора запомнить — в этом спятившем городке бывает и не такое,— хмыкнул внезапно развеселившийся Аластор и протянул Шелле руку, помогая встать: — Ши, кому колдуну ты умудрился наступить на хвост? И при чем тут Назирхатовы сорвиголовы?

Четверо преследователей неспешным шагом добрались до оружейной лавки. Шелла сглотнула и укрылась за спиной Конана.

— Привет-привет,— невозмутимо обратился к мрачной компании Аластор.— За кем гоняемся? Служаем не за такой тощенькой нахальной девчонкой? Она прячется позади моего приятеля. Предупреждаю заранее: у него оч-чень скверный

характер. Он почему-то терпеть не может, когда обижают женщин. Наверное, в силу пресловутых варварских традиций. Эта красотка у вас что-то увела?

Шелла сомневалась, что громилы поняли хотя бы одно слово из трех, произнесенных Аластором, но зато они неплохо знали самого взломщика и то обстоятельство, что связываться с ним опасно. Вдобавок рядом торчал Малыш, также производивший впечатление серьезного противника.

— Кодо велел ее поймать и привести обратно,— изрек один из загонщиков.

— И вы очень старались, но вот досада — девчонка забежала в Сахиль и спряталась в какой-то крысиной норе,— подхватил взломщик.— Ведь так?

— Ну... Кодо, если узнает, всыплет всем...

— Если узнает,— Аластор сделал ударение на «если».— Только как он сможет узнать, раз его не поставят в известность? — в его ладони как по волшебству возник новенький серебряный дебен. Ладонь сжалась, открылась — к монете присоединилась ее товарка, затем еще одна и еще...— Значит, девчонка скрылась?

— В случае чего будешь разбираться с Кодо сам,— решил предводитель. Серебро перешло из рук в руки. Шелла, не веря своему счастью, медленно перевела дух и обессилено привалилась к ширшавому прилавку.

— Наконец-то выяснилась твоя истинная цена, моя прелесть: ровно восемь шемских дебе-

нов,— как ни в чем не бывало сообщил Аластор и хихикнула.— Вернешь при случае. Да, в суматохе я забыл вас познакомить. Диери Эйтола.

Незнакомка чинно (хотя не без плохо скрываемого удивления) кивнула. Теперь Шелла смогла толком ее разглядеть: остренькое смыщенное лицо, падающие на плечи гладкие, подстриженные в виде шлема волосы бронзового цвета, искусно удлиненные с помощью кхитайской туши глазки редкого оттенка цветущих ирисов, лиловая туника, перехваченная в талии золотой цепочкой... Погодите, никак она и есть загадочная подружка Малыша? Это несправедливо! Почему какому-то деревенщине, не умеющему толком двух слов связать, достаются самые лакомые кусочки?

— Еще вчера я бы сказал — Диери, перед тобой мой хороший знакомый Ши Шелам,— вовсю ревился Аластор.— Но сегодня, видно, жизнь круто переменилась. Ты теперь кто, дружок?

— Шелла,— обреченно представился Ши.— Пойдемте домой, а? Нет у меня больше сил шарахаться от каждой тени.

* * *

Спутница Конана оказалась сообразительной не только на вид. Любопытство сгрызало ее яростнее хорька, закусывающего свежезадушенной курицей, и все же Диери сумела обуздить свои чувства. На следующем же перекрестке она остановилась:

— Надо полагать, сейчас начнется обмен добытыми секретами? Чего не знаешь, того не выдашь, посему разрешите вас покинуть. Рассыпаться в извинениях необязательно — я знаю правила здешней игры. Спасибо за компанию. Надеюсь, завтра увидимся? — последняя фраза предназначалась одному только Малышу и сопровождалась улыбкой, способной растопить тысячелетний ледник, отвлечь закоснелого праведника от молитвы или заставить нелюдимого мальчишку из варварского народа смутиться и забормотать что-то невнятное.

Шелла не сумела как следует насладиться этой редкой сценой: Аластор, кивнув Диери на прощание, молча сгреб Шеллу за плечо и оттащил подальше от расстававшейся парочки. Конан вскоре нагнал их. Ему удалось сохранить привычное, сдержанно-настороженное выражение физиономии, однако кончики ушей отчего-то наливались багровым. Прощание с очаровательной Диери, надо полагать, вышло не слишком церемонным.

— Где ты ее отыскал? — в Шелле незамедлительно воскрес Ши с его стремлением узнавать все о своих друзьях и знакомых.— Кто она такая? Учти, я тоже хочу с ней познакомиться! Незачем столь хорошенькой крошке тратить лучшие годы на возню с такой вечно хмурой орясиной, как ты! Открой тайну — как ты принудил ее выдерживать твое общество?

— Дорогуша,— ядовито-ласково вмешался Аластор, перебив разглагольствования Ши-Шеллы,—

нам будет куда интереснее послушать про твои похождения. Например, почему за тобой гоняются бойкие мальчики уль-Вади? Отчего ты выглядишь так, будто пытаешься отбиваться от своры бешеных псов? Подозреваю, в образе милой девушки тебе пришлось пережить самые яркие моменты в твоей краткой жизни? А, Шелла? Поделись новыми впечатлениями с верными друзьями!

Конан, на удивление быстро смекнувший, что к чему, смерил Шеллу откровенно презрительным взглядом и изрек, как припечатал:

— Муж женовидный стоит презрения.

— На себя посмотри!..— взвилась оскорблённая Шелла.— Медвежьюолосатая!

— Тихо, тихо,— Аластору пришлось снова ловить девушку в охапку.— Вы еще подеритесь...

— Пусть он не обзвывается! — потребовала Шелла.

— Малыш, между прочим, сказал истинную правду,— вполголоса заметил Аластор.— Так кому ты перебежал дорожку? Вернее, перебежала?

— Да не знаю я,— Шелле внезапно расхотелось кричать и ссориться. Спрятавшееся было отчаяние радостно высунуло склизкую морду из потаенного уголка в душе и глумливо ухмыльнулось. Шелла мысленно влепила ему между глаз увесистым мешком с камнями. Отчаяние увернулось и юркнуло в свое убежище.— Альс, погоди про меня! Скажи, ты никогда не встречал человека по имени Кебрадо? Он наверняка с Полуденного Побережья. Его еще называют Лар-

гоньо, причем всегда добавляют обращение «ваша светлость».

— Дон Кебрадо Эльдире лос Уракка, граф Ааргоньо, родом из Зингары. Обладатель громкой родословной постарше королевской, владелец парочки внушительного размера поместий, крупной доли в доходах процветающего торгового дома «Офирский венец», и прочая, и прочая...— после краткого раздумья озадаченно произнес Аластор и нахмурился.— Полностью имя звучит вот так. Да, я его знаю. Его светлость давно числится меня среди избранных личных врагов... Признаться, для этого имеются веские причины. При чем здесь?..

— Он в городе,— отчетливо произнесла Шелла, стараясь ничего не забыть и не перепутать.— Живет у Назирхата уль-Вади. По его настоянию Назирхат собирает умельцев и намерен через два или три дня почистить городскую казну. Вдобавок благороднейший дон желает, чтобы в компанию обязательно входил ты. Похоже, он здорово на тебя разозлился. Сам догадаешься, почему. Еще его светлость хочет возвратить какое-то украденное сокровище, которое тоже спрятано в здании казны. Я была... была в доме Назирхата и случайно услышала его разговор с этим самым Кебрадо. Меня заметил Кодо, который, по-моему, тоже тайком запихивал ухо под дверь, и натравил своих головорубов. Остальное вы видели.

— Полагаю, сокровище, о котором шла речь — часть добычи гнома Альбриха и его лихих

дружков,— поначалу Аластор казался изрядно удивленным, затем стал чрезвычайно задумчивым и даже зашагал медленнее.— Вот в чем дело...

Шелла с Конаном переглянулись, безмолвно заключили временное перемирие и стали нетерпеливо ждать объяснений.

— Городская казна сейчас полна под завязку,— наконец заговорил взломщик.— Не сегодня-завтра Совет должен начать отправлять караваны в Немедию, Туран, Офир, Хорайю и прочие страны, которые либо считают Замору своей провинцией и требуют выплаты налогов, либо ждут расплаты с долгами. Если Назирхату удастся проделать задуманный трюк, опустошив кубышку, это будет попахивать отлично выполненной кражей сфинкса...

— Неужели? — охнула Шелла, зажмурившись и попытавшись сосчитать, какая же сумма окажется в кармане предприимчивого уль-Вади. «Сфинкс» равен тысяче талантов, в таланте, громадном золотом слитке с клеймом офирского королевского казначейства, насчитывается сто полновесных золотых денариев, за один денарий по нынешним временам менялы дают два туранских империала...

Безнадежно запутавшись и ослепнув от сияния золота, Шелла предположила:

— Тогда месьор Назирхат может смело удаляться из нашего городка. Скажем, в Аграпур, ко двору владыки Илдиза. Или на Полуденное Побережье. Или в тот же Офир.

— А вокруг оставшегося пустым теплого места немедля вспыхнет грызня,— блеснул умением делать выводы Малыш.

— Отголоски которой прокатятся по всему Шадизару,— девушка наподдала валявшийся на дороге камешек.— Как-то мне не верится, что милейшему уль-Вади позволят запросто покинуть родные края. Нас всех ждут плохие дни, помяните мое слово...

— Вот что я вам скажу, мальчики и девочки,— Аластор озабоченно поскреб горбатую переносицу.— Три дня назад в «Нору» приходил Кодо, интересовался, не занят ли я чем-нибудь на ближайшую седмицу. Надо полагать, хотел пригласить меня к общему веселью возле казны. Я не собираюсь отказываться. Ши, мы с тобой непременно придем. Поглядим, чья сторона возвьмет верх.

— И как, скажи на милость, я смогу пойти в таком виде? — Шелла выразительно провела ладонями по бедрам, одергивая потрепанную тунику.

— Это другой вопрос,— троица поднималась по рассохшимся ступенькам Старой Лестницы.— Похоже, мы имеем дело с очень сильным и редким колдовством. Кто-то здорово тебя невзлюбил. Нужно просто догадаться, кто именно — и за что.

— Но я никому ничего не сделала! — искренне возопила девушка.— Говорю же — вечером заснул у Элаты, все было в порядке, утром проснулся — вот...

— Бедная Элата,— посочувствовал Аластор.— Она, как я понял, вообще забыла, что знакома с типом по имени Ши Шелам?

— Но ты-то меня узнал! — напомнила Шелла.

— Я — другое дело,— покачал головой взломщик.— В этом облике тебя могла бы признать Феруза... больше никто. Честно говоря, я представления не имею, как превратить тебя обратно.

— Обрадовал,— буркнула девушка.

Сломанные три дня назад ворота «Уютной норы» так и стояли прислоненными к забору. На месте разрушенного фонтана Лорна надумала соорудить колодец, но приглашенные мастеровые пока возвели только основу для сруба, выкопали яму глубиной в пять-шесть локтей, вытоптали мирно росший бурьян и учинили во дворе изрядный разгром.

В трактире царили обычные для самого жаркого времени дня тишина и безлюдье. Возле никогда не разжигаемого камина сидела, странно опустив голову и сцепив перед собой руки, Лорна.

Рядом стояла Феруза, которая, завидев входящих в таверну посетителей, сначала крикнула: «Закрыто!», потом, приглядевшись и узнав своих, заспешила к ним навстречу.

— Что-то стряслось,— ни к кому не обращаясь, тихо произнес Малыш.

Спустя миг Феруза схватила его и Аластора за руки, оттащила к стойке и торопливо проговорила:

— Альс, у нас беда... Что за девочку вы привели? Если погадать, то мне некогда. Пусть зайдет вечером.

— Это не девочка, это Ши,— невозмутимо поправил Аластор. Феруза изумленно вытаращилась на Шеллу.— Что у вас произошло?

— Лорна говорит — сегодня утром пропал Джай, а Райгарх сошел с ума,— слегка запнувшись, доложила туранка. Аластор присвистнул, Шелла, вспомнив свои догадки, внутренне похолодела, Конан промолчал и, верный своей натуре, направился к Лорне — выяснить подробности у очевидца и свидетеля.

Глава шестая

Кошки-мышки в темноте

ретий день кряду Хисс и Кэрли рыскали по городу в поисках книги в черном кожаном перелете. Заброшенные сети не принесли никакого улова, тщательные расспросы не дали ни единой зацепки. Дотошно описанного Леуком тома словно не существовало в природе. Или в Шадизаре, что равнозначно. Если вещь нельзя добыть, купить или украдь в Городе Воров — ее просто нет на свете.

Двое охотников за пергаментным сокровищем сидели в «Цветке папируса» и вдумчиво соображали. Казалось бы, не такое сложное дело — разыскать книгу. Книгу, а не арагоценность, не артефакт былых времен и не сундучок, доверху набитый желтыми опалами! Собрания, находящиеся в частных руках, можно пересчитать по пальцам. Хисс и Кэрли потратили день, с рассвета до заката, поочередно навещая каждое из них.

Шептались с библиотекарями и знакомыми из числа слуг, расплачивались за ответы старинными офирскими двуденариями, но повсюду слышали малоутешительные новости: в течение последних трех-четырех лун никто не видел и не приобретал массивного фолианта в черной обложке с бронзовыми застежками.

— Ладно,— бодро заявил Хисс, когда стало очевидно, что поиски в личных библиотеках потерпели крушение.— Теперь возьмемся за Ишлаз.

Компаньонам приплюсилось разделиться, дабы старательно обшарить лавки Пергаментной Аллеи, переговорить с торговцами и посредниками, а также по возможности заглянуть в скучные городские книгохранилища и архивы. Они вдоволь нанюхались едкой пыли и начихались, повидали по меньшей мере три десятка книг, подходивших на роль искомой, потратили на взятки и подношения треть аванса, но ничего не достигли. Книга как сквозь землю провалилась.

— Есть две идеи,— сообщила Кэрли, уныло оципывая виноградную гроздь.— Первая: Леук ошибся. Книгу давно увезли на другой конец света. Вторая: мы ищем не там, где нужно. Я хочу сказать, роемся в местах, где заведомо положено быть книгам...

— Сокровища прячут под алтарем, драконы живут в пещерах, за похищенной девственницей отправляйся к колдуну, менестреля ищи в кабаке,— с невеселым смешком перечислил Хисс.— Я понял. Допустим, Книга осталась в городе. Куда

ее могли дать? Мы побывали почти у всех, кто интересуется рукописями и скупает их. Даже если нам соврали и фолиант благополучно припрятан у кого-то из книгоев, его завистники обязательно бы насплетничали. В надежде, что мы раздобудем эту редкость и перепродадим. В мире любителей пергаментной мудрости законы, как в нордхеймскому лесу — каждый желает за- получить больше добычи, чем изловил сосед.

— Отчего любители книг рано или поздно слегка трогаются умом? — словно невзначай вопросила девушка. — Хочешь винограду?

— Хочу. Слушай и не перебивай. Сие — отрывок из старинного трактата, — Хисс поднял палец и с наисерьезнейшим видом начал цитировать: — «Когда находишься среди людей, творящих книги, читающих и хранящих книги, живущих книгами, среди книг и ради книг, приходится иной раз видеть, как книга перерастает самое себя. Постигая то, чему нужно отыскаться в книге, ищи следы искомого текста в проявлениях деятельности этих людей...»

— Господин, пожалейте мою бедную голову! — искренне взмолилась Кэрли. — Я простая, темная, неученая шемская девчонка, умею лишь торговать рыбой да сидеть за прялкой!

— Куда бы нам еще сунуться, неразумное дитя? — Хисс вытащил короткий нож с поперечной рукоятью и принял вертеть его между пальцами. Он утверждал, будто созерцание быстро мелькающего лезвия помогает сосредоточиться. Кэрли выбросила ободранную виноград-

ную веточку и принялась за следующую. — Или бросить к демонам всю затею, как думаешь?

— Репутация, — грустно вздохнула верная напарница. — И выручку упускать жалко... Слушай! — она вдруг широко распахнула карие глазища и приподнялась на скамье. — Если попробовать наведаться к магикам? Они ведь тоже собирают книги, так?

— Хм, — Хисс загнал кинжал в стол. — Волшебники... Ты молодец. Это мне как-то в голову не приходило. Вдобавок мы забыли о городских святынях. У митрианцев есть кой-какие запасы пергаментов, у храма Иштар на Пыльном холме... Тамошние настоятели вполне могли приобрести редкую книгу, особенно если в ней повествуется о жизни их святых... Что с колдовским племенем?

— Грызутся, ровно тарантулы в яме, — скривилась Кэрли. — Нынче верховодит Аммерати из Шема, прирожденный мошенник и интриган. Половина его артефактов, якобы уцелевших со времен Валузии, состряпана нашими умелыми ручками. Другую половину он по дешевке скупил на Ишлазе. Библиотека, по слухам, у него имеется, только маленькая — томов десять-пятнадцать. Достойный Аммерати больше напирает на хрустальные шары, прорицающие черепа и заклятые талисманы. Второй по значимости — Ханнам Туранец. Поискать, так в городе найдется с десяток ему подобных. Жулики через одного. Знаешь, мысль порыскать в их закромах вроде неплоха, только...

— Только ты им ничуть не вёришь и думаешь, что они не станут покупать действительно серьезную книгу,— догадался Хисс. Помолчал, что-то обдумывая, и небрежно осведомился: — Как насчет Рилеранса?

Кэрли чуть заметно вздрогнула:

— Туда без крайней нужды никто не приходит. Он... Болтают, он — настоящий. Подлинный колдун, из Хоршемишской Гильдии.

— И достоверно известно, что у него имеется обширная коллекция книг,— вкрадчиво заметил ее приятель.

— Да, но... — заикнулась девушка.

— У тебя есть кто-нибудь среди его прислуги или домочадцев? — перебил Хисс.

— Спроси лучше, где у меня нет верных людей,— с гордостью заявила Кэрли, но тут же сникла, признавшись: — Я не из тех, кто гордится своими врагами. И меньше всего хотелось, чтобы меня или тебя невзлюбил Рилеранс.

— Мы только разузнаем, не попадала ли к нему наша Книга,— заверил напарницу молодой человек.— Пара вежливых вопросов, пара ответов, ничего сверх того. Согласись, это не преступление.

Обитель чародея, расположенная в Ламламе, квартале зажиточного купечества, напоминала одновременно маленькую крепость со множеством башенок и загородную усадьбу с висячим

садом. Дела месьора Рилеранса, надо полагать, шли очень даже бойко, ибо содержание такого обширного хозяйства вылетало в кругленькую сумму. Компаньоны, изучавшие окрестности, прикидываясь не то праздношатающимися зеваками, не то разбогатевшей парочкой, приглядывавшей жилье, убедились в этом собственными глазами. С полудня до третьего дневного колокола у входа в дом не иссякала незаметная, но оживленная череда посетителей.

Сначала пожаловала в закрытом паланкине закутанная в черную вуаль ужасно таинственная дама, безошибочно опознанная Хиссом и Кэрли как дорогая куртизанка Меддия. За ней прибыла троица чрезвычайно обеспокоенных молодых людей благородного вида, следом появился туранский купец, его сменила престарелая матрона с шумливой свитой и голосистой собачонкой... Надолго никто не задерживался. Уходившие просители выглядели крайне озадаченными и ничуть не успокоенными.

Налюбовавшись на усадьбу, друзья удалились под гостеприимный кров ближайшей таверны. Кэрли отловила мальчишку-прислужника, всучила ему приобретенный тут же кувшин дорогой «Мечты Пуантена» и отправила прогуляться к дому мага — передать наилучшие пожелания некоему господину Шевди от любящей племянницы.

— Будем ждать,— объявила девушка, когда малолетний гонец убежал, выклянчив задаток в три медных кафара.— Впечатления?

— С размахом живут мерзкие колдуны, — за-
вистливо высказался Хисс. — Я приметил по край-
ней мере четырех обвшенных различными же-
лезяками караульных в дворе, на воротах и у
входа, и двух скучающих на цепях кофийских
бойцовых псов. Неудивительно, что никто из
Ночного Братства не решился сунуться сюда...
Твой дружок Шевди — он кто?

— Младший помощник домоправителя, — Кэр-
ли бросила взгляд в распахнутую настежь дверь
таверны и поправила чуть растрепавшуюся при-
ческу. — Вечно жалуется на бедность, но надуть
меня или забраться под юбку пока не пытался.
Вон он идет.

Шевди оказался местным уроженцем, то есть
заморицем лет тридцати, склонным к прежде-
временному облысению и честнейшими, как и
подобает доверенному лицу управляющего, глаз-
ками темно-серого цвета.

— Моя маленькая Линна! — радостно востру-
бил он, завидев сидевшую в углу девушку. Доб-
равшись до стола и поняв, что Кэрли пришла не
одна, укоризненно покачала головой: — Ай-ай,
крошка, нельзя же менять друзей каждые три
дня! Куда подевался тот милый молодой челов-
ек, который приходил с тобой в прошлый раз?

— Счел, что мои скромные расходы слишком
велики для его доходов, — безмятежно отозва-
лась Кэрли, а Хисс вопросительно поднял бровь.

— Как поживаем, дражайший дядюшка?

— Не так хорошо, как хотелось бы, — Шевди
состроил донельзя скорбную физиономию. — Пло-

зволь узнать, дитя мое, какие заботы привели
тебя в эти края?

— Внезапно пробудившаяся тяга к знаниям, —
и Кэрли быстрым полушепотом изложила «дядюшке»
краткую историю поисков загадочной
рукописи в переплете из черной кожи. Помощ-
ник домоправителя внимательно, почти не пере-
спрашивая, выслушал и обескуражено развел
руками:

— Вряд ли я могу тебе чем-то помочь, Линна.
В книгах я вообще не разбираюсь. Знаю, что за
прошлую луну хозяин раскошелился на парочку
каких-то рукописей, смахивающих на вашу —
здоровенных, в темных обложках, но...

На выскобленных досках стола мелькнул и
пропал украшенный завитками туранской вязи
полуимпериал, стремительно поменявший вла-
дельца.

— Да, пожалуй, он привозил из города две
или три похожих книги, — бодро подтвердил
Шевди. — Только вот в чем беда — месьор Рилем-
ранс носится со своей драгоценной библиотекой,
ровно скупец с наполненной кубышкой.

— У него состоит человек на должности хра-
нителя рукописей? — уточнил Хисс.

— Не-а. Есть парочка учеников, которым до-
веряют сметать пыль с полок. Тонких намеков
они по молодости лет не понимают, и легких де-
нег тоже не берут. Дорожат, извольте видеть, до-
брьм мнением наставника. И вдобавок...

Он многозначительно замолчал. Блеснула и
скрылась вторая монета.

— Книги хранятся в башне под зеленою черепицей, что торчит во внутреннем дворе. Попасть туда можно через специальную галерею. Она начинается в доме, рядом с покоями хозяина,— Шевди словно и не прерывал рассказа.— Только не рассчитывайте, что вас запросто пригласят в гости и разрешат полюбоваться на пергаментные сокровища его всемогущества Рилеранса...

— А если без приглашения? — шелковым голоском проворковала Кэрли.

Шевди ответил уклончиво:

— Ежели хватит нахальства и сообразительности, то и приглашения не понадобится...

Из дальнейших опасливо-вдумчивых расспросов выяснилось, что по ночам дом и прилегающий сад тщательно охраняются. Однако младшему помощнику управляющему известна пярочка лазеек, где ловкий человек может проскочить незамеченным. Дальше у незваного пришельца начнутся заботы посерьезнее: окна в башне с книгами слишком малы и забраны решетками. Значит, нужно пробираться через дом, рискуя попасться на глаза чрезмерно бдительным слугам или потревожить наложенные господином магом охранные заклятья, открывать дверь галереи, проникать в библиотеку, а там — как повезет...

— Положим, рассказни насчет ужасных заклинаний на дверях внутри дома — это болтовня для легковерных,— посмеиваясь, открыл тайну Шевди.— Но библиотека... Рилеранс переживет, коли воришки уволокут его любимый чер-

нильный прибор, который, замечу, отлит из высокопробного золота, но взбесится, обнаружив пропажу хоть одного листка пергамента. Потому хранилище мудрости просто начинено ловушками и секретами. Моя милая девочка, признайся честно — ты со своими приятелем или друзьями сможешь обойтись без шума?

— Да,— решительно заявила Кэрли. Хисс ограничился коротким согласным кивком.

— Семьдесят полновесных туранских империалов сейчас,— чуть дрогнувшим голосом называл цену Шевди.— Третья доля с продажи.

— И что взамен, дядюшка? — ехидно поинтересовалась девушка.

— Как пробраться в сад. Как незаметно пройти сквозь дом. Открытая дверь в башню и во время отвлекшиеся сторожа.

— Немного,— задумчиво протянул Хисс, мысленно подсчитывая остаток полученного от Аеука задатка и их собственные с Кэрли денежные запасы. Выходило маловато — около сотни на круг. А еще необходимо срочно купить или взять в долг кое-какие полезные приспособления... Почему-то Хисс внезапно уверился — разыскиваемая книга таится именно здесь, в собрании кофийского волшебника.— Тридцать,— тоном, не принимающим возражений, сказал он.

Шевди изобразил праведное возмущение:

— Линна, что себе позволяет... э-э... этот самоуверенный юнец? Неужели ты позволишь, чтобы твоего любящего дядюшку грабили средь бела дня? Шестьдесят, ни кафаром меньше!

— Сорок,— предложила Кэрли, наверняка повторив в голове расчеты напарника и прия к схожим выводам.

— Пятьдесят пять. Или я вас знать не знаю, выкручивайтесь сами!

— Сорок пять,— слегка уступил Хисс.

— Пятьдесят,— упрямо возразил Шевди.

— Дядюшка, не жадничайте,— вмешалась Кэрли.— Сорок пять.

— Это еще надо посмотреть, кто жадничает... Пятьдесят, я сказал, молодые люди. У вас со слухом плохо?

— Сорок восемь. Мы ведь вполне можем обойтись и без вашей помощи, почтеннейший, имейте в виду...

— Вот тогда я полюбуюсь, как господин Рилеранс будет вас поджаривать на медленном огне!.. Ладно, уговорили. Сорок восемь.

Расплата с осведомителем съела последнюю наличность компаний. Когда довольный про-вернутой сделкой Шевди ушел, расправившись с «племянницей» и ее дружком до наступления ночи, Кэрли невесело хмыкнула:

— Между прочим, мы ведь не домашники. И второе: что, если мы с огромными трудами про-никнем в библиотеку, а нужной книги там и нет?

— Прихватим десяток других да продадим для успокоения души и за ради возмещения совершивших трат,— удивился вопросу Хисс.— Домашники, не домашники — какая разница? Главное — внимательно смотреть по сторонам,

не спотыкаться и не громыхать уроненными стульями среди ночи.

— Думаю, если бы мы пригласили Ши, Джая или Аластора, они бы не отказались и не потребовали половинного дележа,— отважилась заикнуться Кэрли. Напарник пренебрежительно отмахнулся:

— Сами управимся. Проще, чем отнять леденец у младенца.

Выходя из таверны, они, не сговариваясь, вернулись к дому Рилеранса и обомли его по кругу, выискивая нужную башню. Сложенная из желтоватых гранитных блоков и имевшая в разрезе форму пятиугольника, она стояла почти впритык с одним из жилых зданий, поднимая над деревьями и крышами свою изжелта-зеленую макушку на высоту двадцати или тридцати локтей. Башня не казалась высокой или неприступной, скорее, дремлющей, приплюснутой и слегка покосившейся на один бок. Под самой черепицей виднелись узкие щелки окон и прилепившиеся над ними гнезда ласточек.

* * *

Младший помощник домоправителя Шевди честно отработал полученную мэду. Двое новоиспеченных грабителей (тщательно перенимавших у более опытных друзей основные приемы сложного воровского ремесла и использовавших сегодня весь свой небольшой опыт этого промысла) благополучно одолели внешнюю стену, минова-

ли сад, добрались до черного хода и, повозившись, сумели без особенного шума справиться с засовами.

Через дверь они крались на цыпочках, замирая от каждого шороха, поскрипывания половиц или мягкого топотка лап охотящейся на мышей кошки. Кэрли беспринципно развеселилась. Она даже задумываться не хотела над тем, что их авантюра может закончиться весьма плачевно. Ночной грабеж оборачивался захватывающим приключением, и пока все развивалось на редкость благополучно.

Дверь в башню, хранившую драгоценное собрание книг мага, стояла, как и было уговорено, слегка приоткрытой. Кое-какие признаки позволяли догадаться, что при двери должна неотлучно находиться стража, однако караульные воющие отсутствовали. Должно быть, Шевди сумел выманить их в другую часть дома.

Хисс и Кэрли протиснулись в узкую щель между косяком и тяжелой, обитой полосами железа и бронзы створкой, миновали короткую галерею, открыли еще одну дверь — незапертую, беспрепятственно вошли внутрь и зачарованно огляделись.

Изнутри башня делилась на три этажа, разбитые на маленькие комнатки и соединенные между собой натыканными в произвольном порядке лестницами — где деревянными, где отлитыми из железа, где каменными, лепившимися к стенам. Притущенный свет потайных фонарей выхватывал из темноты, пропитанной запахом сле-

жавшейся пыли и гниющей потихоньку пергамента, неясные очертания низких арок и грузных шкафов, набитых разномастными рукописями: толстыми и тонкими, в переплетах и в шкатулках, в медных и деревянных тубусах, и разрозненные, лохматящиеся по краям листы.

Девушка, вдохнув застоявшийся воздух библиотеки, закашлялась и торопливо прикрыла рот рукой.

— Сколько ж тут всего! — со смесью восхищения и трепета прошептала она. — Нам понадобится лет десять, не меньше, чтобы перекопать эту груду исписанных телячьих шкурок!

— К сожалению, у нас есть только одна ночь, — Хисс повел лучом прикрытой войлоком и потихоньку нагревавшейся масляной лампы вдоль нависавшей у них над головами лестницы. — Да и книг, говоря по правде, не очень много, от силы тысячи две. Поднимемся наверх и начнем оттуда, заглядывая в каждый шкаф. Всякие папиросы, карты и книги малого размера нас не интересуют. Ищем только большой фолиант в черной коже. Бери любой, какой отыщешь, потом выясним, тот или нет. Ясно?

— А вдруг понадется что-нибудь в дорогом переплете? — язвительно спросила Кэрли, ослабляя завязки низко натянутого капюшона. Парочка снарядилась в ночной поход согласно давним традициям Города Воров — не стесняющая движений одежда темных тонов (девушка, подчиняясь вынужденной необходимости, крайне нехотя натянула узкие туранские шаровары и заплела

обычно распущенные волосы в тугую косу), веревки с крючьями, короткие ножи, мешки на поясах, содержащие кое-какие неприятные сюрпризы.

— Попадется — так хватай, — огрызнулся Хисс. — Идем.

Деревянная лестница, источенная жучками, угрожающе покачивалась и еле слышно поскрипывала при каждом шаге. Самодеятельные грабители испытали легкое облегчение, выяснив, что третий этаж башни владелец отвел под свои магические изыскания. Одну из стен целиком занимала огромная кирпичная печь с несколькими устьями, сейчас закрытыми железными дверцами. Также имелись многочисленные полки, уставленные дутыми колбами, флаконами, склянками, коробками и бутылями, колыхались пучки засушенных растений, а в углу громоздилась внушительных размеров клетка. Внутри, почуяв незваных гостей, законошились и завозились какие-то живые существа. Хисс посветил через решетку и доложил:

— Семейка крыс.

Кэрли, недолюбливавшая грызунов, отшатнулась и скривилась.

...Издалека приплыл неспешный, надгреснутый раскат колокола на единственных городских курантах — сперва один, потом второй. Самое сердце ночи. Книжные воры бродили среди шкафов, торопливо и по возможности тщательно изучая содержимое полок. Кое-что уже перекочевало в просторные холщовые мешки. Кэрли,

например, обнаружила аж целых четыре здоровенных книги в переплетах старой черной кожи, перехваченных бронзовыми застежками. Заодно прихватила сочинение, щеголявшее обложкой из золотых крученых нитей и россыпью граненых синих камешков.

Грабеж, ей, в сущности, пришелся по душе. Она недоумевала — отчего Джай или Ши всегда с жаром повествуют об испытанных трудностях? Всего-то хлопот — провести лучом вдоль разномастного книжного строя, выискивая, не блеснет ли заманчивый узор из самоцветов или тусклая позеленевшая бронза. Поначалу было страшновато — из-за темноты и еле слышных поскрипываний-шелестений вокруг, но, если привыкнуть, таинственные звуки дремлющей библиотеки переставали пугать. Может, это просто книги шептались между собой, обсуждая незваных пришельцев или делясь воспоминаниями о прошлом. Главное — не пропустить нужный фолиант.

Кэрли добралась до конца тесного прохода между шкафами, поставила лампу на пол, вытерла начавшие потихоньку слезиться глаза. Отыскала второй блуждающий огонек — Хисс метоично рыскал слева от нее.

Следующее хранилище книг оказалось запертым. Кэрли как-то не сразу сообразила, отчего шкаф кажется таким темным, но перемещающееся световое пятно загуляло по сероватым от старости и перетянутым для надежности латунными полосами дверцам, запертым на хитрые

врезные замочки. Девушка потянула за качающуюся ручку-кольцо — дверцы не шелохнулись.

«Раз заперто — значит, внутри что-нибудь ценное или важное, — предположила она. — Как бы открыть? Взломать? Нашумим...»

Решив посоветоваться с компаньоном, она сделала шагок в сторону. Нога в мягкком замшевом сапожке угодила в крохотную выемку между половицами, раздался тихий хруст и скрежет. Кэрли едва не выронила фонарь, увидев, как на крепко запертые створки качнулись и медленно разъехались в стороны, словно отодвигаемые оконные шторы.

— Хисс! — свистящим шепотом окликнула она. — Хисс, быстро сюда!

Напарник не замедлил примчаться на зов. Оглядел шкаф (Кэрли убрала ногу с управляющей механизмом погайной пружины и дверцы опять сомкнулись). Дотронулся до бронзовой ручки, убедившись, что створки надежно заперты. Вопросительно уставился на состроившую загадочное лицо приятельнице. Кэрли приложила палец к губам и горделиво продемонстрировала, каким образом разгадала секрет.

— Не давай ему закрыться, — Хисс поднял фонарь повыше, направляя тонкий луч в недра шкафа.

— Что там спрятано? — Кэрли вытянула шею и заглянула через плечо Хисса. Четыре широкие полки, занятые высокими стопками прошитых через край пергаментных листов — записи или дневники. Отдельно покоится внушительных раз-

меров фолиант, бережно закутанный в отрез пыльного красного бархата. От волнения девушка переступила на месте, перестав давить на рычаг. Створки, разумеется, немедля с тихим шорохом захлопнулись, заставив Хисса отпрянуть. — Я не нарочно!

— Пусти, сам подержу, — молодой человек отодвинул подружку в сторону и со всей силы наступил на выемку в полу. Шкаф послушно распахнулся. На всякий случай Хисс придержал разошедшиеся створки руками. — Вынимай книгу!

— Ту, которая в красной тряпке? — уточнила Кэрли, не решаясь проникнуть внутрь пыльных и темных недр книгохранилища. Отчего-то шкаф показался ей похожим на распахнувшее пасть чудовище, подживающее глупого, самоуверенного охотника.

— Само собой! — недовольно прошипел Хисс. — Да шевелись же! Надеюсь, ты не собираешься возиться до утра?

Девушка старательно напомнила себе, что перед ней обычный шкаф, сколоченный из дубовых плашек, и боязливо потянулась за добычей.

В следующий миг одновременно произошло три вещи:

Обострившимся нюхом или шестым чувством Кэрли уловила, что зацепила нечто легкое, несязаемое, вроде тончайшей паутины, и потревожила настороженную ловушку. Она рывком отдернула кисть, издав слабый сдавленный звук, и понимая, что не успевает.

Краем уха Хисс различил почти беззвучный щелчок. Даже не успев толком понять, что делает, отпустил створки, выхватил из соседнего шкафа увесистый том и сунул его поверх вытянутой руки Кэрли.

Спрятанные в полках и стенах шкафа железные полосы, утыканые острыми штырями, с размаху воткнулись в подставленный фолиант, частично проткнули его и напряженно замерли, побуждаемые силой тяжести двигаться дальше, но не в состоянии быстро одолеть толстый пергамент.

Дремавшая в лаборатории на третьем этаже башни клепсида уронила очередную звонкую каплю. Оцепеневшее время резво понеслось дальше. Кэрли проглотила не родившийся визг, дико глянула на стальные зубцы и трясущимися руками поспешно выволокла наружу загадочный том. Челюсти капкана наконец справились с преградой и с тошнотворным стуком захлопнулись, пронзив мешавшую им книгу и частично скомкав ее.

Хисс схватил девушку за плечи и силой отволок подальше от коварного шкафа, закрывшегося и ничем не отличимого от своих собратьев.

— У-уг! — неразборчиво выдохнула Кэрли, крепко прижимая к себе обретенное сокровище. — Ы-ымп! Кх-х!.. К-как я напугалась!.. Оно мне чуть руку не оттяпало!

— «Чуть» не считается, — Хисс мягко, но настойчиво извлек фолиант из судорожно сжатых рук напарницы, развернул красный лоскут и

удовлетворенно кивнула. На обложку книги пошла плотная черная кожа, от давности покрывающаяся темно-зелеными пятнами и чуток рас трескавшаяся. Края украшали бронзовые накладки с изображением скрещенных топориков и мечей на фоне ромбических щитов-дуаратов. Обрез еще хранил следы былой позолоты.

— Это она? — с любопытством спросила Кэрли, нереведя дыхание. — С виду так очень похожа.

— Сейчас узнаем, — Хисс не без натуги откинула верхнюю массивную застежку книги, отлитую в форме приготовившегося к прыжку леопарда, и собираясь повторить это действие со вторым зажимом, но замер, не донеся руки. Медленно повернула голову влево-вправо. — Ты ничего не слышишь?

— Нет... — начала Кэрли и прикусила язык. Она не услышала никаких подозрительных звуков, зато увидела — перемещающийся, иеясный оранжевый от свет, смутно мерцающий в пропах лестничных спусков. Внизу кто-то ходил, причем этому «кому-то» не требовалось скрываться. Либо у хозяина случился приступ бессонницы и он решил заглянуть в башню за любимой книгой, либо приложила охрана, в чью обязанность входит регулярно обходить дом. Шевди не заикался о такой традиции, но мало ли что могло произойти...

В любом случае грабителям надо исчезнуть.

Хисс сунул добытую с такими трудностями, но так и не раскрытую книгу девушке, отобрал

у нее лампу и, наклонив набок, залил крохотный фитилек маслом. Он поступил также и со своим фонарем, схватил похолодевшую Кэрли за руку и торопливо поволок за собой — в глубины библиотеки, в путаницу переходов и рассыпающихся книжных пирамид, в полумрак и шелест ехидно перешептывающихся страниц, тысячами глаз наблюдавшими за метаниями людей.

* * *

Сначала в библиотеку вошли трое — видимо, почуявшие неладное охраники. Вскоре к ним присоединилось еще пятеро стражей, и Хисс всерьез заподозрил, что выпотрошенный ими шкаф с ловушкой имел связь с покоями владельца дома, оповещая, когда кто-нибудь пытался без разрешения заглянуть внутрь.

Караульные обшаривали первый этаж башни, негромко переговариваясь и светя факелами по углам. Притаившиеся воришки сидели в закутке, образованном огромным шкафом и выступом придинутого к стене сундука. У Кэрли мелко и тихо постукивали зубы. Она больше не считала кражу простым и увлекательным занятием. Ей хотелось верить, что напарник придумает какой-нибудь способ вызволить их отсюда.

— Вроде никого, — донесся разочарованный голос какого-то из охранников. — Может, крысы склоняют?

— У крыс не хватит ни ума, ни силенок, чтобы открывать двери и таскать книги из шкафов,

дубина, — приглушенно откликнулся начальственный бас. — Кто-то забрался в башню, пока вы, высунув языки, бегали Нергал знает где!

— Но, господин Цефат, у выхода в сад шумели, — упрямо возразил другой голос. — Мы должны были пойти и...

— Пока вы ходили да проверяли, — отрезал неведомый и пока невидимый Цефат, — в библиотеку наползла уйма хитрых гаденышей, — он заговорил громче, вроде бы обращаясь к подчиненным, но здраво предполагая, что будет услышан и грабителями. — Скажите спасибо, о столопы, что хозяин пока не знает, что среди его книг шарятся чужаки. Молитесь, чтобы он не узнал раньше, чем мы издовим мерзавцев и притащим ему. Иначе... — не договорив, старший охранник принялася деловито распоряжаться: — Ты, ты и вот ты! Встаёте около дверей. Можете ложиться костыми, но отсюда никто не выходит и ничего не выносит. Ты — ноги в руки и марш за остальными бездельниками! Вы трое — за мной!

Лестница пронзительно заскрипела, выгибаясь под четырьмя поднимающимися на второй этаж стражами. Кэрли еле слышно заскулила, пытаясь вжаться в стену. Хисс быстро заглянул в просвет между шкафами и сердито тряхнул напарницу за плечо.

— Соберись! Нам придется сыграть с ними в прятки. Трое караулят дверь, один побежал за подмогой, четверо намерены обыскать этаж. Мы их проведем, нужно только действовать быстрее. Держись рядом, — с этими словами молодой че-

ловек довольно ревво пополз на четвереньках вдоль ряда шкафов. Кэрли раздраженно запихала тяжелую и угловатую книгу в мешок, затянула ремешки, перекинула ремень сумки через плечо и неловко двинулась следом, цепляясь своей ношей за края полок.

Они доковыляли до конца прохода. Как оказалось, вовремя — мимо их покинутого убежища прошел охранник, державший ярко горящий фонарь со слюдяными окошками и ревностно озирающийся по сторонам.

— Этот будет первым, — решил Хисс. — Сиди и не двигайся!

Не давая подружке возможности возразить, он прескокойно своротил с полки десяток книг, обрушившихся с шелестом падающих листьев, и юркнул за шкаф. Стражник обрадованно гикнул, зовя приятелей, и бросился на подозрительный звук.

Кэрли даже успела разглядеть торжествующую ухмылку на его физиономии, когда он заметил прижавшуюся к полкам фигуру в черном.

— Попался!.. — рявкнул караульный, еще не догадываясь, что попался-то как раз он. Из тени за его спиной с тихим свистом вылетела плотно набитая мокрым песком тряпочная колбаска, прицельно тюкнув слишком рьяного блюстителя по затылку. Он нырнул вперед, Хисс и Кэрли еле успели подхватить падающее тело и по возможности тихо опустить на пол.

— Тяжеленький, — пробормотал Хисс. — Теперь — быстро вперед!

Пригибаясь и хоронясь за полками, воришки перебрались в соседнюю комнатушку. Спрятались, отышались, прислушались.

— Господин Цефат! — нерешительно звал кто-то, бродя между высокими шкафами и тихо поругиваясь всякий раз, когда спотыкался о неровности пола. — Господин Цефат! Нейриз! Мата-ки! Господин Цефат, кажется, я заблудился! Мата-ки, псина шелудивая, где ты?

— Я тут! — ответный возглас долетел непонятно откуда, сопроводившись надсадным чиханием и кашлем. — Дараб, куда идти? Я ничего не вижу!

— Перестаньте галдеть! — голос Цефата раздался совсем рядом с вздрогнувшими от неожиданности Хиссом и Кэрли. Старшина охранников пребывал где-то поблизости, едва ли не в соседней комнате. Такое соседство грозило плачевным окончанием всей авантюры. — Ваши вопли раслышил даже глухой! Идите сюда!

— Пробирайся к лестнице, я попытаюсь их отвлечь — Хисс с силой толкнул оцепеневшую Кэрли под ребра. — Залезь в какую-нибудь нору поблизости и жди меня. И ради всех богов, не попадись на глаза тем, кто сторожит дверь. Попшла!

— Но как же мы выйдем отсюда?.. — жалобно заикнулась Кэрли, получила второй тычок, от которого охнула, и беспрекословно двинулась вдоль стены к лестничному проему.

Хисс проводил ее быстрым взглядом и вернулся к более насущному делу. Он собирался

развернуть маленькую победоносную войну, которой предстояло завершиться полнейшим поражением обманутого и как следует одураченного противника.

Для начала требовалось определить, кто где находится. Распоряжающийся и, к сожалению, наделенный некоторой толикой мозгов Цефат обосновался в комнате по левую руку, один стражник выведен из игры, двое рыщут среди шкафов, пытаясь одновременно отыскать сослуживцев и вспугнуть воришек. А выход из башни, к сожалению, только один.

Что ж, следующей жертвой предстоит стать чрезмерно деловитому и самоуверенному господину Цефату.

Молодой человек сунул руку в мешок на поясе, на ощупь перебрал хранящиеся в нем предметы и достал нечто вроде сложенного во много раз черного лоскута ткани. Аккуратно развернул. Передвигаясь на корточках, подкрался к арке и быстро выглянул, тут же убрав голову.

Цефат оказался долговязым, выбритым наголо туранцем с желчной и злорадной физиономией. По крайней мере, такой она выглядела в колеблющемся свете стоящего на крышке сундука фонаря. Стражник нетерпеливо притоптывал ногой и время от времени посвистывал, обозначая свое присутствие для остальных. Судя по приближающемуся звуку шагов, его подчиненные достаточно успешно прокладывали путь через книжный лабиринт. Хисс постарался запомнить

характерные интонации посвиста месьора Цефата — это могло пригодиться. Положил черную тряпку на пол, тщательно вытер ладони о штаны, и пару раз глубоко и медленно вдохнул-выдохнул, чтобы успокоиться. Нельзя упустить такую замечательную возможность внезапно напасть и бесследно исчезнуть. И, само собой, Цефат не должен его схватить — Хисс никогда не переоценивал своих возможностей в драке. Туранец выше его, тяжелее и нанерняка сильнее. Скрутит, как пить дать, а пока они будут возваться, прибегут остальные. Трое головорезов против одного беззащитного воришка — благодарю покорно!

Остается бить исподтишка. Цефат как раз повернулся к арочному проему спиной, прислушиваясь к голосам своих дружков. Два прыжка — на преодоление разделяющих охотника и добычу расстояния, тряпка превращается в мешок с растянутой горловиной, один прыжок — взобраться на сундук. Туранец все-таки успел обернуться и наискось отмахнуть перед собой свинцовым шариком на цепочке. Уклониться, накрыть лысый череп мешком, резко дернуть завязки...

Цефат выпустил свое оружие, издал пару нечленораздельных звуков, пьяно качнулся, врезавшись в угол шкафа, и на удивление мягко сначала переломился в коленях, а затем вытянулся на деревянном полу. Еще с пяток ударов сердца он слабо дергал ногами и бессмысленно хватался за мешковину растопыренными пальцами, пытаясь стянуть тряпку с головы. Хисс за

это время успел подобрать и сунуть за пазуху цепь с шаром.

Смесь, лежавшая на дне мешка, называлась «Отрыжка демона». Готовится просто: щепотка измельченного туранского желтого лотоса, две горсти красноватого порошка, используемого в кальянах, добавить по вкусу одну истолченную палочку иранистанских благовоний. Действует замечательно — вдохнувший на два-три колокола напрочь перестает интересоваться бурным кипением жизни. Недостаток — потом целый день слезятся глаза и разбирают внезапные приступы чихания.

Убедившись, что Цефат в точности уподобился бесчувственному бревну, Хисс торопливо ухватил его за щиколотки и рывками поволок к заранее присмотренному месту — стенной нише, загороженной сундуком. Затапил, прикрыл кстати подвернувшейся под руку холстиной. Пусть теперь подчиненные ломают головы над тем, куда подевался их командир. Фонарь, как ни жаль, придется оставить. Для создания правдоподобной картины — мол, бдительный господин Цефат где-то что-то услышал или увидел, и отправился выслеживать мерзкого грабителя.

Убедившись, что все в порядке, Хисс, мысленно ухмыляясь, высвистел короткую мелодио-сигнал. Почти сразу долетел обрадованный отклик:

— Господин Цефат, я уже иду!

Второй блюститель где-то запутал. Хисс не стал его дожидаться, боком-боком засеменил

вдоль полок, с трудом различая в сероватой пыльной темноте очертания шкафов и шаря в воздухе левой рукой в поисках препятствий. Благополучно добрался до лестницы, по которой удрала Кэрли (или до другой, очень на нее похожей — в сумраке все равно не разобрать). Снизу не доносилось ни звука, сзади же раздалось ожидаемое:

— Господин Цефат? Цефат, ты где? Дараб? Эй, кто-нибудь!

Последний выкрик прозвучал совсем отчаянно. Похоже, стражники побаивались библиотеки, особенно библиотеки ночью, считая ее едва ли не самым жутким местом в доме.

Воришка на всякий случай посвистел еще, беззвучно хихикнул и скатился вниз по ступеням — бронзовым, а потому ответившим мягким гулом. Остановился, соображая, куда бежать и как справиться с часовыми на входе. Мысль пробираться через забитые шкафами и фолиантами комнатушки на ощупь не прельщала, к тому же стражники, заметившие свет, для начала решат, что это мелькает лампа в руках какого-нибудь из их приятелей. Значит, можно зажечь фонарь.

Главное — успеть покинуть книгохранилище до того, как сюда ворвется орава вызванных на подмогу караульных.

Повозившись с кресалом, Хисс зажег свою лампу, дававшую узкий луч света, поводил световым пятом по потолку и негромко позвал:

— Линна? Выбирайся, это я.

Из-под лестницы вывернулась невысокая тень. Хисс запоздало сообразил, что для Кэрли тень имеет слишком грубоватые очертания и слишком размашистые движения. Не говоря худого слова, неизвестный — предусмотрительно решивший устроить засаду охранник — вполне умело сделал в сторону грабителя выпад длинным, слегка изогнутым у острия кинжалом. Хисс успел отпрыгнуть, но врезался спиной в шкаф. Деревянная машина тяжеловесно покачнулась, с верхней полки, хлопая страницами, слетел пяток книг.

— Он здесь! — громогласно сообщил стражник. — Цефат, Матаки! Он внизу! Я его поймаю!

— Еще нет, — огрызнулся Хисс, замахиваясь на блюстителя лампой, болтавшейся на трех длинных цепочках. Тот отступил и жизнерадостно гоготнул:

— Значит, поймаю! Кончай скакать, все равно бежать некуда! Много успел насобирать, а? Грамотный небось? Вот и будет о чем с хозяином побеседовать. Он страсть как уважает таких молодых да ранних...

Болтовня ничуть не мешала стражнику гонять вора по тесному пределу маленькой комнатки, отжимая его от выходов в угол между шкафами. Хисс хотел потушить лампу, но вовремя понял, что без источника света будет еще хуже. Поэтому он увертывался от быстрых, похожих на движения змеиной головы, кинжалных ударов, швыряя в преследователя подвернувшись под руку рукописями и отчаянно стремил-

ся выбраться к арке. Наверху послышалась шумная возня и громкие голоса — должно быть, отыскали невезучего Цефата.

Обманный рывок влево, выпад справа. Долго так продолжаться не может. Неудобный мешок с добычей (Хисс нашел три больших фолианта в черных переплетах, присовокупив к ним вдобавок парочку редких философских трудов, за которые рассчитывал выручить у знатоков изрядную сумму в золоте, и десяток книг, отделанных золотом либо самоцветами) был по ногам, всячески мешался и цеплялся за полки. Цепочки лампы перепутались, огонек в любой момент угрожал погаснуть.

На втором этаже кто-то рвался к лестнице, грохоча сапогами и выкрикивая неразборчивые угрозы. Ситуация становилась напряженной, а Хиссу никак не приходило в голову ничего подходящего. К тому же от волнения он совершил ошибку и оказался в тупике между двумя огромными шкафами.

Позади довольною собой охранника обозначилось некое быстрое движение. Хисс краем глаза заметил причудливо изогнувшись силуэт, а в следующий миг незаметно подкравшаяся Кэрли с размаху ударила стражника в висок толстой книгой в золотом окладе. Тот коротко охнул, выронил кинжал и свалился.

— Сокрушительная сила знания, — сипло проговорил Хисс. — Ты откуда взялась?

— Бежим! — взвизгнула в ответ девушка. — Вытащи меня отсюда!

* * *

Судя по воплям и противоречивым приказам, на первом этаже башни собирались все, способные вести погоню. К счастью беглецов, охранники потеряли толкового командира, и теперь просто носились между шкафов, надеясь паткнуться на грабителей или выгнать их из укрытия. Хисс и Кэрли метались по комнатам, в полуумраке похожим одна на другую, как две капли воды, в поисках входной двери. Усугубляя общую сумятицу, Кэрли с разбегу налетела на низкий шкафчик и опрокинула его. Падая, шкаф зацепил соседний, и тот угрожающе закачался. С нарастающим зловещим шорохом набирающей скорость лавины застучали по полу падающие книги. Хисс споткнулся о пергаментный завал и едва не потерял равновесие.

— Сюда! — верещала Кэрли. — Быстрее-е!..

Из трех стражников, которым надлежало стеречь дверь, на посту пребывал только один. Прочие, должно быть, старательно ловили злоумышленников, скрывавшихся в библиотеке. Исполнительному служаке повезло — хотя удиравшие воры швартнули его о стену и сбили с ног, но добивать не стали. Слишком торопились.

Вылетев в галерею, соединявшую башню-библиотеку с жилыми покоями, Хисс на мгновение задержался, сбрасывая засов и запирая дверь снаружи. Удирающие беглецы как раз одолели коридор, когда изнутри послышались яростные удары. Кэрли нервно рассмеялась.

Дом встретил их дремлющей тишиной, но это внешнее спокойствие оказалось фальшивым — издалека уже доносился слитый топот бегущих на подмогу охранников.

— Не меньше двух десятков, — искушенным тоном заявил Хисс, заставив напарницу сбиться с шага и испуганно ойкнуть. — Предложения?

— Э-э... — окончательно растерялась Кэрли.

— Ясно, никаких. Стой! — рыжий мошенник вытащил взятый с боем трофей, серый свинцовый птичик на цепочке, раскрутил его и запустил в узкое, высокое окно, украшенное россыпью синих, желтых и алых стекол. Витраж осыпался с оглашительно звонким треском. В глубинах дома послышался тревожный возглас, где-то зашлась истоптым лаем собака. Хисс сгреб наполовину потерявшую способность здраво размышлять Кэрли и буквально вытолкал ее в оскалившись осколками оконный проем. Выбрался сам, схватил девушку за руку и, сломя голову, понесся вдоль стены, рассчитывая проскочить через сад и добраться до ограды. На случай встречи с кофийскими бойцовыми псами, в сумке имелись заранее приготовленные кусочки ткани, пропитанные невероятно жгучим составом, делающим из любого разъяренного пса дрожащую, чихающую и капляющую тварь.

Переполох рос иширился, перетекая из комнаты в комнату, с этажа на этаж. Вспыхивали окна, кто-то, надрываясь, требовал запереть все двери, обыскать сад, усилить стражу у ворот и достать треклятых ворог хоть из-под земли.

Собачий лай приблизился, и Хисс швырнул за землю пригоршню отравленных лоскутков. Вбежал под спасительные деревья, волоча за собой задыхавшуюся Кэрли. Повинуясь непонятному предчувствию, оглянулся на охваченный всеобщей суматохой дом. Взгляд уцепился за видневшиеся в окне второго этажа очертания неподвижной человеческой фигуры. Стрельчатый оконный проем заполнял темно-красный свет горевшего в комнате светильника, и силуэт отчетливо выделялся на мрачном фоне.

«Рилеранс,— внезапно догадался Хисс и пожалелся.— Маг Рилеранс, очень не любящий, когда без спроса заглядывают в его библиотеку. С завтрашнего утра он начнет разыскивать воров и похищенную собственность. Надо поскорее отделаться от книг, а то обретем мы кучу неприятностей вместо заслуженного дохода.»

Стена вынырнула из начинавшего редеть предутреннего сумрака так неожиданно, что беглецы едва не врезались в нее. Хисс подсадил начавшую приходить в себя Кэрли, убедился, что девушка успешно перебралась на другую сторону, подтянулся и заполз сам.

Сидя на гребне каменной ограды, он зачем-то еще раз посмотрел назад, хотя знал: смотреть на место, которое покинул и куда не собираешься возвращаться считается дурной приметой.

Ему показалось, что Рилеранс по-прежнему стоит у окна, глядя в ночь.

Завершение части второй Беседа в Нигде

сли бы кто любопытный и навязчивый решился вскоре после наступления полуночи заглянуть в небольшую комнату пристройки, стоявшей на задворках постоянного двора «Цветок папируса», то удивлению пытливого соглядатая не было бы пределов.

Стол, короткая деревянная кровать, ничем не застеленная. Три сальные свечи в позеленевшем медном шандале. На столе — нетронутый ужин, причем весьма скромный: хлеб, кусок жареного мяса без специй и кувшинчик недорогого вина. А на тяжелом табурете восседает человеческая, по виду, фигура облаченная в невозможное ветхое тряпье. Человек не шевелится, будто заснул сидя. Звуков дыхания не слышно. Может быть, обитатель комнаты умер?

Да он умер. Правда, это случилось много столетий назад. Но об этом печальном обстоятель-

стве никто кроме самого владельца комнаты и его Господина не знает. Все обитатели «Цветка папируса» считают это существо просто обеспеченным постояльцем, наверняка принявшим на себя странный обет — никогда не снимать рубища, которое и уважающему себя нищему неподобает. А что? Ничего особенного! Митрианские монахи частенько так поступают. Вдобавок в Шадизаре никто без особой надобности в чужие дела не полезет — можно нарваться на серьезные неприятности.

И вдруг Леук слегка шевельнулся. Услышал, как со стороны главного здания трактира донесся мелодичный звон — хозяйская клепсидра, установленная у входа, отбивала середину ночи.

Молча, с дергающейся грацией куклы, Неживой встал, медленно прошелся из угла в угол, дожидаясь, пока не прозвучат все двенадцать ударов, попутно смахнул в бадью с отбросами не съеденный ужин (хозяину и другим постояльцам должно казаться, что Леук обычный человек, а потому он исправно заказывал еду с кухни, но всегда ее выбрасывал) и наконец остановился. Отмахнулся ладонью в сторону свечей, и язычки пламени исчезли.

Кромешная тьма Леуку не мешала — он мог видеть все, всегда и везде, будь то полуденная пустыня или самый мрачный склеп стигийской пирамиды. Отодвинул в угол стол. Развел руки по сторонам, затем соединил их в круг, сцепив ладони. Сверкнули темно-багровым точки глаз из-под капюшона.

Комната осветилась. Серо-голубой отсвет упал с потолка, толстый луч прошел сквозь кольцо, образованное руками существа и лег на шершавые доски пола, уподобляясь круглому пятну света от воровского фонарика шадизарских «ночных цирюльников».

Дерево досок исчезло, казалось призрачный водопад огня выжег пол за долю мгновения.

Леук шагнул назад и осторожно заглянул в отверзшийся провал. Так и есть, получилось! Крутая лесенка, серые гранитные ступени ведут вниз. Остается лишь спуститься и найти Господина. Он наверняка никуда не отлучался. Господин вообще не покидает своего жилища. Никогда. Именно поэтому в Шадизар отправился не Он самолично, а верный слуга — Леук.

Неживой не считал ступени, зная сколько их всего — шесть сотен, шесть десятков, и еще пять. Последней ступенью были каменные плиты Его дворца. Так было всегда — Леук мог открыть Проход и высоко в горах, и находясь в подземелье, но ступенек всегда было именно столько, ни на одну большую, ни на одну меньшую. Магия богов любит точные, неизменяемые числа.

Леук шел быстро, уверенно. Вот и первый зал, за ним галерея, потом долгий проход в сторону Судного камня, потом еще поворот. Безмолвные слуги сторонятся — знают, что пришел любимчик Господина. Да и слуг здесь не так много, просто дурацкая традиция. Ему, Вечному, правду говоря, слуги не нужны. Содержатся для приличия, чтобы не ударить в грязь лицом пе-

ред изредка навешающими дворец гостями из числа Шести Великих.

Вот и Обитель. Черные, резного мрамора с золотыми блестками двери распахнулись, впуская Леука. Чапи с серым огнем, статуи, колонны, украшения — все как в обычном дворце. Леуку здесь нравилось. Именно в таком грандиозном в своей неживой торжественности месте и должны сходиться все пути.

Тридцать три колонны справа, столько же слева. На полу мозаика — невиданное, удивительное древо: длинный ствол и десять плодов — четыре в центре, на самом теле дерева, и по три на боковых ветвях. Названия древние, но понятные каждому слуге Господина. Кетхер — плод рождающий Венец, первопричину, первоначальную пустоту... Хогма — плод Познания, первоначальной идеи, в которой все содержание лежит как бы в укладке и готово распространиться по всему сотворенному. В Хогме содержится сущность всего того, что будет... Плоды, рождающие и убивающие мир. Последний дар дерева выложен аметистами у подножия Его трона — Мальгут, Мудрость, которая нагой открывается в Мальгуте, и открывает, что ее тайна состоит в том, чтобы не бывать, если только не на мгновение, и вдобавок не на последнее. Чистая Мудрость, место, куда впадают все до единой реки, порожденные Вселенной...

Леук остановился. Кланяться или преклонять колена не стал — Господин стоит выше любого раболепия слуг, Ему это не нужно.

— Владыка? — позвал Леук. Он видел Господина, но не в материальном обличье, а в истинной сущности: сгусток черноты, обновременно переливающейся всем цветами радужного спектра. Ничто, Пустота, Вечность и в тот же момент — Содержание, Бытие, Материя. Все совместимое и несовместимое.

— Принес? — недоброжелательно отозвались из Ничего. Здороваться Он не стал. Зачем жаловать здоровья мертвому?

— Нет, — отрекся Леук. — Однако, напал на след. Владыка, там, наверху творится нечто... Странное. На моей памяти доселе не происходило ничего подобного. Все Великие собрались в этом отвратительном муравейнике.

— Все до единого? — несколько изумленно ответила Непустая Пустота.

— Сет, Иштар, Деркэто, Эрлик, — скрупулезно перечислил Леук. — Митра Солнечный прислал своего слугу, его имя — Эпимитриус. Ты, Господин, отправил наверх меня. Все шестеро Великих так или иначе представлены в... — Неживой впервые изменил тональность голоса, превратив ее из нейтрально-безразличной на брезгливую, — ...в этом Шадизаре.

— Причина ясна, — создалось впечатление, будто Ничто кивнуло. — Они тоже пострадали?

— Да, — кратко ответил Неживой. — Каждый занимается поисками. Они недовольны. А когда Великие недовольны — страдают смертные...

— Мне нет дела до смертных, пока они таковыми являются, — напомнил Господин.

—...И равновесие Мира,— упрямо продолжил Леук, пропустив мимо ушей замечание Владыки.— Я пришел за новым приказом. Что теперь делать? Понимаю — в первую очередь Книга, но если я наткнусь на...

— Если наткнешься — верни хозяину! — ответила Пустота.— Я не собираю чужих сокровищ. В конечном итоге они и так будут моими. Я не хочу обижать никого из Великих. Они мне не враги. Однако, и не друзья. Поддержи равновесие, Странник. У тебя всегда хорошо получалось улаживать столь деликатные дела. Постарайся никому не причинять вреда, но и не будь добренъким. Мы стоим над добром и злом, ибо и то и другое однажды придут ко мне, за Решением... Иди. И, пожалуйста, принеси Книгу как можно быстрее. Мне без нее немного... тяжело. Отправляйся!

Леук круто развернулся и зашагал обратно. Не попрощался. Зачем?

Книга! Сначала — Книга Господина! А тот, кто похитил ее — заплатит за краткое удовольствие владения собственностью Великого! И там, наверху, и здесь, в зале украшенном древом с десятью плодами!

Господин не прощает оскорблений! И никто из Шести Великих не простит вора!

Конец второй книги

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЛИСМАН ВСАДНИКА

Роман

Сопроводительное слово к рукописям.....	7
Глава первая.....	10
Глава вторая.....	48
Глава третья.....	80
Глава четвертая.....	123
Глава пятая.....	156
Глава шестая.....	189

ТАНЕЦ ПУСТОТЫ. <i>Роман</i>	203
-----------------------------------	-----

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

Локнит Олаф Бьорн

Конан и танец пустоты

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Боданов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.05.2001. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$.

Печать офсетная. Бумага газетная. Гарнитура «Палатино».

Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10 000 экз. Заказ 1682.

Общероссийский классификатор продукции

OK-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский район,

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.2001.

220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 - - 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор

Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканскоe унитарноe предприятиe

«Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ТНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПЛАЗЕННЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕИМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХВОСТИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОКИВА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА 54	КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА 56
КОНАН И СКАЛЫ ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ГОВЕЛИАНЫ РИДДИН 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВЛАДИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА 63
КОНАН И САУДА ТУМАНА 64	КОНАН И АНД ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТАЛЬ АРАКОНОВ 66	КОНАН И НОЧНЫЕ МИРТВЫХ 67			
КОНАН И ЗВАК АРГОСА 68	КОНАН И АЛАВ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЦ ПУСТОТЫ 70				

КОНАН

ISBN 5-17-009335-7

9 785170 093359